

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

№ 1

ISSN 0132-1366

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНО ·
ВЕДЕНИЕ

«НАУКА»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

2009

ИЮЛЬ

АВГУСТ

Содержание

СТАТЬИ

<i>Васютин С.А., Пугачев А.Ю.</i> (Кемерово). Тюрко-болгары, Византия и славяне в конце VII–VIII веке: модель военно-политической адаптации кочевников в полупериферийной зоне земледельческой цивилизации	3
<i>Антонов В.А.</i> (Москва). «Герб Славян» в понимании датчан в XV–XVI веках	17
<i>Корзо М.А.</i> (Москва). О некоторых источниках катехизисов Симеона Полоцкого	24
<i>Селиверстов С.В.</i> (Астана). Н.С. Трубецкой в евразийском дискурсе: начало 1930-х годов.....	40
<i>Ваганова Н.М.</i> (Москва). Николай Осипович Массалитинов и болгарский театр XX века	55
<i>Анисимова Д.Ю.</i> (Москва). Употребление словацких неопределенных местоимений в экспрессивно-оценочной функции	68
<i>Молошная Т.Н.</i> (Москва). Транспозиция грамматических форм императива в современном русском и других славянских языках	81

СООБЩЕНИЯ

<i>Росов В.А.</i> (Москва). Писатель Г.Д. Гребенщиков в Константинополе	91
---	----

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

<i>Иванов Вяч.Вс.</i> (Москва). Четверть века в Институте славяноведения	102
--	-----

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Мананчикова Н.П.</i> А.Н. Горяинов. В России и эмиграции: очерки о славяноведении и славистах первой половины XX века	117
<i>Косик В.И.</i> Т. Puškadija-Ribkin. Emigranti iz Rusije u znanstvenom i kulturnom životu Zagreba	121

<i>Ильина Г.Я.</i> Н.М. Вагапова. Русская театральная эмиграция в Центральной Европе и на Балканах	122
<i>Замятин Д.Н.</i> Ландшафты культуры. Славянский мир	126
<i>Огринц К.</i> Н. Jazbec. Nemške izposojenke pri Trubarju na primeru besedila Ena dolga predgovor ...	129

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Досталь М.Ю.</i> Международная конференция «Русская эмигрантская культура и гуманитарные науки в межвоенной Чехословакии: линии профессионального сотрудничества»	134
--	-----

ЮБИЛЕИ

<i>Серапионова Е.П.</i> К 90-летию Ивана Ивановича Костюшко	137
<i>Стыкалин А.С.</i> К 70-летию Владислава Якимовича Гросула	138

НЕКРОЛОГИ

<i>Чуркина И.В., Кирилина Л.А.</i> Памяти профессора Марьяна Бритовшека (1923–2008) ...	141
<i>Лантева Л.П.</i> Памяти Мерчина Фёлькиеля (1934–2007)	141

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.А. РОБИНСОН (главный редактор),
Г.К. ВЕНЕДИКТОВ, Р.П. ГРИШИНА, В.И. КОСИК,
Г.Ф. МАТВЕЕВ, В.В. МОЧАЛОВА, К.В. НИКИФОРОВ, С.В. НИКОЛЬСКИЙ,
В.Я. ПЕТРУХИН, Л.А. СОФРОНОВА, А.С. СТЫКАЛИН, Б.Н. ФЛОРЯ,
В.А. ХОРЕВ, Т.В. ЦИВЬЯН

А.С. Стыкалин (отв. секретарь)

Заведующие отделами: *Адельгейм И.Е.* (отдел литературоведения),
Белова О.В. (отдел культурологии),
Стыкалин А.С. (отдел истории)

Зав. редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Авакова Л.А., Пономарева Е.В., Веслова И.Ю.*

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а, Телефон 938-01-20
 E-mail: zhurslav@mail.ru

Рукописи принимаются в электронном виде с распечаткой (1 экз.) объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения – до 30 тыс., рецензии – до 20 тыс. знаков. Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

© Российская академия наук, 2009 г.
 © Редколлегия журнала “Славяноведение”
 (составитель), 2009 г.

© 2009 г. С. А. ВАСЮТИН, А. Ю. ПУГАЧЕВ

ТЮРКО-БОЛГАРЫ, ВИЗАНТИЯ И СЛАВЯНЕ
В КОНЦЕ VII–VIII в. МОДЕЛЬ
ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ КОЧЕВНИКОВ
В ПОЛУПЕРИФЕРИЙНОЙ ЗОНЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЙ
ЦИВИЛИЗАЦИИ

Задачей данной статьи является анализ форм политической организации у кочевых болгар в конце VII–VIII в. Миграция тюрко-болгар¹ Аспаруха на Дунай привела к столкновению с Византийской империей, заключению с ней в 681 г. договора и возникновению Болгарского ханства². Отечественные и зарубежные исследователи часто рассматривают Дунайскую Болгарию в конце VII–VIII в. как государственное образование. Особенно последователен в этой оценке Г.Г. Литаврин [1. С. 35–36; 2. С. 43, 45, 46; 3. С. 239; 4. С. 157, 158, 160; 5. С. 249, 251; 6. С. 9], который, говоря о «своеобразном варварском государстве», исходил из уровня социально-экономического развития славян и болгар и предполагал эксплуатацию «родоплеменной аристократией» болгар и славянских «рядовых общинников», а также формирование в Дунайской Болгарии ряда управленческих институтов (государственной казны, пограничной службы, профессиональной армии, фискальных учреждений, аппарата насилия и судопроизводства, превращение Плиски в ханскую резиденцию-крепость [1. С. 45; 4. С. 157; 5. С. 238, 252–253].

Васютин Сергей Александрович – канд. ист. наук, заведующий кафедрой Кемеровского государственного университета; Пугачев Александр Юрьевич – аспирант Кемеровского государственного университета.

Работа выполнена при поддержке гранта Кемеровского государственного университета «Комплексный анализ кочевых обществ раннего Средневековья».

¹ В отечественной историографии в отношении болгар, пришедших на Дунай во главе с Аспарухом, нередко используется этноним *протоболгары*. Нам представляется более правильно определять их *древними болгарами* (так нередко называют болгар Великой Булгарии хана Кубрата) или тюрко-болгарами, чтобы отличать их от более поздних болгар, преимущественно славянского происхождения.

² В научной и учебной литературе данное политическое образование часто называют Первым Болгарским царством. Но царством раннесредневековая Болгария стала только в X в. Поэтому для VII–IX вв. мы будем пользоваться понятиями Болгарское ханство (Болгарское сложное вожжество), Болгарское княжество (Болгарское раннее государство), которые точнее отражают организацию власти, титулатуру, этапы эволюции политической системы, т.е. конкретно-исторические реалии болгарской истории до X в.

Мнение о возникновении государства в Болгарии в конце VII в. разделяли П. Петров [7. С. 59–66, 81–90], Д. Ангелов [8. С. 14], В. Тыпкова-Займова [9. С. 38–41], Е. Койчева и Н. Кочев [10. С. 152; 11. С. 51–54], Б.Н. Флоря [12. С. 193–194], В.В. Седов [13. С. 258, 261], Б.М. Свердлов [14. С. 52, 54], С.Г. Кляшторный [15. С. 64] и др. Более взвешенно характеризует институты власти в Болгарии 681–852 гг. О.В. Лощакова. Политическую систему тюрко-болгар в этот период она определила как «языческое протогосударственное образование» [16. С. 3–4]. В целом можно сказать, что исследователи подошли к политогенезу тюрко-болгар, если так можно сказать, с «мерками» оседлых обществ. Современные разработки проблемы власти у кочевников привлеклись недостаточно.

Методологической основой исследования является многолинейная теория социально-политического развития. Она базируется на современных трактовках неозволюционистской концепции политогенеза и достижениях политической антропологии, изначально выделявших несколько универсальных звеньев: локальная группа–племя–вождество–государство [17. С. 32]. Затем схема детализировалась, вводились новые уровни сложности, что в дальнейшем способствовало признанию учеными многовариантного характера изменений в различных обществах [18. С. 6–19; 19; 20. С. 37–51].

Важное значение для характеристики политической эволюции Дунайской Болгарии в конце VII–VIII в. имеют теории «вождества» и «раннего государства», наиболее фундаментально сформулированные в трудах Э. Сервиса [21], Т. Ёрла [22], А. Саутхолла [23], Р. Карнейро [24], Дж.М. Классена и П. Скальника [25]. Каждое из этих понятий обладает набором определенных признаков, но в то же время достаточно дифференцировано. Так, исследователи выделяют первичные (простые), вторичные (сложные), суперсложные вождества, обращают внимание на определенную их «специализацию» (военные, теократические, ирригационные, тропические вождества) [26. С. 22–26]. Оттенки имеют и характеристики ранней государственности: «зачаточное», «типичное», «переходное» [27. С. 142]. В отечественной историографии теории «вождества» и «раннего государства» были апробированы в различных научных исследованиях российских ученых в 1990–2000-х годах (см., например [28]). Историографическая ситуация во многом изменилась и благодаря публикации значительного числа работ зарубежных исследователей по проблемам социально-политического развития древних и средневековых обществ на русском языке [18]. Следует также указать, что в отечественной науке уже накоплен определенный опыт применения социально-антропологических разработок для описания политарных процессов в раннесредневековой Европе [29]. Современная теория эволюционизма дает возможность выявить определенную этапность в изменении политических институтов тюрко-болгар, учитывает специфику и асинхронность исторического развития, раскрывает факторы политогенеза и демонстрирует обратимость процессов политической интеграции.

Апробация инновационных подходов в исследовании основных направлений и этапов трансформации власти в Болгарии в конце VII–VIII в., несомненно, должна учитывать опыт изучения постарно-политических систем кочевников. В этом направлении исследователи достигли существенных результатов. Прежде всего указывается на различные адаптационные модели, которые использовали кочевники в разных природно-климатических, социально-

политических и культурных условиях. Соответственно этим способам адаптации у кочевников формировались разные с функциональной и структурной точки зрения управленческие системы [20. С. 490–492; 30. С. 382–391; 31]. В степных условиях уровень потестарно-политической интеграции кочевников ограничивался сложными и суперсложными вождествами (имперскими конфедерациями, государствоподобными с коллективистскими и племенными традициями). Иные институты управления возникали в случае завоевания кочевниками территорий с оседлым населением. Но даже здесь формы взаимодействия кочевников и земледельцев различались (это хорошо показывает сравнение Г.Г. Литавриным основных тенденций развития аваров в Паннонии и тюрко-болгар на Дунае [1. С. 43–44; 5. С. 249–250, 253–254]). В процессе контактов с крупными земледельческими цивилизациями кочевники нередко выступали в качестве пасторальной полупериферии. Это обусловило определенные стратегии поведения кочевников в отношении земледельческих центров. Для характеристики власти тюрко-болгарских ханов важное значение имеет выявление механизма поддержания военно-политического авторитета кочевыми лидерами, что на примере хуннских шаньюев наглядно показал Н.Н. Крадин [32. С. 184–191]. Эти новые подходы и разработки, наряду с достижениями отечественных и зарубежных ученых в изучении болгарской раннесредневековой истории легли в основу предложенной ниже реконструкции политарных процессов в Болгарии конца VII–VIII в.

В политическом развитии болгарских племен VI – середины VII в. наиболее важные этапы были связаны с образованием двух племенных групп – кутригуров (котрагов) и утигуров, вторжением в Европу аваров и созданием Аварского каганата, подчинением части болгарских племен тюркам-туго и возникновением Великой Болгарии. К середине VI в. кутригуры занимали степные территории в междуречье Дуная и Днестра, а утигуры расположились к востоку от Азовского моря. Консолидации этих племенных групп способствовало их участие в нападениях на балканские провинции Византии. Так кутригуры совершили ряд крупных военных акций против империи (493 г., 499 г., 502 г.). Особенно масштабными были набеги болгар и, по-видимому, союзных им славян в 40–50-х годах VI в. на Южную Фракию, Иллирик, Грецию [33. С. 37–38].

К сожалению, нам почти ничего не известно о племенной иерархии и конкретных формах власти у кутригуров и утигуров. Исходя из довольно кратких сведений византийских источников можно предположить, что кутригурский и утигурский союзы не были племенными конфедерациями и возглавлялись вождями, что наглядно проявилось в событиях совместного похода кутригуров, во главе с Заберганом, и славян на Византию в 558–559 гг. Грабежи кутригурами византийских территорий продолжались до тех пор, пока им не была выплачена солидная сумма и обещаны такие же «дары», как и утигурам. Во всех этих событиях явно фиксируются лишь военно-организационные функции болгарских вождей. Вероятно, уровень интеграции кутригуров и утигуров ограничивался структурами простых вождеств.

Вторгнувшиеся в 557–559 гг. в Северное Причерноморье авары нанесли поражение утигурам и кутригурам. Значительная часть последних оказалась вовлечена в миграционный поток аваров, устремившихся в Паннонию, где был создан Аварский каганат. Авары, вероятно, установили контроль и над оставшимися в северо-западной части Причерноморья кутригурами. Кутригуры под главенством аваров участвовали в походах на византийские владения и зани-

мали в Аварском каганате более высокое в сравнении со славянами положение. Возможно, этим объясняется рост политических амбиций болгар, что проявилось в усобицах между аvaraми и болгарами в 630-х годах с последующей миграцией части болгар [33. С. 39]. Новое переселение болгарских кочевников в Италию в 660-х годах и выступление Кувера против аваров, вероятно, в начале 680-х годов [34. С. 229, 239, прим. 37–38; 35. С. 275–276], показывают, что в каганате, несмотря на свое подчиненное положение, болгары имели прочную военно-политическую опору и стремились влиять на политику аваров.

В ином направлении эволюционировала общественно-политическая система утигуров. Они наряду с уногундурами (оногундурами, оногурами – соотношение этих этнонимов с утригурами не вполне ясно; нередко случаи их отождествления) и сарагурами во второй половине 570-х годов вошли в состав Великого Тюркского каганата. Утигуров затронули мощные процессы тюркизации, и в последней трети VI – первые десятилетия VII в. болгарами северо-восточного Причерноморья были усвоены многие компоненты «древнетюркского мира» – инновационный комплекс вооружения и конской упряжи с жестким седлом и стремянами, титулатура, жесткая военная дисциплина, возможно религиозная доктрина, некоторые обрядовые практики (неслучайно наличие погребений с конем в тюрко-болгарских могильниках в Добрудже) и т.д. У нас нет данных о том, каким образом тюрки-тугю осуществляли власть над болгарами. Имя правящего рода болгар в VII – середине VIII в. – Дуло – могло происходить из названия племенной конфедерации Дулу, располагавшейся в Семиречье [36. С. 153–157]. Гипотетически можно предполагать, что тюрки назначили наместника из Дулу над утигурами, который, породнившись с одним из родов болгар, и дал название тюрко-болгарской династии.

Несмотря на свое периферийное положение, утигуры и другие группы болгар играли важную роль во взаимоотношениях тюркских каганатов и западных удельных правителей с аvaraми, Византией и Персией. В условиях союза западных тюрков и Византийской империи, предводитель утигуров Органа установил дружественные отношения с Константинополем. Его племянник уногундур Кубрат в 619 г. посетил столицу Византии и получил титул «патрикия», не исключается и принятие Кубратом христианства [37. С. 21]. Эти связи с Византией в дальнейшем использовались для создания тюрко-болгарами самостоятельного политического образования в Приазовье (Великой Болгарии), когда в начале 630-х годов Западнотюркский каганат переживал кризис, а Причерноморье, Северное Предкавказье и Поволжье оказались вне зоны влияния западнотюркских каганов. Именно тогда началось возвышение Кубрата, принявшего титул *хан*, что, вероятно, отражало его стремление к независимости от западнотюркских каганов. Еще одним фактором складывания Великой Болгарии стало выступление кутригуров в Аварском каганате и присоединение части кутригуров, кочевавших к западу от Днепра, к Кубрату. Соединив, таким образом, под своей властью разные ветви болгар, хан Кубрат в 635 г. нанес поражение аvaraми и закрепил собственные успехи договором с Византией. Под контролем Кубрата оказались степные районы Причерноморья и Приазовья.

Великая Болгария Кубрата имела сложную кланово-племенную структуру и представляла собой вождество. В отечественной историографии наиболее полную сводку признаков вождества дал Н.Н. Крадин. Он, в частности, особо выделял следующие характерные черты вождеств: 1) большая численность

населения и наличие надлокальной централизации; 2) существование иерархической системы принятия решений и институтов контроля при отсутствии узаконенной монополии власти на применение силы; 3) четкая социальная стратификация с зарождением тенденции к выделению эндогамной элиты; 4) важная роль редистрибуции – перераспределения материальных и иных ресурсов по вертикали; 5) общие культы и ритуалы; 6) правитель вождества – харизматический лидер, устойчивость власти которого зависит от военных успехов, его щедрости и т.п., поэтому он имеет ограниченные полномочия, а вождество как политическая структура не застраховано от распада [25. С. 16–17, 22–26; 26. С. 167–168]. Более масштабные и иерархичные составные или сложные вождества отличаются включением в свой состав нескольких простых вождеств, большей стабильностью, передачей власти в пределах одного клана, примитивными формами управленческой иерархии, наличием центра – «градopodobного» пункта с четкой планировкой, «крепостью» и дополнительными фортификационными сооружениями и т.д. [25. С. 24; 26. С. 168].

Великая Болгария, судя по скудным сведениям источников, была переходным образованием, сочетавшим признаки простых и сложных вождеств. Власть Кубрата носила надклановый характер и уже приобрела наследственный в рамках рода Дуло статус (среди его предшественников назван дядя Органа; после смерти Кубрата власть перешла к его сыновьям). Существовал столичный центр – Фанагория. Единой системой культов и ритуалов служило тенгрианство. Однако говорить об иерархии управления крайне сложно, ибо в источниках нет прямых указаний на оформление в Великой Болгарии простых вождеств, племенных групп, во главе которых стояли племенные вожди. Возможно, существование таких кланово-племенных групп нашло отражение в разделении державы Кубрата после его смерти «на части». Но встали во главе их не местные клановые правители, а сыновья Кубрата. Правда, присутствие среди них Котрага, имя которого тождественно одному из вариантов племенного названий кутригуров, заставляет усомниться в том, что за 30 лет правления Кубрата межплеменные различия были ликвидированы. Тем не менее статус его власти был очень высок и признавался как самими болгарами, так и соседними народами и государствами.

Еще в 1912 г. в селе Малая Перещепина был случайно найден «клад» (как потом удалось установить, элитное погребение). Сопроводительный инвентарь (16 золотых и 19 серебряных сосудов, золотые перстни, ритон, серьги, браслеты, гривна, накладки на пояс, монеты с общим весом золотых вещей около 25 кг и серебряных – около 50 кг) включал вещи византийского, персидского, согдийского и кочевого происхождения. Датированными в первую очередь являются монеты (самые поздние отчеканены между 642 и 646 г.). На двух перстнях монограммы включали имя Кубрат и титул «патрикий», который Кубрат получил от императора Ираклия в Константинополе. Поэтому, без сомнений, Перещепинское захоронение некоторые исследователи считают могилой Кубрата [37. С. 22–23]. Данный памятник VII в. показывает тот авторитет и могущество, которыми располагали кочевые вожди в Причерноморье в период синхронный правлению Кубрата. Погребальный инвентарь свидетельствует и о вероятных материальных ресурсах болгарского хана.

События, последовавшие за смертью Кубрата (ок. 660 г.; по другой версии – ок. 642 г.), показывают, что могущество Великой Болгарии во многом строилось на личности Кубрата, на его военных и дипломатических достиже-

ниях. Это лишний раз подчеркивает вождеский характер политической организации Приазовской Болгарии. При отсутствии достойного преемника у Кубрата Великая Болгария, как и в свое время «держава Аттилы», вступила в полосу кризиса. Кризис развивался в двух направлениях. Во-первых, произошли «раздоры» между сыновьями Кубрата, которые разделили болгар на отдельные «орды». Контекст «Бревиария» Никифора и «Хронографии» Феофана Исповедника позволяет предполагать, что Батбаян/Баян и Аспарух смогли вытеснить своих братьев и верные им кланы из Причерноморья (нельзя исключить, что отчасти это произошло под давлением хазар): Котраг увел своих сторонников за Танаис вверх по Волге, младшие сыновья Кубрата откочевали из Паннонии к аварам. Судя по всему, Батбаян и Аспарух разделили владения отца. Батбаян разместился «в дедовской земле» (в Восточном Приазовье), а Аспарух – в междуречье Дона и Днепра. Затем болгары Аспаруха (предположительно из-за конфликта с Батбаяном или под давлением хазар) переправились через Днестр и обосновались в местечке Онгл [34. С. 229; 35. С. 277]. Не исключено, что в ходе этой миграции болгары вытеснили из данного района аваров и подчинили славян нижнего левобережья Дуная [33. С. 41].

Во-вторых, утратившие единство тюрко-болгары подверглись нападению хазар. Согласно оценкам М.И. Артамонова [38. С. 171], Л.Н. Гумилева [36. С. 237], С.А. Плетневой [39. С. 220, 221] в Хазарии у власти утвердился один из западнотюркских принцев Ашина, который провозгласил образование Хазарского каганата. По предположению Л.Н. Гумилева, Ашина Ирбис Шейгу-хан вместе с верными тюркскими воинами откочевал в Хазарию с началом вторжения в Среднюю Азию войск Тан [36. С. 237]. Поэтому развернувшееся в 660-х годах наступление хазар на Великую Болгарию можно рассматривать как стремление восстановить власть Ашина над болгарами и свергнуть род Дуло. В результате болгары Батбаяна оказались данниками Хазарского кагана, а Великая Болгария между 660 и 680 гг. была уничтожена.

В целом важно подчеркнуть, что процессы политической интеграции у болгар были продолжительными, обратимыми и ограниченными формированием вождеских структур. В итоге условия для перехода кочевников болгар к государственной системе в VII в. еще не сформировались. Данный вывод является отправной точкой для реконструкции основных путей трансформации потестарно-политической системы Дунайской Болгарии в конце VII–VIII в.

Разнопорядковые факторы и события способствовали образованию на северо-востоке Балкан нового политического объединения – Болгарского ханства. Пребывание тюрко-болгар в местечке Онгл (его локализуют в междуречье Прута и Дуная) было непродолжительным, но очень важным периодом с точки зрения выстраивания отношений между тюрко-болгарами и славянами. Миграция тюрко-болгар Аспаруха, по-видимому, повлияла на этническую картину на нижнем левобережье Дуная. Не случайно, что одновременно с завоеваниями Аспаруха здесь перестала существовать раннеславянская ипотешти-кындештская культура [13. С. 104–105]. Можно предположить, что, как и позднее в Добрудже, тюрко-болгары рассеяли славян, переселив ряд племен из занятого ими Онгла на юг и юго-запад [13. С. 105]. Также часть славян могла быть увлечена в западном направлении отступавшими аварами и/или тюрко-болгарами, откочевавшими в Паннонию.

Несомненной удачей Аспаруха был разгром византийской армии и подписание в 681 г. с византийцами договора о мире и выплате дани. Дань, структура

которой хорошо изучена Г.Г. Литавриным [40. С. 229–236], стала важным регулятором отношений хана с его военно-аристократическим окружением. С ее помощью хан обеспечивал лояльность кочевой аристократии и содержание военной дружины. Подобные отношения подробно рассмотрены в монографии Н.Н. Крадина «Империя хунну» [32. С. 95–110, 182–191]. На примере взаимоотношений хунну и Китая он показал механизм функционирования «престижной экономики» у кочевников. Следует отметить, что внутренние ресурсы кочевых хозяйств слишком незначительны, чтобы правитель мог рассматривать их в качестве материальной основы своей власти. Поэтому стратегия кочевых правителей сводилась к объединяющим номадов походам против земледельческих обществ с целью получения военной добычи, дани, «даров-откупов», доступа к необходимым товарам через торговлю на пограничных пунктах и установление монополии на приобретение престижных товаров [41. С. 354–360; 20. С. 496–503; 42. С. 427, 429–430, 435–436]. Н.Н. Крадин обозначил такой тип власти понятием «ксенократическая» (от греч. *ксено* – ‘наружу’ и *кратос* – ‘власть’), а форму эксплуатации – «дистанционной» или «экзополитарной» (от греч. *экзо* – ‘вне’ и *полития* – ‘общество’, ‘государство’) [32. С. 43; 20. С. 503–506]. В свете этих теоретических разработок можно рассматривать и отношения тюрко-болгарских ханов с Византийской империей.

Еще один важный фактор возвышения Болгарии, которому в отечественной историографии отводилась первостепенная роль, был связан с подчинением славянских племен и расселением северов и славян «Семи родов» на границе с Византией и аварами соответственно. Решение вопроса о характере отношений тюрко-болгар и славян осложнено скудной и противоречивой информацией источников. Сведения Никифора определенно говорят о покорении славян (болгары «завладели и близлежащими народами славян») и «намекают» на распорядительный характер переселения: «И поставили одних [...] охранять все соседствующее с аварами, а других – стеречь все близкое к ромеям» [34. С. 231]. В «Хронографии» Феофана в отличие от «Бревиария» Никифора указание на обязанность переселенных славян охранять границы от нападения византийцев и аваров отсутствует [35. С. 279]. Упоминание Феофаном того факта, что «Семь родов» находились «под пактом» не имеет однозначного толкования (см. [2. С. 42–43; 35. С. 315–316, прим. 324]). Поэтому весь эпизод с переселением славян можно интерпретировать только гипотетически. Расселение славян, как представляется, «проводилось», прежде всего, для того, чтобы освободить кочевникам земли в Добрудже, где они могли вести привычный образ жизни. Анализ расположения археологических памятников тюрко-болгар и славян рубежа VII–VIII вв. показывает, что славяне занимали земли вдоль северных отрогов Балканского хребта, по Дунаю, а также территории к западу от Добруджи [13. С. 258–259]. Тем самым тюрко-болгары и славяне занимали разные территории, что почти исключало тесные контакты между ними (смешанные памятники встречались в основном в Восточной Мисии). Взимали ли тюрко-болгары со славян дань регулярно или только во время военных набегов неизвестно.

Политические структуры Дунайской Болгарии конца VII – первой трети VIII в. в целом соответствуют классическим характеристикам сложных вождеств. Во главе вождества стояли ханы из династии Дуло. Их особая роль строилась на сочетании редистрибутивных, военных и сакральных функций.

Болгарские ханы проводили политику набегов и военно-политического давления на Византию с целью получения престижных товаров. Заключение договора с Византией, в соответствии с которым империя выплачивала кочевникам ежегодную дань и стало одной из форм «дистанционной (экзополитарной) эксплуатации». Она во многом способствовала поддержанию политической системы, в которой болгарский хан выступал в качестве распределителя (редистрибутора) полученных от византийцев товаров, дани, военной добычи, а это в свою очередь обеспечивало высокий статус хана среди простых кочевников и аристократии.

Наибольших успехов в реализации данной политической стратегии добился хан Тервель. В 705 г. он помог вернуть константинопольский престол Юстиниану II, за что был вознагражден богатыми дарами и присоединением к Болгарии Загоры – области в Северной Фракии. Более того, Тервель получил политическое признание со стороны Константинополя, что нашло отражение в наделении его титулом «кесарь» [5. С. 256; 43. С. 37]. Заключив в 716 г. мир с империей, Тервель (по другим данным, хан Кормессий II [44. С. 279–282]) не только добился возобновления выплат византийцами дани, но закрепил в договоре собственное право осуществлять контроль за купцами, торговавшими с империей [2. С. 48]. Договор 716 г. расширил возможности тюрко-болгарских ханов как редистрибуторов. По всей видимости, этим объясняется стабильность существования Болгарского ханства в последующие три десятилетия и отсутствие упоминаний в византийских источниках конфликтов с тюрко-болгарами. Фактически наблюдается монополизация ханом торговли с Византийской империей. Подобный контроль правителей за внешней торговлей и обменом рассматривается как один из важных признаков вожеств [25. С. 33–35].

Г.Г. Литаврин считает, что фиксация в договоре болгар с Византией 716 г. обязательства торговцев каждой из сторон «располагать грамотами и печатями», при этом в случае отсутствия печатей все товары должны изыматься и зачисляться «на государственные счета», – это свидетельство существования в Болгарии государственной канцелярии, а соответственно и наличия самого государства [2. С. 252]. Стоит в связи с этим указать на печати-перстни, известные и в Великой Болгарии, которую считать государством нет ни каких оснований. То же касается и сбора в резиденции хана имущества и денежных средств, которые нельзя только на этом основании определять как государственную казну.

Еще одним ресурсом болгарских ханов была дань, выплачиваемая подчиненными племенами славян. Племена славян (как, например, северы) представляли собой простые вожества, включенные в структуру Болгарского ханства. Однако для конца VII – первой половины VIII в. нам неизвестно как управляли славянскими племенами тюрко-болгары и как конкретно складывались отношения хана со славянскими лидерами. Можно лишь предполагать, что реальный статус славянских племенных групп не был одинаков. Некоторые из них могли выступать в качестве данников или несли определенные повинности³, другие поставляли воинские контингенты. Вопрос в соотношении

³ В этой оценке мы можем фактически исходить только из потребностей тюрко-болгарских ханов в дополнительных материальных и людских ресурсах для строительства укреплений, содержания армии и ханского окружения.

размеров дани, которую получали ханы от Византии и славян, остается открытым из-за «пробелов» в источниках. Полагаем, что обе эти формы изъятий были важны: византийская дань давала престижные товары, а славянская – обеспечивала продовольствием.

Тем самым тюрко-болгары выступали как одно из пасторальных обществ Византийской цивилизации. Процессы политической интеграции у них во многом зависели от состояния Византии и способности правителей регулярно получать дань от византийцев. В лице таких пасторальных обществ выступали германские федераты, гунны во главе с Атиллой, Аварский каганат, позже викинги, венгры, печенеги, половцы и т.д. Для самой Византии подобные откупные отношения с варварами были достаточно традиционными и входили в обычный дипломатический ассортимент Константинополя. Особенностью Болгарского ханства было расположение в непосредственной близости от центра Византии и тесные контакты с империей, что во многом блокировало возможности дистанционной эксплуатации для аваров и других кочевников. Однако это тесное взаимодействие с Византией имело для кочевников-болгар одно неоднозначное следствие – постепенную византизацию элиты. Заимствования и подражание византийским образцам были особенно масштабными в IX–X вв. Они повлияли на характер и символику власти, способствовали существенной деформации социальной системы, ускорили культурную ассимиляцию тюрко-болгар и их христианизацию. В конечном итоге венцом этого синтеза стала идея Симеона о «царстве болгар и греков». С другой стороны, расположение тюрко-болгар на Балканах и их доминирование в славянской среде в Мисии и отдельных районах Фракии, несомненно, осложняло использование старых политических приемов борьбы с варварами «руками варваров». Вероятно, в связи с этим со второй половины VIII в. и практически до начала XI в. основную роль в противостоянии с Дунайской Болгарией пришлось играть самой Византийской империи.

Военные успехи хана обеспечивали функционирование «престижной экономики» и были существенным «вкладом» в авторитет и сакральность правителя. Гибель Аспаруха около 700 г. в походе против хазар свидетельствует о том, что хан не отделял себя от дружинников и воинов и сражался в их рядах. Вплоть до X в. болгарские правители сами возглавляли болгарскую армию и должны были на деле подтверждать статус военачальников. В связи с этим важнейшая роль отводилась организации армии, с помощью которой ханы болгар одерживали военные победы и поддерживали имидж неотвратимой угрозы для Византийской империи. В армии существовала жесткая дисциплина. Любое нарушение военных порядков каралось смертной казнью или другими жестокими наказаниями. Даже в середине IX в. после крещения эта типичная для кочевников система дисциплинарных наказаний сохраняла значение. Упомянутые в «Ответях папы Николая I на вопросы болгар» наказания скорее тяготели к древней кочевой традиции, особенно в военной сфере (опоздание на сборы, недобросовестная охрана границ, небрежное приготовление снаряжения перед боем, бегство с поля битвы и т.п. каралось смертью) [45. С. 85–86, 89, 91]. Аналогичные кары были известны у сюнну [46. С. 38–39], тюрков [47. С. 230–231; 48. С. 19–20] и других кочевников. Это свидетельствует о том, что в Болгарии при Аспарухе и его наследниках существовала иерархическая система принятия и исполнения решений, военно-судебные органы.

Иерархический характер военной организации тюрко-болгар прослеживается по древнеболгарским письменным памятникам первой половины IX в. Окружение ханов состояло из боилов (старшая аристократическая дружина) и багаинов (младшая дружина). Основную военную силу составляло конное ополчение болгар. Вспомогательную роль могли играть отряды славян. Надписи времен Омуртага и Маламира показывают, что проникновение славян в дружинную среду даже и в первой половине IX в. было редкостью [49. С. 235].

Еще одним каналом влияния хана было исполнение религиозных функций. Хан выступал в качестве посредника между болгарами и Тенгри (Небом). Тенгрианство служило прочной основой для обоснования права хана на верховную власть среди тюрко-болгар (тюркская формула «Небом рожденный» («поставленный») каган [50. С. 33, 39]), ее сакрализацию и поддержание сакрально-религиозного авторитета хана в тюрко-болгарской среде.

Хан также выступал в качестве регулятора отношений внутри сложной кланово-племенной системы тюрко-болгар. Исключительные позиции членов рода Дуло и нескольких влиятельных кланов показывают в то же время, что хан должен действовать не только в интересах аристократии (не случайно, что власть во второй половине VIII в. оспорена родами Вокил и Угаин) и своего окружения из слуг и неродовитых дружинников, но и в интересах рядовых болгар.

Стоит упомянуть и монументальное строительство в Плиске, которое Г.Г. Литаврин рассматривал как признак государственности. Между тем на огромном количестве примеров доказано, что возведение монументальных сооружений, создание «градоподобных» пунктов с четкой планировкой и крепостью в центре и дополнительными фортификационными сооружениями характерно и для вторичных (сложных, составных) вожеств [26. С. 24]. Вероятно, образцом для превращения города Плиски в столицу и центр Болгарского ханства могла служить Фанагория – столица Великой Болгарии хана Кубрата. Возведение в Плиске крепости, бассейнов и других построек также свидетельствует о восприятии византийского опыта. Тем более, что конкретное архитектурное воплощение монументальных и престижных построек принадлежало пленным грекам. Но сам замысел соединения крепости и большой огороженной площади для юрт и скота показывает, как «византийская» планировка Плиски была трансформирована под задачи создания кочевой столицы.

Одной из особенностей Болгарского ханства был хозяйственный, этнический и религиозный дуализм. При Аспарухе и его ближайших наследниках интеграция социально-политических систем тюрко-болгар и славян была затруднена и ограничивалась в основном военной сферой. Обособленный характер проживания тюрко-болгарских и славянских этнических групп исключал массовый характер бытовых контактов и консервировал социальные, экономические, правовые и религиозные традиции в каждой из данных групп. Слишком сильны были различия в хозяйственной организации славян и тюрко-болгар, бытовой и материальной культуре, социальных традициях, религиозных представлениях и т.д. Уже с середины VIII в. эта ситуация стала меняться в связи с длительным противостоянием тюрко-болгар и Византийской империи. Продолжительный политический кризис, охвативший Дунайскую Болгарию во второй половине VIII в., во многом предопределил смену векторов в отношениях славян и тюрко-болгар.

Детально восстановить событийную историю Болгарского ханства середины – второй половины VIII в. не позволяет весьма ограниченная информация источников. Поэтому предложенная ниже реконструкция политического развития Болгарии является одним из возможных вариантов трактовки политической истории раннесредневековой Болгарии.

Как представляется, кризис в Болгарии развивался в трех направлениях. Первое из них было связано с «перепроизводством элиты». На смену суровой эпохе миграций и столкновений при хане Аспарухе пришло время достаточно мирной жизни в 720–740-е годы. Византия была отвлечена новыми волнами мусульманской экспансии и разгоревшейся в империи борьбой с иконопочитанием. Надо также учесть, что с момента захвата тюрко-болгарами Добруджи и Мисии сменилось, как минимум, два поколения, последнее из которых было выращено в условиях мирного существования с Византией. Это поколение тюрко-болгарской кочевой аристократии было развращено византийскими дарами и товарами (а запросы элиты продолжали расти). Византийцы, как показали последующие события, подкупали и стравливали разные группировки в окружении хана. Сплоченность тюрко-болгарской элиты вокруг хана и рода Дуло явно снизилась. При этом численный рост аристократии создавал напряжение в политической элите, ибо существенных изменений в ресурсной базе вождества не произошло. Во многом данными обстоятельствами объясняются конфликты между аристократическим кланом и междоусобное соперничество за власть, разгоревшееся в Болгарии в 750–760-х годах. Эта ситуация усугубилась после отказа византийцев в 755 г. выплачивать дань (второе направление кризиса). Хан лишился возможности одаривать свое окружение византийскими деньгами и вещами. Это подорвало его авторитет, привело к свержению династии Дуло [35. С. 283] и чехарде на болгарском престоле. Военно-политический престиж тюрко-болгарский ханов снижался и в связи с серией поражений от византийцев в 756 г., 759–760 гг., 763 г., 768 г. [2. С. 49].

Еще один компонент кризисной ситуации был связан со стремлением ряда группировок тюрко-болгарской знати восполнить недоступность византийских товаров за счет славян. Это вело, скорее всего, к набегам и грабежам. Могли осуществляться попытки увеличить дань и повинности. Славяне отвечали переходом на сторону Византии. Бегство к византийцам нескольких тысяч славян после свержения хана Тельца показывает, что некоторые из болгарских правителей пытались защищать славян и построить отношения с ними на иной основе. Не исключено, что род Угаин, из которого происходил хан Телец, пытался опереться на те или иные племенные группы славян. Косвенно об этом свидетельствует привлечение ханом Тельцом в армию значительного контингента славян для отражения византийского вторжения [35. С. 283].

Политический кризис, несомненно, подорвал влияние болгарских ханов на славянских вождей. Некоторые славянские объединения вышли из-под контроля тюрко-болгар, о чем говорит пример с князем северов Славунном, самостоятельно совершившим набег на Византию ок. 768 г. Тем самым целостность ханства была поставлена под сомнение. Практически были подорваны все внешние источники получения материальных ресурсов (дань славян и византийцев, торговля с Византией, военная добыча). Престижная экономика перестала функционировать.

Длительный кризис заставил тюрко-болгар консолидироваться. С приходом хана Кардама (777–803) закончились клановые междоусобицы. Однако,

чтобы вынудить Византию подписать договор о мире, сил еще не было. Хан Кардам объединил тюрко-болгар для решения другой задачи. Ставка была сделана на подчинение славян во Фракии и Македонии. Но перед этим было восстановлено управление над славянами в Мисии и на южной границе с Византией. Завоевания способствовали возрождению престижа ханской власти, дали в его руки материальные ресурсы (дань славян) и позволили пополнить армию. В конце концов хан Кардам открыто вступил в борьбу с Византией, нанес ей в 792 г. поражение и добился от византийцев возобновления выплаты дани [35. С. 50].

Говоря о важных изменениях в политическом устройстве Болгарии, исследователи акцентировали внимание на мероприятиях ханов Крума и Омуртага. Политике хана Кардама и ее последствиям уделялось незаслуженно мало внимания. Прежде всего, недооценивался тот факт, что подчинение славян во Фракии и Македонии со временем произвело кумулятивный эффект с точки зрения назревших изменений в политической системе. Для устойчивости власти болгарских ханов в славянские земли назначались наместники и другие административные лица (возможно, в таком качестве выступали «внешние болгары»), элита и рядовые тюрко-болгары стали расселяться за пределами Добруджи. Это одновременно был и механизм укрепления контроля за славянами, численно превосходившими тюрко-болгар, и действия направленные на обеспечение лояльности аристократии ханской администрации. Со временем происходит зарождение фискальной системы и административного аппарата, способного осуществлять налоговые изъятия со славянского населения. Традиционная кланово-родовая структура управления тюрко-болгар не могла с этим справиться. Потребовалась реорганизация власти. Таким образом, на рубеже VIII–IX вв. вождество как военно-политическая организация оказалось не эффективным политическим институтом для решения подобных задач. Политика Кардама обозначила новый вектор политического развития Болгарии. Необходимость контроля за славянским населением уже в первой трети IX в. в правление Крума и Омуртага привели к формированию «зачаточного» раннего государства. Это выразилось в усложнении пока еще архаичного аппарата власти, прежде всего, в возрастании роли гражданских функций тюрко-болгарских «чиновников», в формировании новых институтов управления неочевым населением, постепенном переходе от дани к более сложной налоговой практике, зарождению административно-территориальной системы, связанной с наместничествами. Дальнейшая интеграция тюрко-болгар и славян, развитие и усложнение политической организации, принятие христианства, реформы Бориса-Михаила привели к оформлению к концу IX в. типичного раннего государства и к началу активной фазы ассимиляции славянами тюрко-болгар.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Литаврин Г.Г.* К проблеме становления Болгарского государства // Советское славяноведение. 1981. № 4.
2. *Литаврин Г.Г.* Рождение государства Болгария и его борьба с Византийской империи // Краткая история Болгарии. С древнейших времен до наших дней. М., 1987.
3. *Литаврин Г.Г., Наумов Е.П.* Этнические процессы в Центральной и Юго-Восточной Европе и особенности формирования раннефеодальных славянских народностей // Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI–XII вв.). М., 1991.

4. *Литаврин Г.Г.* Болгарская зона в VII–XII вв. // История Европы. М., 1992. Т. 2: Средневековая Европа.
5. *Литаврин Г.Г.* Формирование и развитие Болгарского раннефеодального государства // *Литаврин Г.Г.* Византия и славяне: сборник статей. СПб., 1999.
6. *Литаврин Г.Г.* Славяне и протоболгары: от хана Аспаруха до князя Бориса-Михаила // Славяне и их соседи. М., 2001. Вып. 10. Славяне и кочевой мир.
7. *Петров П.Х.* Образоване на българската държава. София, 1981.
8. *Агелов Д.* Проблемы предгосударственного периода на территории будущего Болгарского государства // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987.
9. *Тышкова-Заимова В.* Южные славяне, протоболгары и Византия. Проблемы государственного и этнического развития Болгарии в VII–IX вв. // Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI–XII вв.). М., 1991.
10. *Койчева Е.* О характере аристократии в раннефеодальных государствах на Балканах // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987.
11. *Койчева Е., Кочев Н.* Болгарское государство с середины VIII до конца IX в. // Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI–XII вв.). М., 1991.
12. *Флоря Б.Н.* Эволюция социальных и общественно-политических структур и возникновение государства // Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI–XII вв.) М., 1991.
13. *Седов В.В.* Славяне в раннем средневековье. М., 1995.
14. *Свердлов Б.М.* Становление феодализма в славянских странах. СПб., 1997.
15. *Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.* Степные империи древней Евразии. СПб., 2005.
16. *Лошачова О.В.* Первое Болгарское царство (политика, идеология, культура): учебное пособие. Ярославль, 2005.
17. *Коротаев А.В., Крадин Н.Н., Лынина В.А.* Альтернативы социальной эволюции (вводные замечания) // Альтернативные пути к цивилизации: коллектив. М., 2000.
18. Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000
19. *Бондаренко Д.М.* Многолинейность социальной эволюции и альтернативы государству // Восток. 1998. № 1.
20. Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград, 2006.
21. *Service E.* Origins of the State and Civilization. New York, 1975.
22. *Earle T.* Chiefdoms: Power, Economy, and Ideology. Cambridge, 1991.
23. *Southall A.* The Segmentary State: From the Imaginary to the Material Means of Production // Early State Economics. New Brunswick & London, 1991.
24. *Carneiro R.* The Muse of History and the Science of Culture. New York; London; Moscow, 2000.
25. *Claessen H. J. M., Skalnik P.* The Early State. Mouton, 1978.
26. *Крадин Н.Н.* Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995.
27. *Крадин Н.Н.* Политическая антропология: учебное пособие. М., 2001.
28. *Крадин Н.Н.* Современные данные о происхождении государства // Вестник НГУ. Серия: история, филология. Новосибирск, 2005. Т. 4. Вып. 1. История; *Березкин Ю.Е.* Вождества и акефальные сложные общества: данные археологии и этнографические параллели // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995; *Березкин Ю.Е.* Америка и Ближний Восток: формы социополитической организации в догосударственную эпоху // Вестник древней истории. 1997. № 2; *Коротаев А.В.* Социальная эволюция. М., 2003.
29. *Лозный Л.* Переход к государственности в Центральной Европе // Альтернативные пути к ранней государственности. Международный симпозиум. Владивосток, 1995; *Васютин С.А.* Эволюция верховной власти и идеальная модель ранней государственности в дохристианской Скандинавии // История и социология государства (Труды гуманитарного факультета НГУ). Новосибирск, 2003; *Санников С.В.* Развитие ранних форм королевской власти у германских народов: проблемы политогенеза // История и социология государства (Труды гуманитарного факультета НГУ). Новосибирск, 2003; *Коньков Д.С.* Проблема власти в раннесредневековом обществе: историографический и методологический аспекты. Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. Томск, 2004; *Лукачев А.Ю.* Потестарно-политическая система Первого Болгарского царства и ее эволюция в контексте социальной антропологии // Россия. Культура. Будущность. Челябинск, 2005. Ч. 1.

30. *Крадин Н.Н.* Кочевничество в современных теориях исторического процесса // *Время мира. Альманах.* Новосибирск, 2001. Вып. 2. Структуры истории.
31. Кочевая альтернатива социальной эволюции. М., 2002; *Крадин Н.Н.* Кочевые империи: генезис, расцвет, упадок // *Восток.* 2001. № 5.
32. *Крадин Н.Н.* Империя Хунну. М., 2001, 2002.
33. *Литаврин Г.Г.* Славяне и протоболгары до встречи в Подунавье // *Краткая история Болгарии. С древнейших времен до наших дней.* М., 1987.
34. *Патриарх Никифор.* Бrevиарий // *Свод древнейших письменных известий о славянах.* М., 1995. Т. II. VII–IX вв.
35. *Феофан Исповедник.* Хронография // *Свод древнейших письменных известий о славянах.* М., 1995. Т. II. VII–IX вв.
36. *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. М., 1993.
37. *Залеская В.Н., Львова З.А., Маршак Б.И.* Перещепинское сокровище // *Сокровища хана Кубрата.* СПб., 1997.
38. *Артамонов М.И.* История хазар. Л., 1962.
39. *Плетнева С.А.* Авары, болгары и хазарский каганат // *История Европы.* М., 1992. Т. 2. Средневековая Европа.
40. *Литаврин Г.Г.* К дискуссии о договоре 716 г. между Византией и Болгарией // *Литаврин Г.Г.* Византия и славяне: сборник статей. СПб., 1999.
41. *Хазанов А.М.* Кочевники и внешний мир. Алматы, 2000.
42. *Барфилд Т.Дж.* Мир кочевников-скотоводов // *Раннее государство, его альтернативы и аналоги.* Волгоград, 2006.
43. *Лурье В.М.* Около Солунской легенды. Из истории миссионерства в период монофелитской унии // *Славяне и их соседи.* М., 1996. Вып. 6. Греческий и славянский мир в средние века и раннее Новое время.
44. *Москов М.* Именник на Българските ханове (ново тълкуване). София, 1988.
45. *Responsa Nicolai I pape ad consulta Vulgarorum* – Отговорите на папа Николай I по допитванията на Българите // *Латински извори за българската история.* София, 1960. Т. 2.
46. *Таскин В.С.* Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). М., 1968.
47. *Бичурин Н.Я. (Иакинф).* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М., 1950. Т. I.
48. *Лю Маоцай.* Сведения о древних тюрках в средневековых китайских источниках (Бюллетень общества востоковедов. Приложение 1). М., 2002.
49. *Бешевлиев В.* Първобългарски надписи (второ преработено и допълнено издание). София, 1992.
50. *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности: тексты и исследования. М.; Л., 1951.

© 2009 г. В. А. АНТОНОВ

«ГЕРБ СЛАВЯН» В ПОНИМАНИИ ДАТЧАН В XV–XVI веках

После вступления на датский престол Кристофер III Баварский (1440–1448) стал употреблять «тайную печать» «Божией милостью короля Дании, Славян и Готов, пфальцграфа Рейнского и герцога Баварии» («SECRETU[M] CRISTOFFERI DEI GRA[CIA] DACIE SCLAUORU[M] GOTORU[M] Q[UE] REGIS COMITIS PALATINI RENI DUCIS BAUARIE») [1. № 66]. Титул Кристофера сопровождался на печати изображением щита, поделенного крестом на четыре поля: в первом были изображены три льва, во втором – восстающий лев, в третьем – ромбы и в четвертом – дракон¹.

Вероятно, знаки щита на этой печати иллюстрировали имена титула Кристофера Баварского, которые он носил после избрания его королем Дании. И действительно, доподлинно известно, что три льва и крест являлись символами Датского королевства, восстающий лев указывал на пфальцграфство Рейнское, а ромбы – на герцогство Баварское. Но в таком случае следовало бы признать, что «Славяне и Готы» символизировались образом дракона – эмблемы, с которой ранее короли Дании не представлялись, а впоследствии (до 1972 г.) непременно изображавшейся в их составных гербах. Однако в историографии прочно утвердилось мнение, что на печати короля Кристофера дракон являлся символом только славян (вендов) [2. S. 110; 3. S. 646–647; 4. S. 172]². И приводились соответствующие доказательства, правда, основанные на изобразительных и письменных источниках более позднего времени.

Так, на первой печати (*secretum*) преемника Кристофера Баварского на датском престоле, Кристиана I Ольденбургского (1448–1481), обнаруживается щит, поделенный крестом на четыре поля: в первом помещены три льва, во втором – две перпендикулярные балки, в третьем – лев над многочисленными сердцами и в четвертом – дракон. В легенде печати Кристиан представляется как «Божией милостью король Датчан, Славян и Готов, а также граф Ольденбурга и Дельменхорста» («SEC[RE]TUM CRISTIERNI DEI GRA[CIA] DANOR[UM] SCLAUOR[UM] GOTOR[UM] Q[UE] REGIS AC COMITIS DE OLDEN-

Антонов Владислав Адексеевич – канд. ист. наук, старший научный сотрудник ИВИ РАН.

¹ Те же знаки обнаруживаются на печатях Кристофера Баварского, употреблявшихся соответственно в 1441–1445 и в 1444 г. [1. № 67–68]. Кроме того, на последней печати были представлены символы Швеции (три короны) и Норвегии (восстающий лев с топором), иллюстрировавшие титулы Кристофера как короля Швеции и Норвегии, которые он носил с 1441 г.

² По-датски, как и по-немецки, славяне называются вендами («wenden», «wende», «vender»).

BORCH ET DELMENHORST» [1. № 72]. Ясно, что здесь три льва символизировали датчан. Известно также, что еще в середине XV в. две красные балки в золотом поле являлись общим гербом графств Ольденбурга и Дельменхорста, и только в середине 1470-х годов для Дельменхорста была создана отдельная эмблема – золотой крест в синем поле [2. S. 128]. Стало быть, легко догадаться, что две оставшиеся эмблемы на первой печати короля Кристиана символизировали «королевства» славян и готов³. Но письменные источники XV в. не содержат известий о том, как эти имена и эмблемы соотносились между собой. И только литературные памятники XVI и последующих столетий свидетельствуют, что дракон обозначал «Славян» («Вандалов»)⁴, а лев с сердцами – «Готов». Так, в описании похорон короля Дании Фредерика II (1588), при исчислении гербовых знамен, сообщается о «Вандальском знамени, коего знаком является, как некоторые считают, дракон» («Vexillum Vandalicum, cuius insigne est, ut aliqui volunt, Draco»). Рядом же находилось «знамя со львом и девятью сердцами, что некоторые считают гербом Готов» («Vexillum cum Leone et 9 Cordibus, quod insigne aliqui Gothorum putant») [5. S. 16]. Датский писатель-драматург и историк, автор первого в Дании отдельного очерка по истории гербов Людвиг Хольберг (1684–1754) говорит о «драконе как славянском гербе», который первым из датских королей принял Кристофер Баварский [6. S. 627].

Вот с опорой на эти и подобные известия Нового времени и вошло в обыкновение считать, что дракон на печатях Кристофера Баварского иллюстрировал слово «Славяне» титула того же государя.

Вместе с тем нельзя не заметить, что данное суждение покоится лишь на предположении о тождестве понятий, с которыми датчане разного времени якобы подходили к соотношению королевских титулов и гербов. Однако такое предположение может быть оспорено. В самом деле, долгое время датский герб (три льва, обычно в сопровождении сердец) иллюстрировал двойной – «король Датчан и Славян» (с 1193 г.) [7. 1976–1977. R. 1. Bd. 3. Del 1. № 189] – и тройной – «король Датчан (Дании), Славян и Готов» (с 1362 г.) [7. 1969. R. 3. Bd. 6. № 199] – титул. Выше отмечалось, что один герб до второй половины XV в. носил и «граф Ольденбурга и Дельменхорста». Отметим также, что с XIII в. «граф Гольштейна и Стурмарна», коим с 1460 г. был король Дании, представлялся с эмблемой под названием «крапивный лист»; и только около 1476 г. Стурмарн получил отдельный герб (лебедь с короной на шее) [2. S. 124]. Отсюда можно догадываться, что и дракон на щите Кристофера Баварского символизировал одновременно славян и готов. И только при Кристиане I для «королевства Готов» была создана отдельная эмблема. Поскольку в дальней-

³ «Королевство Готов (Готской земли)» («regnum Gothorum (Gothiae)») в Средние века и в Новое время находилось в южной части Швеции, которая по-шведски называлась «Götaland» («Ётская земля»). Шведские короли обычно представлялись с титулом короля «шведов (све-ев) и ётов (готов)» («rex Sueorum et Gothorum»). Короли Дании претендовали на власть в прилегающих к Дании областях Готской земли, что давало им основание для использования титула «король Готов».

⁴ В XVI–XVII вв. в титулах королей Дании слово «Sclauorum» часто заменялось словом «Vandalorum», что являлось следствием влияния умозаключений историков Позднего средневековья, особенно немецкого писателя Альберта Кранца, автора сочинения «Wandalia» (1519), отождествлявших по созвучию вендов (славян) с древним германским народом вандалов [3. S. 646–647].

шем, согласно письменным свидетельствам, такой эмблемой являлся лев с сердцами, то, вероятно, именно она указывала на готов и на печати короля Кристиана Ольденбургского.

Следовательно, можно с более или менее твердым основанием датировать существование отдельного герба славян в понимании датчан лишь 1449 г., когда стала употребляться первая королевская печать Кристиана Ольденбургского. Впрочем, замечаем, что в просторечии общие гербы датчан–славян (датчан–славян–готов), Гольштейна–Стурмарна и Ольденбурга–Дельменхорста назывались гербами соответственно датским, голштинским и ольденбургским, так же как их носители в памятниках письменности XIII–XV вв., по обыкновению, упоминаются как король Дании, граф Гольштейна и граф Ольденбурга. В этой связи нельзя исключать, что и общий герб славян–готов на щите Кристофера Баварского мог восприниматься, прежде всего, как символ славян и, более того, вообще задумывался в первую очередь как эмблема славян.

Теперь попытаемся решить еще две задачи, которые до сих пор остаются без ответа, а именно: при каких культурно-исторических обстоятельствах состоялось соотнесение образа дракона с титулом «король Славян», и какие собственно «славяне» имелись в виду.

При отсутствии прямых письменных свидетельств первая задача может решаться, прежде всего, на почве исследования характера художественной образности Позднего средневековья. И здесь обнаруживается, что в европейском, датском в том числе, христианском искусстве XIV–XV вв. образ дракона (обычно в композиции св. Георгий, поражающий змия, но не только в ней), являлся весьма часто используемым, причем с одним, обусловленным христианской словесной традицией, значением, а именно как символ темной, злой силы, враждебной вере Христовой [8. S. 32, 64, 134; 9. S. 22, 31].

Косвенным свидетельством того, что и в качестве гербового знака образ дракона в Позднее средневековье использовался с таким же символическим смыслом, как и в церковном искусстве, является местоположение дракона среди других эмблем на щитах короля Кристофера III и его преемников на датском престоле, царствовавших во второй половине XV – середине XVI в.

Так, мы уже знаем, что на первой королевской печати Кристофера Баварского дракону отведено четвертое, а стало быть, наименее почетное отделение четверочастного щита, и это притом, что дракон иллюстрировал титул «король Славян (и Готов)», который предшествовал в легенде печати и в документах титулам пфальцграфа Рейнского и герцога Баварского. Очевидно, что здесь была нарушена иерархия гербового представления титулов, которая в конце XIV–XVI в. непременно соблюдалась в отношении гербов других королевских, герцогских и графских титулов, носившихся государями Дании. И сделано это было, как можно догадываться, не с умыслом принизить звание «короля Славян (и Готов)», как видно из того, что в составном титуле имена «Славян и Готов» стояли впереди званий пфальцграфа Рейнского и герцога Баварского, а на почве понимания именно символического смысла образа дракона.

О том, каким мог быть этот смысл, обнаруживаем косвенное свидетельство на второй королевской печати Кристофера Баварского, изготовленной в 1441 г. Здесь представлены два щита. Один заключает герб Дании, другой – четыре эмблемы: в первом поле изображен крест (знак датского знамени), во втором и третьем – гербы соответственно пфальцграфства Рейнского и гер-

цогства Баварии, а в четвертом – дракон [1. № 67]. Такое местоположение креста и дракона наводит на мысль об их противопоставлении как символических знаков именно христианского искусства: посредством креста выражалось положительное духовное значение, а потому ему было отведено самое почетное место, через дракона – отрицательное, что обусловило его присутствие на самом низком месте в иерархии щитовых полей.

Менее почетное расположение дракона по сравнению с другими эмблемами сохраняется также на щитах последующих датских государей, причем герб славян занимает даже более низкое место в сравнении с гербом готов, хотя в королевском титуле имя «Славяне» всегда предшествует имени «Готы» [10. С. 32–83].

Уже отмечалось, что на первой королевской печати Кристиана I (1449 г.) в четверочастном щите дракон представлен в четвертом поле, после гербов Дании, Ольденбурга и готов. На другой печати Кристиана I (1464 г.) находим пять щитов. В четырех из них, расположенных по правую и левую стороны от образа короля, заключены соответственно гербы Дании, Ольденбурга (справа), Норвегии и крест датского знамени (слева). В пятом же щите обнаруживаются гербы готов (справа) и славян (слева), причем этот щит помещен под ногами короля [1. № 75].

Такое же место под ногами короля, ниже всех прочих гербовых щитов, щит с драконом занимает на «печати величества» («SIGILLUM MAIESTATIS») короля Кристиана III (1546) [1. № 122], бывшего человеком горячо верующим, ревностным последователем и насадителем вероучения М. Лютера. В то же время щит с крестом представлен на этой печати в самой верхней ее части, над головой короля, что наводит на мысль о сохранявшемся у датчан середины XVI в. понимании креста и дракона как знаков с противоположным духовным смыслом, а стало быть, как символов христианского искусства. Этим пониманием Кристиан III, вероятно, руководствовался и в 1556 г., когда повелел изготовить свою новую гербовую печать. На ней представлен щит, большая (верхняя) часть которого поделена крестом датского знамени на четыре поля, заключающих соответственно гербы Дании, Норвегии, Швеции (три короны) и готов; в нижней же его части, под указанной композицией, помещен дракон – герб славян [1. № 120]. Последний знак, следовательно, в данном случае показан в положении попираемого крестом – главным символом Спасителя и Его веры.

Но если дракон в качестве герба «короля Славян» в понимании датчан Позднего средневековья истолковывался как символический образ христианского искусства с враждебным вере Христовой смыслом, то возникает вопрос о причине, вызвавшей такое истолкование. И здесь следует обратиться к обстоятельствам, при которых король Дании (Датчан) принял титул «короля Славян». Как выше отмечалось, это случилось в 1193 г. К тому времени короли Дании Вальдемар I (1157–1181) и его сын Кнут VI (1181–1202) подчинили своей власти ряд князей «Славянской земли» (Slavia, Sclavia) или «Вендской земли» (Vendland, Vindland), как средневековыми датчанами обозначалась земля северо-западных и западных (прибалтийских и полабских) славян: рюанов, ободритов и поморян.

В самом деле, датский историк Саксон Грамматик (рубеж XII–XIII вв.) слово «Sclavia» использовал только для обозначения земли «sclauogum», под которыми имел в виду именно северо-западных славян. Жители же «Poloniae»

(Польской земли) – «*polani*» и «*Rusciae*» (Русской земли) – «*ruteni*» Саксоном никогда словом «*slauī*» не обозначались [11. Т. I]. Такое смысловое содержание слов «*Sclauia*» («*Slauia*») и «*slavi*» («*slauī*») обнаруживается и у датских средневековых писателей последующего времени. Например, в *Annales Ryenses* (конец XIII в.) рассказывается, что один из легендарных королей данов подчинил себе «...*Brittaniā... Frisiā, Scociā, Teutoniā, Slauiam, Rusciā atque plurimas alias terras...*» [12. S. 153]. В датском переводе этих анналов XIV в. слову «*Slauiam*» соответствует слово «*Wentland*» [12. S. 179].

Некоторые из потомков князей «Славянской земли» еще в XIV в. приносили ленную присягу наследникам Вальдемара I и Кнута VI на датском престоле. За княжество (*principatus*) Руянское (Рюгенское) на верность королю Дании присягали князья местной династии, а затем, после ее пресечения в начале XIV в., герцоги Померанские – Вартислав IV (ум. 1326) и его потомки [7. 1953. R. 2. Bd. 8. № 322]. Господарство (*dominium*) Ростоковское как вассалы датской короны держали князья (герцоги) Мекленбургские, потомки ободритских князей. Сохранились грамоты короля Кристофера II (1320–1332), согласно которым это господарство было пожаловано вначале, в 1324 г., мекленбургскому князю Генриху II [7. 1946. R. 2. Bd. 9. № 120], а затем, после его смерти в 1329 г., его детям [7. 1948. R. 2. Bd. 10. № 124].

В то же время вспомним, что на момент подчинения прибалтийских славян королям Дании большая часть этих славян оставалась язычниками или только-только начинала осознавать себя христианами. Более того, руяны (*ruiani, ruiāni, rugiani, gobo*) и их князь были обращены в христианство непосредственно датским духовенством после завоевания острова Руи, или Руянской земли (*Ruia, Rø, Roiø, Rhyø, Rugiø, Ryland, Rügen*), королем Вальдемаром I (1169). Этот факт запечатлелся в большинстве датских историй и летописей конца XII–XV в. Подробнее всего поход короля Вальдемара на «*Sclauos*», живших на острове «*Rugia*», и крещение последних вместе с их князем Ярмаром (*Iarimarus*) описаны у Саксона Грамматика [11. Т. I. Lib. XIV]. Образованные датчане XIV–XV вв. знакомились с этим описанием преимущественно по сокращенному латинскому пересказу сочинения Саксона, сделанному около 1340 г. [13. S. 425–428]. Краткие известия о победе датчан над руянами и обращении их в веру Христову содержатся также у старшего современника Саксона, Свена Аггесена (около 1185 г.) [14. P. 138–139] и в анналах XIII–XV вв.: «[...] Абсолон, епископ Роскиллеский, победил славян, которые называются Рёба [...] Эти славяне приняли христианство по приказу короля Вольдемара [...]» (*Annales Lundenses*); «Руя была захвачена датчанами и обращена в веру Хрестову [...] Ярмор был крещен вместе с остальными славянами [...]» (*Annales Valdemarii*); «Рё захвачен датчанами и обращен в христианскую веру» (*Annales Sorani vet*); «Вольдемар [...] завоевал [...] рюгенцев и их землю. Он приказал обратить их в святую веру» (*Annales Ryenses*) [12. S. 58, 76, 90, 198, 229]. На надгробной плите Вальдемара I последний прославлялся как «[...] первый победитель и завоеватель славян [...] который [...] победил рюгенцев и первым обратил их в веру Христову» [15. S. 87].

Из приведенных свидетельств с очевидностью вытекает, что в представлениях датчан Высокого и Позднего средневековья их знаменитый король Вальдемар I являлся «победителем и крестителем славян».

Не будем также забывать, что войско датчан устанавливало власть своих государей над славянами с сознанием, обычным для крестоносцев, несения

света веры Христовой язычникам, а стало быть, в согласии с понятиями той эпохи, под крестовым знаменем, о чем свидетельствует изображение такого знамени на одной из монет Вальдемара I [16. Fig. 49].

Именно при таких обстоятельствах и могла утвердиться мысль о противопоставлении креста – символа Христа и его верных датчан дракону – символу язычества и его приверженцев (до обращения в христианство) славян. Причем свое гербовое выражение эта мысль, вероятно, нашла на датской почве еще в XIV в.

Действительно, в 1360 г. сын короля Дании Вальдемара IV (1340–1375) Кристофер был возведен отцом в достоинство «герцога Лолланнского» и с этого времени стал употреблять печать с образом дракона [1. № 45]. Дракон изображен также на одном из щитов, а кроме того, на доспехах Кристофера на его надгробии в Роскиллеском соборе (конец XIV в.). Каковы были причины, приведшие к представлению герцога Лолланнского посредством образа дракона, из письменных источников не видно. Однако, по свидетельству Саксона Грамматика, при Вальдемаре I несколько лет на острове Лолланне, ближайшем из датских островов к стране славян, вассальным правителем был родственник короля Дании Кнут, сын славянского князя Прицлава (Прицлава) [11. Т. I. Lib. XIV. S. 490]. Установлено также, что на этом же острове в Высоком средневековье находились поселения славян, бывших ранее язычниками [17. S. 235]. Отсюда, можно догадываться, в сознании датчан конца XII–XIV в. и укоренилось представление о жителях Лолланна как о потомках славян-язычников, что, в свою очередь, навело на мысль о создании для герцога Лолланнского эмблемы с образом дракона. Но после Кристофера Вальдемарсена, умершего в 1363 г., на Лолланне больше не было особого правителя, вследствие чего и герб герцогства Лолланнского оставался без носителя. И только при Кристофере Баварском, когда возникла идея относительно иллюстрирования титула «короля Славян», вспомнили об этом гербе, вероятно, тоже именно как символу славян-язычников.

То, что идея о гербе «короля Славян» в виде дракона возникла, несомненно, на датской почве, доказывается тем обстоятельством, что в XII–XV вв. ни один из князей «Славянской земли», как ее пределы осознавались средневековыми датчанами, не представлялся с гербом, в котором присутствовал бы образ дракона. Иными словами, образно-символическое понимание о «геральдическом» знаке «короля Славян» утвердилось вне славянского мира, а именно в Дании, как выражение определенных, устойчивых представлений датчан о духовных качествах северо-западных (полабских) славян в один из отрезков их исторической жизни.

Исходя из последнего вывода, следует с культурно-исторической точки зрения характеризовать и первое письменное свидетельство о драконе («draco») как знаке («signum») славян («sclavi»), которое обнаруживается в «Истории о северных народах» шведа Олауса Магнуса (1490–1557), изданной в Риме в 1555 г. [18. Lib. II. Cap. XXV]. На момент написания этого сочинения короли Дании уже около ста лет представлялись с образом дракона, иллюстрировавшим титул «короля Славян». Об этом, нет сомнений, было хорошо известно Олаусу Магнусу, что, надо полагать, и обусловило его сообщение о драконе как славянском знаке.

Подведем итоги. Итак, герб славян (вендов) в виде дракона был создан в Дании как отличительный знак герцога Лолланнского (1360 г.) – правителя

датского острова Лолланна, на котором находились поселения славян. Затем, с 1440 г., дракон стал «геральдически» представлять «короля Славян» (и, вероятно, одновременно «Готов»), а с 1449 г. – уже, несомненно, только «короля Славян». Последним титулом обозначались притязания или права «короля Датчан» на власть ленного государя по отношению к некоторым князьям «Славянской (Вендской) земли», под которой средневековые датчане понимали страну северо-западных славян (вендов). В свою очередь, выбор образа дракона в качестве гербового знака обуславливался характером средневекового христианского умозрения, предполагавшего образно-символическое выражение духовных понятий. Историческое самосознание датчан «помнило» славян как язычников, приведенных к Христу королем Дании. Отсюда следовало отождествление славян с язычниками. А поскольку язычество мыслилось злом, то оно символизировалось драконом – знаком, которым в христианском искусстве традиционно выражались понятия, враждебные христианству. Так в сознании датчан Позднего средневековья дракон стал знаком-гербом Славян, или «короля Славян».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Petersen H.* Danske kongelige Sigiller samt sønderjdske Hertugers og andre til Danmark knyttede Fyrsters Sigiller, 1085–1559 / Udg. af A. Thiset. København, 1917.
2. *Grandjean P.B.* Det danske Rigsvaaben. København, 1929.
3. *Liedgren J.* Vendes vapen // Kulturhistorisk leksikon for nordisk middelalder fra vikingetid til reformationstid. København, 1975. Bd. XIX.
4. *Svane E.* Det danske Rigsvaaben og Kongevaaben – udvikling og anvendelse. Odense, 1994.
5. *Descriptio Pompae funebris... Friderici Daniae, Norwegiae, Gothorum Vandalorumque Regis, etc. Lipsiae, 1588.*
6. *Holberg L.* Om Dannemarks og Norges Vaaben // *Holberg L.* Dannemarks og Norges Beskrivelse. København, 1729.
7. *Diplomatarium Danicum* / Udg. af Det danske Sprog og Litteraturselskab. København, 1957–1990. R. I. Bd. 1–7; 1938–1960. R. II. Bd. 1–12; 1958–1982. R. III. Bd. 1–9.
8. *Danske kalkmalerier. Tidlig gotik, 1275–1375* / Red. U. Haastrup. København, 1989.
9. *Danske kalkmalerier. Gotik, 1375–1475* / Red. U. Haastrup og R. Egevang. København, 1985.
10. *Антонов В.А.* Титулы и гербы королей Дании в Северной Европе (XI–XX вв.). М., 2007.
11. *Saxonis Gesta Danorum* / Ed. J. Olrik et H. Ræder. København, 1931.
12. *Danmarks middelalderlige annaler* / Udg. ved E. Kroman. København, 1980.
13. *Saxonis Gesta Danorum ab incerto auctore in compendium redacta et continuata* // *Scriptores Minores Historiae Danicae Medii Aevi* / Ed. M.Cl. Gertz. København, 1917–1918. Vol. I.
14. *Svenonis Aggonis filii Brevis Historia Regum Dacie* // *Scriptores Minores Historiae Danicae Medii Aevi* / Ed. M.Cl. Gertz. København, 1917–1918. Vol. I.
15. *Tabula sepulchralis Waldemari primi* // *Scriptores Minores Historiae Danicae Medii Aevi* / Ed. M.Cl. Gertz. København, 1918–1920. Vol. II.
16. *Bendixen K.* Danmarks mønt. 2. udg. København, 1976.
17. *Fenger O.* «Kirker rejses alle vegne» 1050–1250. København, 1989 (Gyldendal og Politikens Danmarkshistorie / Red. O. Olsen. Bd. 4).
18. *Olaus Magnus.* Historia de gentibus septentrionalibus. Romae, 1555.

© 2009 г. М. А. КОРЗО

О НЕКОТОРЫХ ИСТОЧНИКАХ КАТЕХИЗИСОВ СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО

В рукописном наследии Симеона Полоцкого сохранились два катехизиса (назовем их условно краткий и пространный), которые упоминались многими исследователями его творчества, но никогда не становились объектом специального изучения. Катехизисы написаны в традиционной для данного жанра вопросно-ответной форме, и оба текста отчасти содержательно перекликаются с составленным Симеоном Полоцким в 1670 г. рукописным толкованием Апостольского символа веры «Венец веры кафолическия»¹, хотя и находятся от него в разной степени зависимости.

Полное название хронологически более раннего – пространного катехизиса – «Книга краткихъ вопросовъ и отвѣтовъ катехистическихъ иже о трехъ добродѣтелѣхъ богословскихъ, о Вѣрѣ, о Надеждѣ, о Любви. К тому о десятословии, о семи тайнахъ, о семи грѣсѣхъ смертныхъ, вопросы и отвѣты содержащая. И разрѣшение вопросовъ различныхъ, о грѣсѣхъ противу десятословию бывающихъ. И разрѣшение случаевъ бывающихъ отъ семи грѣховъ главныхъ. На послѣдокъ врачевства общая на вся грѣхи и Размышление краткое, в пособие кающымся имущая. Во славу Божию, в ползуже православныхъ христианъ самаго Бога наставлениемъ и пособиемъ. Трудолюбимъ же многогрѣшнаго Симеона Полоцкаго Иеромонаха недостойнаго на словенскомъ диалектѣ, миру проявленная, совершися. В лѣто отъ создания мира, 7179 отъ рождества еже по плоти Бога слова, 1671, месяца марта въ 12 день». Пространный катехизис встречается в рукописях в паре с «Венцомъ веры»² и состоит, как следует из самаго названия, из нескольких самостоятельныхъ частей.

Катехизис в собственномъ смысле слова (здесь и далее цитируется в тексте по Син. 286) предваряется небольшимъ рифмованнымъ вступлениемъ:

В зеркало зрит душевно кто книги читает.

В них пороки си познав совѣсть очищает.

Корзо Маргарита Анатольевна – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института философии РАН.

Статья подготовлена при поддержке исследовательского проекта РГНФ 08-01-00022а.

¹ ГИМ. Отдел рукописей. Син. 286. Беловой список, переписанный в значительной степени рукой Сильвестра Медведева, см. [1. С. 228].

² См., например, упоминавшуюся выше рукопись Син. 286, а также Син. 285 (черновой по отношению к предыдущему) и Син. 39 (рукопись из собрания Дмитрия Ростовского) [1. С. 220–229].

Хотяи мудрость горнюю душѣ си стяжати,
Да тщится книгу сию прилѣжно читати.
В ней бо вѣра правая в кратцѣ заключенна,
Благаяже дѣлеса и злая явленна:
Благая, во еже бы та вѣрным дѣяти,
Злая паки, еже бы всѣм онѣх гонзати (л. 1 об., 2-го счета).

Сам текст организован в соответствии с тремя так называемыми богословскими добродетелями – верой, надеждой и любовью. И в этом отношении композиция пространного катехизиса полностью соответствует структуре памятников данного жанра религиозной литературы в католической традиции³; по аналогичной схеме выстраивается, в частности, и катехизис киевского митрополита Петра Могилы [3]. В тексте Симеона после небольшой вступительной части об имени христианина и о ереси помещено последовательное толкование 12 статей Апостольского символа веры (соответствует добродетели «вера»); общие рассуждения о молитве, объяснение семи прошений «Отче наш» и поучение о блаженствах («надежда»); истолкование заповедей декалога, изложение сути церковных таинств и изъяснение семи «главных» грехов («любовь»). После собственно катехизиса следует несколько самостоятельных, но тематически с ним связанных поучений. Первые два адресованы исповеднику и повествуют об отдельных грехах против десятилетия (с. 143–212, 3-го счета) и о том, в каких конкретно поступках получают выражение семь «главных» грехов и каковы способы их «врачевания» (с. 212–236). В самом конце Симеон дает небольшую подборку размышлений, призванных помочь приступающему к исповеди христианину вызвать у себя сокрушение совести (с. 237–243).

Краткий катехизис был составлен, вероятно, позднее пространного. Если пространный переписывался вместе с «Венцом веры», то краткий в составе сборника бесед Симеона Полоцкого⁴. Большинство из 14 бесед создавалось в рамках полемики с протестантами. Некоторые из них принадлежат перу самого Симеона и были написаны в 1677 г. (за исключением открывающей сборник беседы о Св. Духе, создававшейся еще в Киевской коллегии); часть бесед – это переводы, подготовленные в 1677–1679 гг. (см. [4. С. 236–237]).

Краткий катехизис представляет собой довольно лаконичное, состоящее из 66 вопросов и ответов, изложение основ православной веры⁵. *Содержательно* он практически полностью (с небольшими исключениями) составлен из фрагментов пространного катехизиса; *композиционно* же тексты не имеют между собой ничего общего. Если хронологически более ранний текст организован в соответствии с тремя богословскими добродетелями, то краткий катехизис выстраивается совершенно иначе. Текст начинается с небольшого вступления:

«– Кто еси ты?

– Человек есмь естеством, созданный от бога, по образу и по подобию его.

– Что есть въ тебѣ образъ божий?

– Три силы душевныя, оум, память, и воля, в единой души.

³ О композиционных и жанровых особенностях католических посттридентских катехизисов см. [2. С. 41–89].

⁴ Син. 660 – автограф Симеона Полоцкого с черновыми поправками; Син. 289 и Син. 363 – беловые списки [1. С. 229–237].

⁵ Здесь и далее цитируется в тексте по Син. 289, с. 351–355.

– Как сѣ суть образомъ божиимъ?

– Яко въ бозѣ три суть лица, едино же божество: тако в души три суть сѣ силы, естество же едино» (л. 351).

Далее следует фрагмент об имени христианина и крестном знамени (вопросы 4–9); общие рассуждения о Троице (10–14); о познании Бога, лицевых и ипостасных свойствах (15–29); о Христе (30–38); часть о грехах и их разновидностях (39–48); таинства покаяния (вопрос 49) и крещения (50–52); рассуждение о том, достаточно ли одного крещения и одной веры для спасения (53–54); об исхождении Св. Духа (55–64) и небольшое заключение о том, что необходимо соблюдать в исповедании о Св. Троице (65–66).

По внутренней организации богословского материала и последовательности сюжетов краткий катехизис Симеона Полоцкого напоминает поучение о вере, опубликованное впервые в учебнике «Наука ку читаню» (Вильно, 1596). Поучение было составлено видным деятелем украинско-белорусского братского движения Стефаном Зизанием и имело отдельный подзаголовок «Изложение о православной вѣрѣ. Короткимъ питаньемъ и отповѣданьемъ, для латвѣшаго вырозумѣня, христьянскимъ дѣтемъ. Странныйъ пыгаетъ зловѣрный, а православныйъ благовѣрный отповѣдаетъ». Данный катехизис не претендовал на целостное изложение православного вероучения, ограничиваясь лишь наиболее актуальными, как представляется, сюжетами православно-католической и православно-протестантской полемики рубежа XVI–XVII вв.⁶ Одной из характерных черт данного текста был его ярко выраженный полемический характер, особенно заметный в блоке вопросов и ответов об исхождении Св. Духа: здесь «благоверный» ставит своей целью не столько позитивно изложить православное вероучение, сколько опровергнуть ложные богословские мнения «зловерного».

Составляя свой краткий катехизис, Симеон Полоцкий, вне всякого сомнения, следовал модели «Изложения» Стефана Зизания. Об этом свидетельствует совпадение общей концепции текста: хотя Симеон и расширил его содержательно, а также поменял местами ряд вопросов, композиционно его катехизис соответствует так называемому символу веры Афанасия Великого, который выступал организующим стержнем и для «Изложения». Как и в тексте Стефана Зизания, самая большая часть краткого катехизиса Симеона Полоцкого посвящена проблеме исхождения Св. Духа. Именно в данном блоке вопросов и ответов мы находим больше всего буквальных текстуальных совпадений; именно здесь оба памятника имеют выраженный полемический характер и вопросы сформулированы так, как если бы это были не вопросы, а утверждения оппонента, которые надлежит опровергнуть: «Едина есть сила отца и сыновья, оубо яко отец испущает духа святаго: тако и сын»; «Священное писание глаголет: яко духъ святыи исходит от отца чрез сына. Оубо от сына»; «Вся яже имать отец, имать и сын. Но отец имат ежи испущати святаго духа. Оубо и сын имать» (Син. 289. Л. 354 об.).

В московской книжной традиции текст Стефана Зизания получает распространение как в рукописной форме⁷, так и в печатной – в составе букварей 1657, 1704 и 1708 гг. «Изложение» воспроизводилось под отдельным заголовком, сохранялись его оригинальное название и общая полемическая тональ-

⁶ Подробнее об этом тексте и его источниках см. [2. С. 216–251].

⁷ Например, в составе полемического сборника, большинство Слов и Поучений которого посвящено проблеме исхождения Св. Духа (Син. 937) [1. С. 772].

ность, но имя Стефана Зизания, как автора, опускалось. Также, в отличие от оригинала 1596 г., «Изложение» приводилось на церковнославянском языке, смысловые разночтения были минимальны. Более того, катехизис Зизания встречается и в московском Букваре 1679 г., редактирование которого осуществлял Симеон Полоцкий⁸. По сравнению с оригинальной версией «Изложения» и первой его московской публикацией (Букварь 1657 г.), в текст был внесен целый ряд изменений. К наиболее существенным можно отнести замену выражения «Сын Божий» на «Христос», другое определение таинства причастия, переформулировку целого ряда ответов об исхождении Св. Духа.

Исходя из датировки статей конвоя Син. 289, можно предположить, что краткий рукописный катехизис составлялся Симеоном почти одновременно с Букварем. Более того, ряд изменений, отличающих «Изложение» в версии 1679 г. от оригинального текста Стефана Зизания, встречается и в кратком рукописном катехизисе (речь идет опять-таки о той части текста, где ведется рассуждение об исхождении Св. Духа).

Но при том, что Симеон Полоцкий использовал «Изложение» Стефана Зизания в качестве модели для своего краткого катехизиса (в данном случае не так принципиально, использовалось ли оригинальное издание 1596 г. или его московская переработка, в том числе и 1679 г.), в *содержательном* отношении Симеон опирался главным образом на свой пространный катехизис, из фрагментов которого в значительной части и скомпилирован краткий текст:

Краткий катехизис	Пространный катехизис
1–3: введение	Прямых параллелей нет.
4–14: об имени христианина и крестном знамении, общие рассуждения о Троице.	Составлены из фрагмента вступления (с. 1–3); незначительно изменена лишь последовательность вопросов.
15–28: о познании Бога, Его лицевых и ипостасных свойствах.	Начало (с. 5) и конец (с. 7–9) раздела «О символѣ святом».
30–38: христологическая часть.	Составлена из фрагментов толкования 3-го члена символа веры (с. 17) и концовки толкования 4-го члена символа веры (раздел «О погребении», с. 21–22).
39–48: грех и его разновидности.	Материал из раздела «О десяти заповѣдѣхъ десятословия» (с. 71–73).
49: таинство покаяния.	Вопрос лишь отчасти скомпонован из материала соответствующего раздела (с. 107–109).
50–52: таинство крещения.	Буквальных текстуальных совпадений нет.
53–54: рассуждения о том, достаточно ли крещения, чтобы быть христианином, и достаточно ли одной веры для спасения.	Буквальных текстуальных совпадений нет.
55–64: об исхождении Св. Духа.	Воспроизведен фрагмент из толкования 8-го члена символа веры (с. 30–32).
65–66: заключение – что необходимо соблюдать в исповедании Св. Троицы.	Буквальных текстуальных совпадений нет.

⁸ Ф.И. Сетин считает, что московские буквари 1667 и 1669 гг. также были подготовлены Полоцким [5. С. 95]. Но в этих изданиях катехетическая часть отсутствует.

В кратком катехизисе встречаются пять ссылок на богословскую традицию: по две цитаты из Августина и Амвросия Медиоланского и фрагмент из Иоанна Дамаскина. Августин цитируется в ответе на 15-й вопрос «Что есть Богъ?»: «...Августин святыи о нем сице глаголет: Богъ есть, его же око не видѣ, ни оухо слыша, ниже на сердце человеку възде» (л. 351 об.). В пространном катехизисе данной цитаты мы не находим, но она приводится в четвертой главке «О символѣ» «Венца веры» (Син. 286, с. 18, 1-го счета)⁹. Еще одна цитата из Августина и Амвросия встречается в ответе на вопрос «Что есть грѣхъ?»: «Есть по блаженному¹⁰ Августину, слово, дѣло, или желание противное закону, или не по закону божию. По Амвросию святому, грѣхъ есть преступление закона божия, и небесныхъ заповѣдей преслушание» (л. 352 об.–353). Данные формулировки даны и в пространном катехизисе (с. 71). Оба определения можно считать классическими для католической моральной теологии¹¹; не без ее влияния проникают они и в памятники богословской мысли Киевской митрополии¹². Второй раз ссылается Симеон Полоцкий на Амвросия в рассуждениях о том, какие грехи смываются в таинстве крещения: «Тако глаголет Амвросий святыи: Истинно есть яко благодать божая, в крещении не ищетъ стенания, или сѣтования, или дѣла нѣкоего, развѣ самаго от сердца исповѣдания вѣры, даръ бо божии туне даруетъ грѣхи в крещении» (л. 353 об.–354). Единственная цитата из Иоанна Дамаскина встречается в ответе на 64-й вопрос краткого катехизиса: «Духъ сыновенъ именуется за единство естества. Или по Дамаскину: яко чрезъ сына изявленъ, и твари дадеся» (л. 355). Данная цитата приводится и в пространном катехизисе и является фрагментом из IX главы I книги «Точного изложения православной веры» [8. С. 99].

Тематически и пространный, и краткий катехизисы Симеона Полоцкого значительно шире «Венца веры», содержание которого исчерпывалось разбором статей Апостольского символа веры. Но при этом совершенно очевидно, что в обоих случаях Симеон опирался на свое толкование *Credo*, заимствуя из него отдельные формулировки и даже целые фрагменты.

В настоящее время представляется невозможным полностью реконструировать все источники катехизических сочинений Симеона Полоцкого. Известно, что он довольно свободно ориентировался в западной (в том числе и польской) богословской литературе, о чем свидетельствует оставшаяся после него библиотека¹³, а также ссылки, проставленные самим Симеоном в черновых вариантах своих рукописей. Хорошо знал он и книжную продукцию Киевской митрополии, поддерживая близкие, дружеские отношения с ее виднейшими представителями. Известно также, что Симеон Полоцкий был весьма умелым

⁹ В «Венце веры» указано, что это – фрагмент из толкования на 25 псалом.

¹⁰ Отметим, что в приведенной выше цитате Августин назван святым.

¹¹ Определение Августина («*Dictum vel factum vel concupitum contra legem aeternam*») сформулировано в работе «Против Фавста-манихея» [6. Col. 418], а Амвросия Медиоланского («*Quid est enim peccatum, nisi praevaricatio legis divinae, et coelestium inobedientia praesertorum?*») – в «Книге о Рае» [7. Col. 292]. Оба определения воспроизводятся в «Сумме теологии» Фомы Аквинского (соответственно, I–II, q. 71, а. 6 и I–II, q. 162, а. 2).

¹² Они встречаются, например, в «Науке о седми тайнах церковныхъ (Вильно, ок. 1618. Л. 49); в предисловии Петра Могилы к Номоканону 1629 г. (с. 3); в трактате «Мир с Богом человеку» Иннокентия Гизеля (Киев, 1669. С. 24).

¹³ Описание большей части библиотеки издано И.Е. Забелиным [9. С. 53–67], отчасти дополнено А. Хипписли [10. Р. 52–61].

компилятором¹⁴, поэтому допустимо предположить, что при составлении своих катехетических сочинений он пользовался целым рядом источников.

Вопрос об источниках «Венца» мы пока оставляем открытым. Что же касается непосредственно катехизисов, то можно назвать по крайней мере два памятника, которыми пользовался Симеон Полоцкий – одно из сочинений бельгийского богослова Жака Маршана (Marchantius, 1585–1648) и «Мир с Богом человеку» архимандрита Киево-Печерской Лавры Иннокентия Гизеля.

Жак Маршан был автором ряда сочинений, пользовавшихся в Европе необычайной популярностью, в частности фундаментального (без малого полторы тысячи страниц) пособия для пастырей «*Hortus pastorum Sacrae Doctrinae floribus polymitus, exemplis selectis adornatus*». Оно было опубликовано в 1626–1627 гг. и многократно переиздавалось на протяжении всего XVII в. (см. [16. Col. 20]). В действительности данный труд представляет собой совокупность нескольких самостоятельных сочинений, а «*Hortus pastorum*» является как названием первого (и самого пространного) трактата в сборнике, так и общим – объединяющим – названием для всего компендиума. В частности, кельнское издание 1635 г. имеет следующий состав¹⁵. Первое сочинение – это собственно «*Hortus pastorum*». Оно состоит из трех книг (*liber*) по числу трех основных богословских добродетелей (вера, надежда и любовь), в которых анализируются, соответственно, Апостольский символ веры, «Отче наш» и «Ангельское приветствие», а также заповеди декалога. Книги внутри подразделяются на трактаты (*tractatus*), которые, в свою очередь, состоят из лекций (*lectio*). Второе сочинение сборника – «*Candelabrum Mysticum*» также делится на трактаты и лекции и посвящено подробному изъяснению семи церковных таинств. В конце каждого трактата есть небольшой раздел, где в вопросно-ответной форме анализируются сложные ситуации, могущие возникнуть при отправлении того или иного таинства («*Resolutiones quaestionum pastoralium et casuum conscientiae circa sacramenta*»). Далее следуют довольно пространный трактат «*Virga Aaronis Florens, hoc est, directio vitae sacerdotalis ex SS. Patrum, praesertim S. Caroli Borromei documentis*», подробный анализ семи смертных (или главных) грехов «*Tuba Sacerdotalis demoliens muros Iericho*» и рассмотрение наиболее типичных вопросов и ситуаций, возникающих во время таинства исповеди «*Summarium resolutionum et responsionum ad quaestiones Pastorales frequentius recurrentes circa Praecepta Decalogi, et capitalia vitia*». Последним сочинением сборника является «*Praxis Catechistica ex Pastoralis Horto per interrogationes et responsiones digesta*» – довольно пространный по объему (1196 вопросов и ответов), но весьма лаконичный по формулировкам катехизис. Он представляет собой своеобразную выжимку почти из всего «*Hortus pastorum*» (не вошли лишь «*Vir-*

¹⁴ Приведем лишь несколько примеров. В частности, проведенный А. Хипписли анализ источников стихов «Вертограда многоцветного» Полоцкого выявил буквальные текстуальные заимствования из проповедей «*Concionum opus tripartitum*» иезуита Маттиаса Фабера [11. P. 23–40]. Это подметил уже И.М. Тарабрин [12. С. 23–24]. Рукописная «История о путешествиях, чудодействиях [...] Иисуса Христа» представляет собой компиляцию из свода «*Evangelicae historiae quadripartita Monas*» известного богослова и географа Герарда Меркатора (см. [13. С. 75–76]). О некоторых источниках «Жезла правления», «Обеда душевного» и «Вечери душевной» см. [14. С. 170; 15. С. 165].

¹⁵ *Coloniae Agrippinae: sumptibus Ioannis Huberti* (экземпляр Государственной Публичной Исторической библиотеки, г. Москва, шифр: XVII в./2°–241). Оба тома переплетены вместе.

ga Aaronis Florens» и «Summarium») и внутри каждого тематического раздела содержит отсылки на конкретные трактаты и лекции того или иного сочинения данного сборника. Именно «Praxis Catechistica» и стал тем источником, на основе которого был создан пространный катехизис Симеона Полоцкого.

Известно, что «Hortus pastorum» был в библиотеке Симеона Полоцкого¹⁶. Можно предположить, что ему была известна и польская версия сочинения Маршана, опубликованная в 1648 г. в Кракове¹⁷. В разрешении цензора указано, что польское издание представляет собой перевод «Hortus pastorum» («Katechism na Polskie przetlumaczony z Ksiąg nazwanych Hortus Pastorum Iacobii Marchantij...»). Правда еще в начале XX в. польский библиограф К. Эстрайхер уточнил, что в основу перевода положен не собственно трактат «Hortus pastorum», но именно «Praxis Catechistica» [17. S. 137]. В любом случае, даже если Симеон и работал с польским переводом (а эта версия нуждается в дополнительной проверке), то латинский оригинал он знал вне всякого сомнения¹⁸. Выше уже упоминалось о том, что пространный катехизис Симеона Полоцкого дополнен целым рядом самостоятельных по отношению к катехизису статей, в частности добавлены «Разрѣшение вопросов различных, о грѣсѣхъ противу десято-словию бывающих» и «Разрѣшение случаев бывающих от седми грѣховъ главных». Ничего подобного в польском переводе Маршана мы не встречаем, зато эти тексты соответствуют «Summarium resolutionum et responsionum» латинского оригинала.

Сравнение «Praxis Catechistica» с пространным катехизисом Симеона Полоцкого показывает, что сочинение Маршана было переведено практически в полном объеме. Чтобы проиллюстрировать, насколько буквален перевод Симеона, приведем начало обоих текстов, выделяя курсивом несовпадающие фрагменты:

Пространный катехизис	«Praxis Catechistica»
«– Христианинъ ли еси ты?	«– Es tu Christianus?
– Есмь благодатию божию.	– Sum equidem per gratiam Dei.
– Откуда тебѣ сие имя?	– Unde tibi illud Nomen?
– От Христа, иже елеем освящения помаза мя.	– A Christo, qui oleo sanctificationis me unxit.
– Когда, и гдѣ имя сие приаша вѣрнии?	– Quomodo nomen illud acceperunt Fideles?

¹⁶ В опубликованном И.Е. Забелиным описании под № 266 значится «артусъ пасторумъ».

¹⁷ Последующие издания – Краков, 1659 и Краков, 1682.

¹⁸ Любопытно отметить, что польская версия катехизиса бельгийского богослова легла в основу еще одного памятника – «Катихизис албо наука христьянская, вкоротцѣ з розныхъ авторовъ збранная», опубликованного перемышльским епископом Иннокентием Винницким в 1685 г. в Уневе (факсимильное воспроизведение текста см. в приложении к исследованию [18]. Формально оставаясь православным иерархом, он тайно принимает унию в 1681 г., что позволяет рассматривать данное сочинение как памятник униатской традиции. Винницкий не скрывал, что за основу для своего катехизиса взял труд Маршана: об этом говорится в его переписке с Конгрегацией Пропанды Веры в 1694 г. [19. S. 25–26]. Сопоставление двух текстов, правда, показывает, что перемышльский епископ не всегда был верен оригиналу, зачастую явно пытаясь примирить позицию католического богослова с православной традицией (см. [2. С. 429–432]). Именно обращение Иннокентия Винницкого и Симеона Полоцкого к одному и тому же источнику и объясняет зачастую почти дословное совпадение унѣвского печатного издания и пространного катехизиса Симеона.

– В началѣ церкви новыя благодати, во градѣ Антиохийстем.
– Како прежде нарицахуся?
– Оученицы, или братия.
– Еще како?
– Еще Галилеане, Назореи, о (sic!) Иисуса иже от Назарефа Галилейскаго.

– К чему нас обязывает имя христианское?
– *Ко еже исповѣдати Иисуса Христа истинна бога быти, оучения его слушати, готовым же быти и оумрѣти за Христа*¹⁹.

– Кая суть иная обязанности христианская?
– Обязуется всяк христианин выну благодарити бога, о своем вѣру призвании.
– Что к тому?
– Яко есть наследник имене: тако имать быти подражател святости Христовы.
– Кое имать быти зеркало повседневное христианское?
– Житие и добродѣтели Иисус Христовы.
– Суть ли мнози христиане?
– Суть мнози числом, но мали жития заслугою.
– Чесо ради тако?
– Яко не мнози Христа подражают.
– Кое есть знамя христово?
– Знамя честнаго креста.
– *Како то во ображается вѣрными?*
– *Согнувше три первыя персты десницы, полагаем на челѣ, потом на чревѣ, таже на десной рамѣ, на послѣдокъ на лѣвой глаголюще: во имя <...> или сию молитву: Господи Иисусе Христе боже наш помилуй нас.*
– Кая полза сего?
– Содержит исповѣдание вѣры святыхъ Троицы, ктому воплощения и страсти божия сына.
– Кая еще полза?
– Многу силу имать на диявола и на его злодѣяния» (с. 1–2).

– Initio Ecclesiae novae in Urbe Antiochena.
– Quomodo antea vocabantur?
– Discipuli vel Fratres.
– Quomodo adhuc?
– Galilaei et Nazaraei, a Iesu de Nazareth Galilaeo.
– *Est-ne divisio inter Christianos, quod aliqui vocentur Franciscani, alii Benedictini, alii Bernardini?*
– *Non est: nam Franciscus, Benedictus, Bernardus, sunt Duces ad perfectionem sub Christo.*
– Ad quid nos obligat nomen Christianim?
– Ad moriendum pro Christo.

– *Declara exemplis.*
– *S. Sebastianus, S. Diaconus, S. Blandina per Nomen Christianum animati sunt ad Martyrium.*
– Sunt-ne aliae obligationes Christiani?
– Obligatur iugiter agere gratias Deo de sua ad fidem vocatione.
– Quid ultra?
– Sicut est haeres Nominis, ita debet esse imitator Sanctitatis Christi.
– Quod debet esse speculum quotidianum Christiani?
– Vita et virtutes Iesu Christi.
– Sunt-ne multi Christiani?
– Sunt multi numero pauci vitae merito.
– Quid ita?
– Quia pauci Christum imitantur.
– Quod est signum Christiani?
– Signum Crucis.

– Quis fructus illius?
– Continet professionem fidei SS. Trinitatis: Item Incarnationis et Passionis Filii Dei.

– Quis ulterior fructus?
– *Multam vim habet contra daemonem, et eius maleficia»* (p. 35, 4-го счета 2-го тома).

Приведенные выше отрывки хорошо иллюстрируют то, каким образом Симеон Полоцкий работал с латинским оригиналом. Он опустил лишь два фрагмента, которые могли бы вызвать удивление у православного читателя –

¹⁹ В черновом варианте первоначально было переведено дословно по Маршану («Ко еже оумрѣти за Христа»); позднее же была сделана надстрочная вставка (см. Син. 285. С. 337).

рассуждение о разделении христиан на францисканцев, бернардинцев и бенедиктинцев, и пример святых Севастиана, Диакона и Бландина как Христовых мучеников. С другой стороны, Симеон внес в текст два добавления: о том, что имя «христианин» обязывает нас исповедовать Христа и слушать его учение, и описание крестного знамения.

Наиболее же распространенный прием работы Симеона Полоцкого с текстом Маршана – это дробление или, наоборот, укрупнение вопросов последнего:

«– От кого ликования²⁰ прияху начало?
– От демона, или от змия, ибо яко он
кругохождение обыче творити: тако и
лиководящий» (с. 83).

«– A quo duxerunt choreae originem?
– A daemone, seu serpente.
– Quare?
– Quia sicut ille, sic et illi, qui choreas ducunt, circuitus
solent facere» (p. 49).

Значительный интерес представляют те немногочисленные фрагменты из катехизиса Маршана, которые не попали в текст Симеона. Полностью был опущен состоящий из 34 вопросов и ответов фрагмент об индульгенциях, который в «Praxis Catechistica» следовал после толкования так называемого Ангельского приветствия (или молитвы «Радуйся, Мария») и перед рассмотрением третьей богословской добродетели – любви (р. 45–46). Вместо него Симеон Полоцкий вставил толкование евангельских блаженств (с. 63–67). Рассматривая 5-й член Символа веры о схождении Христа в ад²¹, Симеон Полоцкий не включает в свой катехизис вопрос Маршана о схождении Христа в чистилище («Numquid etiam descendit [Christus] ad Purgatorium? Etiam: Quia et inde aliquos liberavit, immo forte omnes», р. 38). Также опускается фрагмент, декларирующий наличие частного суда сразу после смерти («Numquid unus quisque in morte subit iudicium particulare? Certum est ita esse», р. 39). В толкование 9-го члена *Credo* не вошли довольно пространное рассуждение Маршана, почему видимая Церковь называется католической (в терминологии латинского источника – *Catholicam*), и вопрос «Quare dicitur Ecclesia Romana?» (р. 40). На их место Симеон вставляет фрагмент о началах Церкви и перечень церковных таинств (с. 35–36). Смысловому редактированию подвергается и само определение Церкви:

«Собрание всѣх вѣрных под единою главою | «...congregationem omnium fidelium sub Christo, et
церкве Христом» (с. 33). | eius in terris Vicario» (курсив мой. – М.К.) (р. 40).

В меньшей степени подверглись редактуре разделы, рассматривающие молитвы «Отче наш» и «Радуйся, Мария». В первом случае, говоря о «врачевствах» против искушений, Симеон Полоцкий опускает обращение верующего к помощи Богородицы, оставляя лишь молитву ко Христу и святым. Здесь, правда, можно предположить непреднамеренность пропуска, потому что в этом месте в пространном катехизисе происходит сбивка нумерации перечисляемых Симеоном «врачевств» (с. 56). Из толкования же молитвы «Радуйся, Мария» был исключен фрагмент о значении слова «Ave», где, среди прочего, Маршан рассуждает об образовании «Ave» из имени «Eva» и противопоставляет Богородицу праматери рода человеческого (р. 44). В катехизисе Симеона Полоцкого и в «Praxis» значительно отличается и толкование второй части данной молитвы, которая, как известно, в православной и католической традициях звучит иначе.

²⁰ Здесь – хороводы.

²¹ Данное положение встречается только в Апостольском *Credo*.

В контексте рассуждений о четвертой заповеди декалога («Помни день субботный святити, сирѣчь святыи»; у Маршана по католической классификации – третья) в пространном катехизисе отсутствует вопрос о связи соблюдения воскресного дня с Богородицей («Quare dies Sabbati est solemnus Virgini? Quia mansit illo die in ea lumen fidei, aliis omnibus vacillantibus», р. 48). В катехизис Симеона не попал фрагмент, для чего можно использовать освященную воду²². Симеон Полоцкий отказался также от вопросов об обрядах, связанных с отправлением того или иного таинства (в «Praxis Catechistica», например, р. 53), считая их, вероятно, не совсем соответствующими православной традиции. Более значимым представляется пропуск рассуждений Маршана о необходимости особого праздника, посвященного освященному Телу Христа, и анализа ситуаций, при которых допустимо причащать светских лиц так же, как и священнослужителей (р. 53). Симеон пропускает и фрагменты о том, почему таинство елеопомазания (или *extrema unctio*) получило именно такое название; почему установлено именно семь ступеней священства и входит ли в их число первая тонзура (р. 54). Несколько незначительных пропусков сделаны и в перечнях так называемых дочерей отдельных смертных грехов.

Один из пропусков носит, вероятно, случайный характер: в контексте заповеди о почитании родителей отсутствует вопрос о том, какие блага выпадают на долю почтительных сыновей еще при этой жизни (в «Praxis Catechistica» р. 49). Пропуск явно непреднамеренный, потому что в тексте Симеона образуется смысловой разрыв между предыдущим и последующим фрагментами (с. 85).

Наряду с исключением отдельных блоков вопросов и ответов Симеон Полоцкий дополняет текст Маршана, и дополнений этих значительно больше, нежели пропусков. Чаще всего Симеон расширяет ответ на тот или иной вопрос, вводя одну или несколько цитат из Писания или разворачивая излишне лаконичное рассуждение Маршана. В двух случаях Симеон Полоцкий дополняет текст «Praxis Catechistica» высказываниями Иоанна Дамаскина: «Есть велико [число падших Ангелов], ибо от всѣх чинов нѣщии падоша, в их же мѣсто людие избранныи возносятся. Или по Дамаскину: *цѣлый лик приземный падеся*» (с. 10); «[Лень] есть гнусность оума, благое начати или совершати небрежущаго. Или по Дамаскину: *Лѣность есть печаль, сицеотягощающая душу, яко ничесо же благотворити хотѣти ей*» (с. 140) (курсив мой. – М.К.).

Помимо уже упомянутого раздела о евангельских блаженствах (который появляется вместо раздела об индульгенциях), из наиболее значимых дополнений необходимо отметить использование Симеоном Полоцким двух Символов веры: он приводит формулировки как Апостольского, так и Никео-Константинопольского *Credo*, хотя весь свой анализ (также как и Маршан) выстраивает в соответствии с символом Апостольским. Больше всего дополнений сделано Симеоном Полоцким именно в первой части катехизиса, посвященной толкованию Символа веры. Первая значительная вставка из 10 вопросов и ответов появляется в разделе, озаглавленном «О символѣ святом»: здесь Си-

²² Примечательно, что в черновой версии данный фрагмент сначала был, потом же его зачеркнули:

«– Воды священныя кая есть полза?
– Простимых грѣховъ очищение, навѣтовъ
Дьявольских и тщет прогнание» (Син. 285. С. 393).

«– Quae sunt utilitates aquae benedictae?
– Venialium expiatio, insidiarum diabolicarum et
damnorum depulsio» («Praxis Catechistica», р. 52).

меон подробно останавливается на том, как «бог отец, сына роди, раждает, и во вѣки родити будетъ. Духа же святаго испустил есть, испущает, и во вѣки будет испущати» (приведенная далее аналогия с солнечными лучами попала и в текст краткого катехизиса); а также уточняет, что есть общее всем ипостасям Троицы и какое из лиц первое или большее (с. 7–8).

Следующая значимая вставка сделана Симеоном в контексте толкования 3-го члена Символа веры о воплощении Христа. Он добавляет фрагмент из шести вопросов и ответов о двукратном рождении Спасителя; о количестве естеств, лиц, воли и действий во Христе (с. 17). Примечательно, что данный отрывок также целиком вошел впоследствии в краткий катехизис. В 4-м члене *Credo* появляется рассуждение о том, как во время крестных мучений страдала плоть Спасителя при том, что «не пострада божество» (с. 21–22). Фрагмент этот был неотъемлемой частью всех православных катехизисов, создававшихся в конце XVI и на протяжении всего XVII в. в Речи Посполитой, и являлся полемическим выпадом в адрес одного из направлений антитринитаризма. Столь же очевидным знаком знакомства Симеона Полоцкого с украинско-белорусской православной традицией данного периода (а также и принадлежности к ней) является и включенный им в пространный катехизис фрагмент о том, где находятся души праведников и грешников до последнего Суда и получают ли они уже сейчас воздаяние в полной мере²³. К числу значимых дополнений Симеона Полоцкого, сделанных им в толковании Символа веры, относится и блок вопросов и ответов об исхождении Св. Духа (с. 30–32). Речь идет об уже упоминавшемся выше полемическом фрагменте, позаимствованном из «Изложения» Стефана Зизания и включенном как в краткий рукописный, так и в букварный катехизисы Симеона. Рассуждения о Св. Духе в пространном рукописном катехизисе расширены также вопросами о его дарах и плодах. Здесь Симеон Полоцкий, в частности, говорит о плодах «в душѣ человекѣстем раждаемыхъ» (курсив мой. – М.К.): такая формулировка встречалась первоначально только в букварных катехизисах так называемой евьенской группы²⁴.

Анализируя заповедь десятословия, запрещающую создавать идолы и поклоняться им, Симеон значительно расширяет лаконичное рассуждение Маршана о том, в чем состоит отличие икон от языческих идолов и вводит в свой катехизис следующие вопросы: «Кое есть разнствие между Иконми и Идолы?»; «Дажь разнствие ино»; «Во ветхомъ завѣтѣ, бяху ли Иконы?» и «Почитаху ли Юдеи тыя херувимы?» (с. 77–78)²⁵. Вместо изложения обрядов, сопровождающих таинство крещения, Симеон Полоцкий вводит два новых вопроса: «Понеже смерть есть плодъ грѣха, грѣхъ же истребляется крещениемъ вскую христиане оумирают?» и «Чесо ради богъ попускает тым креститися, иже отступники послѣжде бывають?» (с. 102–103). Значительное по содержанию дополнение сде-

²³ Одним из свидетельств актуальности данного сюжета для православных богословов Киевской митрополии является его рассмотрение на соборе 1640 г. [20. Ст. 30, 32]. В московской богословской мысли сюжет о конкретном местонахождении душ после смерти возникает под влиянием книжной продукции Киевской митрополии.

²⁴ К ней относятся буквари виленского братства Св. Духа (Евье, 1618; Вильно, 1643, 1645, 1652), Спиридона Соболя (Кутейно, 1631; Могилев, 1636), могилевского Богоявленского монастыря, 1649 г. и кутейнского Богоявленского монастыря, 1653 г. (см. [21. С. 64]).

²⁵ В черновом варианте данный фрагмент первоначально отсутствовал: он написан на отдельном лоскуте бумаги и подклеен к рукописи (Син. 285. С. 379).

лано в разделе пространного катехизиса, посвященного таинству священства. Симеон расширяет материал «Praxis Catechistica» изложением «вещи» и «образа» данного таинства; говорит о его служителе и о формальных канонических требованиях, которым должен соответствовать кандидат в священники; осуждает принимающих священство «на мздѣ» и утверждает, что «Иереи и инии духовнии началници имут вящую оу бога заслугу» (с. 110–111). Рассуждением о «вещи» и «образе» таинства дополняет Симеон Полоцкий и материал главы катехизиса о церковном браке (с. 112). Супружеству в пространном катехизисе (равно как и в «Praxis Catechistica») уделено внимания больше, чем какому-либо другому таинству. В конце этой и без того обширной главы Симеон приводит подробное изложение вопросов «Чесо ради сроднымъ сочетатися возбранно?» и «Во ветхомъ завѣтѣ вскую поймовахуса сроднии?» (с. 115–116). Небольшие вставки Симеон Полоцкий делает также в главах о «врачевствах» отдельных смертных грехов: «противу гордости» (с. 120), «на сребролюбие» (с. 124–125) и «противу нечистотѣ» (с. 128–129).

Говоря о приемах работы Симеона Полоцкого с текстом Маршана, нельзя не отметить ряд лексических замен. Их совсем немного, и самым очевидным является отказ от термина *purgatorium* и замена его *мытарствами*:

Пространный катехизис	«Praxis Catechistica»
«И по смерти Аггели возводят души наша на небо: и на мытарствахъ защищаютъ» (с. 11).	«Etiam animas post mortem deducunt Angeli in caelum, vel ad Purgatorium» (р. 37).

Аналогичная замена была произведена Симеоном Полоцким и в толковании 7-го члена Символа веры. Можно отметить также перевод «Respublica» (р. 51) как «весь народ» (с. 94); молитву к Деве Марии «rosarium» (р. 44) как Акафист и Параксис (с. 60); «materia et forma» таинства как «вещь» и «образ».

За счет каких источников Симеон Полоцкий расширил текст Маршана, сказать со всей определенностью сложно. Конечно же, в данном случае мы имеем в виду более или менее обширные вставки, а не мелкую правку или корректировку отдельных формулировок. Одним из возможных источников, как упоминалось выше, мог быть «Мир с Богом человеку» Иннокентия Гизеля. В одном месте Симеон Полоцкий даже ссылается на этот памятник: напротив вопросов о препятствиях к заключению церковного брака на поле стоит примечание «сих толкование пространное есть в мирѣ с Богом человеку» (с. 115)²⁶. Гизель, действительно, весьма подробно останавливается на этом вопросе, отводя его рассмотрению более десяти страниц текста [22. С. 151–163]. Весьма вероятно, что именно из трактата Гизеля были позаимствованы формулировки 10 церковных заповедей, которые Симеон Полоцкий приводит в контексте толкования девятого члена символа веры «И во единую... Церковь» (с. 35–36)²⁷.

²⁶ Примечание встречается и в черновом варианте катехизиса (Син. 285. С. 401).

²⁷ Церковные заповеди как самостоятельная единица катехетического наставления верующих были сформулированы в XIII в. предположительно папой Целестином V. Большинство католических памятников XVII в. выделяло всего пять предписаний: почитание церковных праздников; посещение воскресных богослужений; соблюдение постов; исповедь и причастие не реже одного раза в год в Пасхальный период. Аналогичный Полоцкому перечень из 10 положений встречается впервые в «Кратком катехизисе» Петра Могилы 1645 г. [3. Л. 28 об.–43 об.], а впоследствии у Иннокентия Гизеля [22. С. 76].

Обращает на себя внимание непривычная для православной книжности формулировка про обращение «еретиков и *схизматык*» (курсив мой. – М.К.) (с. 36), гораздо более типичная для католических авторов. Эта же формулировка (правда, уже не в контексте церковных заповедей) встречается и в «Мире с Богом»: «Повелѣвает нам Церков [...] да быхом молилися [...] обращении [...] еретиков и схизматиков» [22. С. 96]. Симеон мог воспользоваться сочинением Гизеля и расширяя данное у Маршана лаконичное определение «лени» цитатой из Иоанна Дамаскина.

Пространный катехизис Симеона Полоцкого дополнен целым рядом самостоятельных по отношению к катехизису статей, в частности «Разрѣшением вопросов различных, о грѣсѣхъ противу десятословию бывающих» и «Разрѣшением случаев бывающих от седми грѣховъ главных». Выше было уже отмечено, что эти тексты соответствуют «Summarium resolutionum et responsionum» Маршана. Симеон, правда, и в этом случае подошел к латинскому оригиналу творчески. Но, в отличие от того, как он работал с текстом «Praxis», «Summarium» подвергся преимущественно сокращению. Гораздо реже Симеон переиначивает предложенные Маршаном формулировки и почти совсем не делает собственных вставок. Остановимся лишь на наиболее принципиальных, на наш взгляд, изменениях. Все они сделаны в контексте рассмотрения грехов против заповедей декалога.

Как известно, в католической и православной традициях иначе группируются ветхозаветные предписания. В первом случае запреты поклоняться чужим богам и создавать образы Иеговы объединены в одну заповедь, а предписания «Не пожелай жены ближнего твоего» и «Не пожелай имущества ближнего твоего» рассматриваются по отдельности. Поэтому если в католической традиции заповедь «Почитай отца и мать твою» является по счету 4-й, то в православной – 5-й. Работая с текстом Маршана, Симеон Полоцкий учитывает это различие в нумерации и объединяет, в частности, в своем катехизисе рассмотрение 1-й и 2-й заповедей, сильно сокращая число анализируемых в «Praxis» сюжетов. Среди исключенных фрагментов оказывается и вопрос о том, допустимо ли светским людям без особого на то позволения читать Библию на родном языке («An Biblia vulgari lingua legant sine licentia, si sint laici?», р. 1). Вслед за этим Маршан начинает рассуждать о чтении Священного Писания вообще, а не только его переводных версий. Этот вопрос («Всякому ли подобает библию святую читати?», с. 145) Симеон Полоцкий оставляет, но отвечает на него достаточно лаконично и несколько уклончиво, в то время как Маршан не ограничивается собственными рассуждениями, но подкрепляет их авторитетом постановлений Тридентского и поместных соборов. Под категорический запрет для светских лиц не попадают только отдельные избранные фрагменты из ветхозаветных книг Товита, Иудифи и Есфири, содержащие наставления о воспитании детей («Praxis», р. 1–2). Блок вопросов и ответов о Писании дополнен перечнем библейских фрагментов, позволяющих отличить его каноническую версию от искаженных и еретических («Praxis», р. 2).

Значительно более лаконично анализирует Симеон и ситуацию «Аще кто православный живет в странах нечестивых, или между еретики (у Маршана только «qui inter haereticos existens». – М.К.), и служа господину еретику, входит по нем в храм их молитвенный, еже послужити ему, а не их ереси согласуя, согрѣшаетли?» (с. 146). В ответе Симеон ограничивается ссылкой на полученное Нееманом от пророка Елисея разрешение прислуживать в капище царю

Сирийскому (4 Царств 5:18). Маршан же, помимо случаев простого посещения храмов, оговаривает и ситуации присутствия на проповедях и участия в праздниках еретиков. Единственное добавление, сделанное Симеоном в контексте толкования 1-й и 2-й заповедей – это вопросы «Мнози от невѣжд поклоняющиеся Иконам святым, не возводят оума си на перво образное, не грѣшат ли сим дѣлом» и об использовании церковной утвари для гадания (с. 149).

Все последующие заповеди Симеон Полоцкий редактирует преимущественно за счет сокращения числа анализируемых сюжетов. Так, например, говоря о соблюдении воскресного дня, Симеон не рассматривает ситуаций, когда приходской священник вправе освободить своих прихожан от этого предписания; в контексте заповеди «Не укради» не анализируются случаи залоговых и кредитных операций. Единственный фрагмент в тексте Симеона Полоцкого, который не имеет никаких параллелей в «Summarium resolutionum et responsionum» Маршана, – это толкование последней заповеди о непосягании на имущество ближнего.

Анализ случаев, связанных с семью смертными (или главными) грехами, Симеон Полоцкий предваряет небольшим, позаимствованным опять-таки у Маршана вступлением:

«Понеже прости людие исповѣдающесе
обычно своя грѣхи родно сказывати обыкоша,
глаголюще: себе быти горды, лѣнныи,
завистны, гнѣвливы, и прочая. Того ради
должни суть отци духовнии вѣдѣти, когда
согрѣшаютъ смертно, от сих грѣхов главных и
подобну я rozpoзнавати. Тѣмже в краткѣ
нѣкия вопросы предложим» (с. 212–213).

«Cum rudiores passim confitentes non nisi in genere
soleant peccata sua exprimere, dicendo se superbos
fuisse, iracundos, avaros, invidios, gulosos: ideo
Confessarii tenentur scire quando peccent mortaliter
circa haec peccata quae capitalia dicuntur; ut eos in
particulari valeant de his interrogare. Itaque paucis
id explicabimus in quaestionibus frequentibus»
(p. 30).

Часть о смертных грехах – это практически дословный перевод соответствующего раздела «Summarium»; самое значимое, сделанное Симеоном Полоцким изменение, – это исключение в контексте рассуждений о сребролюбии параграфа о ростовщическом проценте (у Маршана: «Quid sit usura?», p. 32). Как рукописные катехизисы Симеона были восприняты современниками, сказать очень сложно: сохранилось не так много рукописных копий этих текстов и совсем мало прямых о них высказываний. Евфимий Чудовский предпринял, правда, критический разбор «Венца веры», доказывая, что Апостольское исповедание чуждо Православной Церкви²⁸. В своих рассуждениях он употребляет и понятие «катехизис». Но из контекста совершенно очевидно, что речь идет все-таки о «Венце». О катехизисах известно лишь то, что они в числе других сочинений Симеона Полоцкого были запрещены на московском соборе 1690 г. как содержащие латинские заблуждения²⁹. Но заблуждения эти како-

²⁸ «О апостолскомъ глаголемом символѣ» (Син. 396. Л. 32–40). Здесь же подшита и тетрадка, в которой Евфимий выписал все места из «Венца», которые он счел еретическими («Написася сие из книги глаголемыя вѣнецъ вѣры, сложеныя по мудрованию латинскому: восточному же благочестию противныя» (л. 24–31).

²⁹ Помимо рукописных катехизиса и «Венца веры», под запрещение попали печатные издания «Псалтыри рифмованной» 1680 г., «Обеда душевного» 1681 г., «Вечери душевной» 1683 г., «Поучения о благоговейном стоянии во храме» ок. 1668 г. (см. [23. С. 131–139; 24. С. 117–118 прим.]).

му-либо обсуждению подвергнуты не были. В своем «Слове поучательном» патриарх Иоаким остановился лишь на одном, и, как представляется, довольно второстепенном с точки зрения догматики, сюжете, связанном с катехизисом:

«Книга, именуемая “Катихисис”, в нейже [Симеон] сказует, яко мужу у жены и женѣ у мужа срамная уды по любви дѣловати беззазорно есть и безстыдно: еже у нас православныхъ христианъ зѣло блаженно и гнусно и безчестно. На сие его суесловие вѣщательно, яко и варвари самии грубии и безбожнии, мно, стыдятся и гнушаются сего; у православныхъ же христиан (оставляю еретики калвины, лутеры, и латины и послѣдующыя тым, в сем любящыяся) ниже в словесѣхъ сие безстыдство (честнымъ наипаче дѣвственнымъ ушесем) слышашесе, ниже во умѣ у кого бываше до продерзаго изъявления тоя книги писателя» (цит. по [23. С. 131–132]).

Критикуемый патриархом фрагмент находится не в самом тексте про странного катехизиса, но в приложении, анализирующем греховные деяния против того или иного предписания декалога. В перечне случаев «Когда движения страстная неощущаются быти грѣси смертнии» Симеон Полоцкий, в частности, утверждает, что «Лобзание срамных оудов между супругами, есть грѣх простимый: между же не супругами смертний» (с. 185)³⁰.

Незначительное число известных копий катехетических сочинений Симеона позволяет предположить, что они не получили сколько-нибудь широкого распространения. В свое время И.А. Татарский, например, предположил, что «происхождение некоторых богословских сочинений (Симеона Полоцкого. – М.К.) прямо объясняется учительскою деятельностью его в царской семье. «Краткий катехизис»³¹, приложенный к «Венцу веры кафолическия», очевидно, служил учебным руководством в богословии для младшего возраста царевичей, точно так же, как самый «Венец веры» для возраста старшего» [4. С. 121].

Если это предположение верно и адресат текстов был столь узок, они, тем не менее, не перестают быть значимым фактом религиозной культуры второй половины XVII в., еще одним интересным примером адаптации католического богословского наследия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горский А.В., Невоструев К.И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отдел 2. Писания Святых отцев. Ч. 3. Разныя богословския сочинения (Прибавление). М., 1862.
2. Корзо М.А. Украинская и белорусская катехетическая традиция конца XVI–XVIII в.: становление, эволюция и проблема заимствований. М., 2007.
3. Петр Могила. Събрание короткой науки о артикулах вѣры [...]. Киев, 1645.
4. Татарский И.А. Симеон Полоцкий (его жизнь и деятельность). Опыт исследования из истории просвещения и внутренней церковной жизни во вторую половину XVII века. М., 1886.
5. Сетин Ф.И. «Буквари» Симеона Полоцкого в ряду древнерусских учебников XVI–XVII вв. // Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность. М., 1982.

³⁰ Этот фрагмент мы находим в «Summarium resolutionum et responsionum» Маршана в контексте толкования заповеди «Не прелюбодействуй»: «...casus est, de osculis partium pudendarum... De his certum est gravia mortalia esse inter non coniugatos; inter coniugatos autem non censet esse mortalia» (р. 18).

³¹ На самом деле И.А. Татарский имеет здесь в виду текст, обозначенный нами как про страный.

6. *Augustinus. Contra Faustum manichaeum* // *Patrologiae Cursus Completus. Series Latina / Recensuit, correxit, edidit J.-P. Migne. Parisiis, 1845. T. XLII.*
7. *Ambrosius. De Paradiso liber unus* // *Patrologiae Cursus Completus. Series Latina / Recensuit, correxit, edidit J.-P. Migne. Parisiis, 1845. T. XIV.*
8. *Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. М.; Ростов-на-Дону, 1992.*
9. *Забелин И.Е. Книги переписные книгам, которые по указу Святейшего Патриарха в нынешнем во <7>198 году сентября в день <...> переписаны в Спасскомъ монастырѣ, за иконнымъ рядом, подлѣ церкви в верхней кладовой палаткѣ* // *Временник Императорского Московского Общества истории и древностей российских. М., 1853. Кн. 16. Смесь.*
10. *Hippisley A.R. Simeon Polotsky's Library* // *Oxford Slavonic Papers. New Series. 1983. Vol. XVI.*
11. *Hippisley A.R. A Jesuit Source od Simeon Polotsky's Vertograd Mnogotsvetnyi* // *Oxford Slavonic Papers. 1994. Vol. XXVII.*
12. *Тарабрин И.М. Апокрифические элементы в «Вертограде» С. Полоцкого* // *Древности. Труды Славянской комиссии Императорского Московского Археологического общества. М., 1902. Т. 3. Протоколы за 1900 г.*
13. *Флоровский Г. Пути русского богословия. Брюссель, 1982.*
14. *Елеонская А.С. «Обед душевный» и «Вечера душевная» Симеона Полоцкого в историко-литературном процессе* // *Развитие барокко и зарождение классицизма в России XVII – начала XVIII в. / Ред. А.Н. Робинсон. М., 1989.*
15. *Янковская Л.А. Богословское наследие Симеона Полоцкого в библиотеке св. Дмитрия Ростовского (краткое комментированное описание)* // *Филѣвские чтения. Вып. IX. Святой Дмитрий, Митрополит Ростовский. Исследования и материалы. М., 1994.*
16. *Enciclopedia Cattolica. T. VIII. Citta del Vaticano, 1952.*
17. *Estreicher K. Bibliografia polska. Krakow, 1908. T. XXII.*
18. *Єпископ Інокентій Винницький. Катихісис або бароковий душпастирський сад / Супровідні статті й упорядкування Володимира і Дениса Пилиповичів. Перемишль, 2007.*
19. *Winnicki I. Ustawy rządu duchownego i inne pisma / Do druku przygotował Włodzimierz Pilipowicz. Przedmowa poprzedził Stanisław Stępień. Przemyśl, 1998.*
20. *[Сакович Кассиан]. Киевскій схизматическій соборъ, созданный отцомъ Петромъ Могилой и происходившій въ 1640 году, съ 8 и до 18 сентября. Варшава, 20.IV.1641* // *Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссией. СПб., 1878. Т. 4.*
21. *Корзо М. Украинско-белорусские кириллические букварные катехизисы XVII–XVIII вв.* // *Вісник Львівського Університету. Серія книгознавство, бібліотекознавство та інформаційні технології. Львів, 2006. Вип. 1.*
22. *Гизель Иннокентий. Миръ с Богомъ человеку, или покаяние святое [...]. Киев, 1669.*
23. *Остенъ. Памятник русской духовной письменности XVII века. Казань, 1865.*
24. *Шляпкин И.А. Св. Дмитрий Ростовский и его время (1651–1709). СПб., 1891.*

© 2009 г. С. В. СЕЛИВЕРСТОВ

Н.С. ТРУБЕЦКОЙ В ЕВРАЗИЙСКОМ ДИСКУРСЕ: НАЧАЛО 1930-х ГОДОВ

Н.С. Трубецкой как «парадигматическая личность» определил развитие «ряда концептуализированных областей гуманитарной науки», его интеллектуальное наследие включает лингвистическую, культурологическую и фило-софско-историческую (евразийскую) составляющие [1. С. 8–9]. Предметом данной статьи являются воззрения Н.С. Трубецкого, развиваемые им в евразийском дискурсе.

Вопрос об эволюции российского евразийства в конце 1920-х – начале 1930-х годов весьма важен и получил определенное освещение в исследовании последних полутора десятилетий [2–4], однако имеется еще немало сюжетов, которые нуждаются в дополнительных изысканиях. Тем более, что далеко не все архивные материалы по истории евразийства введены в научный оборот.

Важной вехой в истории евразийства стал 1929 год. События, произошедшие тогда, в общих чертах известны и справедливо обозначаются как «кризис евразийства» [5. С. 89–90], иногда даже как его «конец», а все, что происходило в евразийстве в 1930-е годы, называют «жизнью после смерти» [6. С. 762]. Насколько обоснована такая точка зрения?

В 1995 г. О.А. Казниной опубликовано интереснейшее письмо Н.С. Трубецкого П.Н. Савицкому от 8–10 декабря 1930 г. [5. С. 91–95], которое позволяет глубже уяснить изменение его отношения к евразийству, к «евразийскому периоду» собственного творчества.

Как известно, Н.С. Трубецкой, находясь в 1920-е годы среди евразийцев на сдержанных – более научных, нежели односторонне политических – позициях, вышел из евразийского движения в самом конце 1928 г., направив в парижскую газету «Евразия» (где возобладали левые тенденции) письмо, написанное 31 декабря и опубликованное 5 января 1929 г. Этот демарш произвел большое впечатление на евразийское сообщество. Через десятилетие, в 1938 г. П.Н. Савицкий в записи, сделанной для себя, назовет случившееся «капитуляцией» [5. С. 91]. А тогда, вскоре, в феврале 1929 г., как показывают архивные разыскания, пражские евразийцы направили Н.С. Трубецкому в Вену письмо (под которым подписались десять человек – И.С. Белецкий, А.П. Антипов,

Селиверстов Сергей Васильевич – канд. ист. наук, доцент Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева (Астана, Казахстан).

К.А. Чхеидзе и др., но, разумеется, – без П.Н. Савицкого), в котором, цитируя письмо Н.С. Трубецкого, писали, что «с большим огорчением» узнали о его решении устраниваться от работы в евразийском движении «ввиду невозможности восстановить в нем единство и равновесие, а также предвидя дальнейшие сползания отколовшихся друг от друга течений и развитие их во взаимоотношении до противоположных крайностей» [7. Д. 402. Л. 18–19]. Авторы письма являлись сторонниками «ортодоксальной евразийской идеологии» и оппонентами тенденции, олицетворяемой парижской газетой «Евразия». По их представлению эта тенденция есть «довольно беспринципный политический тактизм по форме и изысканное прелюбодейство мысли и слова по существу» [7. Д. 402. Л. 18].

Примечательно, что пражская группа в феврале 1929 г. по-прежнему видела в Н.С. Трубецком «основоположника евразийской идеологии и выразителя ее во всей чистоте и непреходящем самостоятельном историософском и культурно-историческом значении». Новое поколение евразийцев посчитало заявление Н.С. Трубецкого «тягчайшим испытанием в судьбах нашего молодого движения». И, наконец, финальная мысль обращения: «Все мы горячо надеемся, что Вы снова вернетесь к нам и со свойственной Вам исключительной остротой и силой мысли будете снова работать над развитием идей, оформивших и организовавших нашу духовную жизнь в последние годы. Храни Вас Бог, дорогой Николай Сергеевич!» [7. Д. 402. Л. 18–19].

Очевидно, что данное письмо пражских евразийцев не могло быть отправлено без ведома П.Н. Савицкого, который, безусловно, надеялся на возвращение Н.С. Трубецкого к евразийской работе. Прислушался ли к этому обращению адресат? В фонде П.Н. Савицкого хранится краткий, но многозначительный ответ Н.С. Трубецкого из Вены от 12 апреля 1929 г., поэтому приведем его полностью:

«Пражской Группе Евразийцев

Дорогие друзья, я был глубоко тронут Вашим письмом и от души Вас за него благодарю. В тяжелое время распада дорогого нам всем одинакового дела, мне было особенно отраднo почувствовать ту бодрость и ту веру в будущее, которыми проникнуто Ваше письмо. К сожалению, в настоящее время я не вижу для себя возможности активно участвовать в евразийской работе. Я могу плодотворно работать только сознавая единство и цельность того дела, в котором участвую. Работать по углублению и развитию идеологии в атмосфере полемической борьбы я не чувствую себя способным. Если, Бог даст, наступят более благоприятные обстоятельства, – я тотчас же с радостью вернусь к работе в едином и целостном евразийстве.

Пока же позвольте еще раз поблагодарить Вас, и пожелать Вам сохранить ту бодрость и ту веру в наше общее дело, которые одни могут служить залогом будущего успеха.

Искренно преданный Вам кн. Н.С. Трубецкой» [7. Д. 402. Л. 20].

Таким образом, Н.С. Трубецкой никак не отвергает «общее дело» – евразийство как таковое. Ведь, если «наступят более благоприятные обстоятельства», то он сможет вернуться «к работе в едином и целостном евразийстве». Как же развивались взаимоотношения Н.С. Трубецкого с П.Н. Савицким после обмена письмами? И как после всего этого развивались, эволюционировали взгляды на евразийство самого Н.С. Трубецкого?

Некоторые исследователи полагают, что к 1929 г. евразийское «движение в целом созрело для самоликвидации» [3. С. 171]. Однако, если воспринимать евразийство не только как движение, но как направление российской мысли, то вряд ли такая точка зрения будет исчерпывающей. Быть может, кризис на самом деле не притупил, а обострил евразийскую мысль. Да и как политическое движение евразийство спустя два года было восстановлено, показателем чего стала подготовка в 1931 г. к съезду евразийских организаций. Вообще этот последний, важнейший для понимания эволюции евразийства сюжет еще ждет своего исследователя. Какую позицию занял Н.С. Трубецкой в 1931 г., в новый период «собрания» евразийского движения?

И вот здесь следует вспомнить его письмо от 8–10 декабря 1930 г. В нем Н.С. Трубецкой пишет: «Теперь я чувствую, что прежний “я” отошел куда-то в прошлое, в историю... Я постоянно перечитываю свои произведения евразийского периода, а также переписку этого времени, и многое теперь мне кажется ребячеством». Он подчеркивает: «Я научился ценить настоящую специализацию [...] Широкие и большей частью поспешные обобщения, столь характерные для евразийства, в настоящее время мне претят. Я научился ценить “солидность”, полюбил ее» [5. С. 91–92]. В этом письме немало крайнего пессимизма (вплоть до неверия в будущее русской культуры и науки), однако все это объяснимо личными переживаниями, ситуацией эмиграции и тем, что Н.С. Трубецкой в то время, так сказать, интегрировался в европейское научное сообщество. А потому, естественно, для него как ученого-лингвиста в 1930 г. приоритетом стала специализированная научная «солидность», а не евразийские «обобщения». Казалось бы, все ясно, и к евразийскому прошлому возврата нет. Но...

Съезд представителей евразийских организаций был назначен на 15 сентября 1931 г. в Брюсселе. П.Н. Савицкий, разумеется, послал приглашение Н.С. Трубецкому. Однако тот письмом от 30 августа отказался от участия: «К сожалению, должен огорчить Вас. Я никак на съезд в Брюсселе попасть не могу». Причина проста – она связана с отсутствием времени, которое «распределено не только по дням, но и по часам». Но здесь же автор письма отмечает: «Конечно, тут есть и другая сторона» [7. Д. 428. Л. 144]. «Если бы, – пишет Н.С. Трубецкой за две недели до съезда, – я был увлечен евразийством и занят постоянным обдумыванием евразийских проблем», то можно было бы, «преодолевая препятствия», съездить в Брюссель. «Но, признаюсь, – отмечает он, – за последнее время чисто евразийские проблемы в моем сознании отодвинуты на далекий задний план». Конечно, «если есть люди, которые верят в практическую значимость и актуальность евразийства и хотят работать, – то дай им Бог успеха» [7. Д. 428. Л. 144]. На первый взгляд, это письмо полностью подтверждает прежнюю позицию Н.С. Трубецкого в отношении евразийства, изложенную в декабрьском письме 1930 г. Однако, пытаясь убедить П.Н. Савицкого в том, что «зажечь» относительно евразийских идей он никого уже не сможет, Н.С. Трубецкой, тем не менее, отметил: «О теории идеократии я иногда размышляю. М[ожет] б[ыть] я как-нибудь напишу Вам об этом подробнее» [7. Д. 428. Л. 144–144об.] (см. также приложение).

Время для этого – «немного погодя» – пришло в декабре 1931 г. Стимулирующее влияние оказала посылка П.Н. Савицким подборки новой евразийской литературы, которая буквально заставила Н.С. Трубецкого вновь погрузиться в евразийскую проблематику. Откликаясь на присланную литературу

(сборник «Тридцатые годы», «Декларация» съезда, книги Я.А. Бромберга, Г.Н. Полковникова и др.), он в письме от 19 декабря высказывается достаточно неожиданно по ряду важных вопросов, и, как увидим, таких – которых раньше столь явно не касался. Например, критикуя отвлеченную историко-философскую книгу Г.Н. Полковникова «Диалектика истории» [8], он пишет, что ее мог написать «любой благонамеренный богоискатель старой школы» и что «в евразийстве такая струя была (сначала Флоровский, Арсеньев, потом Карсавин), но я, – указывает Н.С. Трубецкой, – ее воспринимаю теперь как ошибку и недоразумение». По его представлению, «русские богоискатели-декаденты совершенно бесплотны и не имеют никакого чувства реальности», а Г.Н. Полковников, в частности, «подменивает» реальную историю историей философии и не видит социальной проблематики [7. Д. 428. Л. 138] (см. также приложение).

Примечательно, что основоположник евразийства Н.С. Трубецкой пишет: «Особенно раздражает меня всегда понятие «Востока», – это абсолютно бесодержательное, чисто отрицательное («не-Европа»), европоцентрическое и не только не научное, но и прямо антинаучное понятие». По его представлению, «оперировать с ним может только человек, по недоразумению считающий себя евразийцем» [7. Д. 428. Л. 138об.]. Очень любопытное откровение! Ведь до сегодняшнего дня нередко евразийство и Евразию ассоциируют с «Востоком» (см.: [9. С. 5–70]). В Н.С. Трубецком говорит здесь, конечно, практический исследователь – этнограф и лингвист, – который наблюдает не некий обобщенный «Восток», а конкретное этническое и языковое многообразие Евразии. Уже со времен Н.Я. Данилевского критика излишне обобщенных представлений о «Востоке» становится в русской мысли важнейшим аспектом раннеевразийских идей. Наконец, в Н.С. Трубецком говорит здесь и подлинный евразиец. Несмотря на то, что в августе 1931 г. он старался, как мы видели, уверить П.Н. Савицкого, что евразийские проблемы отодвинуты им на «задний план». На самом деле он не выводит себя за скобки евразийства.

Ознакомившись с программой евразийского движения на ближайший период [10], Н.С. Трубецкой пишет: «Декларация евразийцев мне кажется вполне удачной. Никаких возражений по существу не имею», считая, что евразийцы «должны в ясных выражениях заявить себя республиканцами» [7. Д. 428. Л. 139об.]. На что П.Н. Савицкий в записке реагирует так: «Я не согласен, что надо быть республиканцами. Французы – республиканцы, то же – швейцарцы и австрийцы!» И при этом подчеркивает: «Мы не монархисты» [7. Д. 428. Л. 35об.].

В письме П.Н. Савицкому от 19 декабря 1931 г. Н.С. Трубецкой касается весьма важного вопроса – о широте евразийства. Он обращает внимание на противоречие, которое, по его представлению, имеется между некоторыми новыми тезисами П.Н. Савицкого в сборнике «Тридцатые годы» и программными положениями евразийской «Декларации» 1931 г. В частности, он указывает: несмотря на то, что выводы П.Н. Савицкого «требуют от евразийства расширения горизонта до планетарных масштабов, – в декларации это требование осталось еще невыполненным». А значит, «евразийство по-прежнему смотрит на все со своей колокольни и не интересуется ничем, кроме России, ее судьбы и ее роли [...] Это – большая ошибка» [7. Д. 428. Л. 139об.–140]. И далее Н.С. Трубецкой вновь касается этого «внешнего» аспекта: «Большим пробелом евразийской декларации является ее полное пренебрежение внеев-

разийским миром. Неизвестно, каким желало бы евразийство видеть этот мир [...] А, между тем, вопрос этот очень важен» [7. Д. 428. Л. 140об.–141]. Вот такое письмо евразийца евразийцу.

Но самым интересным, на мой взгляд, является пассаж, в котором Н.С. Трубецкой возвращается к самому началу 1920-х годов, в ту эпоху, когда они с П.Н. Савицким закладывали вместе основы евразийства. Однако, как ни парадоксально, он обращает внимание не на то, что их сближало, а на то, что уже тогда, десять лет назад их разделяло. «Вспоминая ретроспективно свою эволюцию, – пишет Н.С. Трубецкой, – я прихожу к заключению, что в этом вопросе (о широте и узости евразийства. – С.С.) всегда и заключался главный пункт наших с Вами расхождений. Я начал с «Европы и человечества», где о России почти не говорилось, и на переднем плане была судьба всего человечества. На это Вы ответили «Европой и Евразией», где Вы старались отвлечь внимание от человечества и направить его на свои русские домашние дела. Я согласился временно ограничиться Россией. Теперь я признаю, что это – была ошибка» [7. Д. 428. Л. 140–140об.].

Итак, почти невероятно, но дважды в одном письме Н.С. Трубецкой указывает, что сфокусированность евразийцев на проблемах России есть «ошибка», «большая ошибка». Он даже вспоминает, что работа П.Н. Савицкого «Европа и Евразия» [11], действительно была не продолжением, а критическим отзывом на книгу Н.С. Трубецкого «Европа и человечество» (по крайней мере ее критическим продолжением). Он, наконец, вспоминает, что П.Н. Савицкий прямо повлиял на него в 1921 г., буквально заставив скорректировать масштаб евразийского дискурса. Ретроспективный взгляд Н.С. Трубецкого на обстоятельства возникновения евразийства в 1920–1921 гг. подтверждает, что само понятие «евразийский», «Евразия» приобрело у эмигрантов конкретно-российский смысл после того, как к евразийской группе примкнул П.Н. Савицкий. Полемизируя, Н.С. Трубецкой своим письмом от 19 декабря 1931 г. подтвердил роль П.Н. Савицкого в становлении и эволюции реального российского евразийства.

При этом он стремился как-то оправдаться. «Впрочем, если Вы помните, – пишет П.Н. Савицкому, – я и в дальнейшем несколько раз пытался расширять нашу проблематику, вывести наше движение на широкий международный путь. Но этого уже нельзя было сделать. Да и кличка была уже создана, а с нею и географическое самоограничение» [7. Д. 428. Л. 140об.]. Последняя фраза касается, полагаем, не столько общего понятия «Евразия», сколько более локального – «Россия-Евразия», которое и отстаивал среди евразийцев П.Н. Савицкий.

Вконце августа 1931 г., когда его мысли, как он писал, были «еще не вполне оформлены», Н.С. Трубецкой взял паузу. В декабре он прояснил свою позицию и подчеркнул: «Я убежден, что мы гораздо больше достигли бы, если бы сразу включились в международный контекст. Ведь сейчас национальные движения с этатическим уклоном и с идеократическими устремлениями существуют во многих странах. Все они (не исключая и фашизма) идейно совершенно убоги, не имеют даже ясного определения своей сущности, а, главное, совершенно разрозненны, даже более того, взаимно враждебны» [7. Д. 428. Л. 140об.].

В этой неожиданной фразе Н.С. Трубецкой ставит российское евразийство на один уровень с иными европейскими национально-идеократическими, на-

ционально-этатистскими течениями 1920-х – начала 1930-х годов. Рискованная параллель. Но общая «идеократическая» тенденция все же схвачена верно. Ведь в межвоенной Европе, действительно, «национальные движения с этатическим уклоном и с идеократическими устремлениями» существовали во многих, если не во всех странах. По мнению Н.С. Трубецкого, в этой ситуации, то есть в ситуации раздробленности и даже взаимной враждебности «идеократических» политических движений, «мы могли бы сыграть первостепенно важную роль, дав им идейное оформление, открыв им их собственную сущность и показав им их единство. Мы могли бы способствовать образованию Четвертого, идеократического, интернационала» [7. Д. 428. Л. 140об.]. Все это, конечно, требует дополнительного осмысления, так как не укладывается в стандартные представления об узости евразийства (по отношению к Европе).

План Н.С. Трубецкого впечатляет. И если, полагает он, евразийство «pretendует прийти на смену коммунизму, который через Третий интернационал стремится во всем мире насадить определенный социально-политический строй», то евразийство «должно [...] стремиться к насаждению во всем мире какого-то другого, не коммунистического строя» и при этом оно обязано выяснить, «чего именно оно хочет в международной политике и открыто заявить об этом в своей декларации» [7. Д. 428. Л. 141]. Нет, отнюдь не отказался Н.С. Трубецкой от евразийства, как это можно было бы понять по его предшествующему письму П.Н. Савицкому от 30 августа 1931 г. Наоборот, он желал бы перевести евразийство на новый, международный уровень. Он не хотел бы, чтобы евразийство было «обречено на провинциализм», он утверждал, что необходимо сформулировать такой «социально-политический идеал», который был бы приложим «во всяком пункте земного шара». Что касается позиционирования такого международного евразийства, то Н.С. Трубецкой полагал, что его идеал должен быть существенно отличным «как от коммунизма, так и от буржуазной демократии», и этот идеал необходимо «поставить себе целью, не в одной России, а во всем мире» [7. Д. 428. Л. 141]. По существу Н.С. Трубецкой пытался представить евразийство в идеологическом отношении в качестве «третьей силы» между демократией и коммунизмом. Очевидно, что такая постановка вопроса для Европы начала 1930-х годов была актуальна.

И если 1920-е годы, – отмечает он, – для российского зарубежья «прошли в атмосфере эмигрантской замкнутости, на фоне эмигрантского гетто», то в начале нового десятилетия создалась благоприятная обстановка «для развития именно в нашей среде идеологий уже не геттовски-мессианских, а “интернациональных на национальной основе”». Основными пунктами этого «нового, международного евразийства» Н.С. Трубецкой считал следующие: «идеократию, учение об автаркических мирах и тезисы “Европы и человечества”», а очередной задачей – «пересмотр с этой точки зрения современных политических течений и возможностей во всем мире». Что касается практической области, то в ней задача – «установление связи со всеми родственными течениями разных стран и воздействие на них в смысле унификации их идеологии с целью создания четвертого интернационала» [7. Д. 428. Л. 141об.].

Ни больше, ни меньше! Да, не часто в мировой истории иницируются глобальные проекты по созданию новых «интернационалов»! При этом примечательно, что Н.С. Трубецкой в какой-то степени ни в чем не изменился и повторяет себя самого времен второй половины 1910-х годов, когда замысливал

концептуальную работу по национальной проблематике (чем, собственно, и были его евразийские публикации начала 1920-х годов). И тогда, и теперь для него и локальное, и глобальное евразийство – это явления, базирующиеся на национальной основе, это, действительно, интернационализм, основанный на «истинном» национализме.

Что ж, как видно, в декабре 1931 г. Н.С. Трубецкой в целом выполнил обещание, данное пражским евразийцам в письме еще в апреле 1929 г., обещание – «работать по углублению и развитию идеологии» [7. Д. 402. Л. 20], а это свидетельствует, что за год до этого, в декабре 1930 г., несмотря на весь его тогдашний радикальный пессимизм, он все-таки окончательно не «подвел черту» под своими размышлениями на евразийскую тему (см.: [5. С. 91]). И если в 1930 г. Н.С. Трубецкой, казалось бы, отказался от своих работ евразийского периода («теперь мне просто дико все это читать», – писал он [5. С. 92]), то в декабре 1931 г. он вновь подтвердил основополагающее значение «Европы и человечества» для нового «международного “евразийства”».

Личное отношение Н.С. Трубецкого к евразийству, в том числе к собственным работам, не однозначно, двойственно. Впрочем, иного трудно ожидать, так как его «свобода от “евразийства”», о чем он утверждал в декабре 1930 г., не могла быть абсолютной. Мы видим, что и после 1929–1930 гг. Н.С. Трубецкой по существу остается важным – пусть и теневым – участником внутреннего евразийского дискурса. Полагаю, что его новое слово, высказанное не публично, а в частном письме П.Н. Савицкому, стало от этого не менее весомым. Предлагая расширить евразийскую деятельность, он считал, что «эти изменения будут на пользу евразийству» [7. Д. 428. С. 141об.].

Примечательно и другое: не принимая в начале 1930-х годов участия в евразийских сборниках, Н.С. Трубецкой и в 1930, и в 1931 гг. очень внимательно, очень не безразлично, как своего рода заинтересованный рецензент, высказывался по поводу присылаемых П.Н. Савицким материалов. Казалось бы, после всего того тотального отрицания евразийства, которое он аргументировал в декабрьском письме 1930 г., его никак не могло интересовать качество новых евразийских работ. Однако Н.С. Трубецкой не отвергал, не отбрасывал их, наоборот, он фактически желал, чтобы они были лучше (в частности, проект статьи П.Н. Савицкого «Научные задачи евразийства» для сборника «Тридцатые годы») [5. С. 94–95]. И это же серьезное, заинтересованное отношение к евразийским произведениям еще в большей степени повторяется и проявляется в декабрьском письме 1931 г. Но разве так должен поступать человек, порвавший с евразийством?

Следует обратить внимание и на то, что П.Н. Савицкий, как можно понять, в 1930–1931 гг. не был обескуражен откровениями Н.С. Трубецкого. Мы, конечно, не знаем, что он думал, получая «отказные» письма, но он не прервал отношений, а воспринял позицию Н.С. Трубецкого, судя по продолжению их личного общения, как нечто объяснимое, быть может даже преходящее, а не как «последнюю точку». Об этом свидетельствует и личный комментарий П.Н. Савицкого, сделанный в 7 апреля 1938 г., что пессимизм Н.С. Трубецкого конца 1920-х – начала 1930-х годов «к середине 1930-х годов [...] стал проходить» [5. С. 91]. О.А. Казнина считает, что П.Н. Савицкий «это пытался представить» [5. С. 91]. Но вряд ли ему, писавшему данную приписку для самого себя, надо было спустя семь лет обманываться. Тем более, полагаю, у него, ближайшего товарища Н.С. Трубецкого, не могло быть намерения вводить в

заблуждение возможных читателей этого письма, в руки которых оно могло в последствии попасть.

Отметим, что мотив глобальной значимости концепции и практики «идеократии» возникает у Н.С. Трубецкого еще в 1930 г. В письме от 8–10 декабря 1930 г. он, несмотря на признание «органических недостатков», «по-прежнему убежден, что идеократия есть единственный возможный в настоящее время государственный строй». Более того, уже в декабре 1930 г. Н.С. Трубецкой утверждает, что «если уж проповедовать идеократию, так проповедовать всем, в том числе и европейцам» [5. С. 94].

Разумеется, с высоты сегодняшнего дня можно утверждать, что Н.С. Трубецкой хотя и обозначил своим националистическим, идеократическим «интернационалом» реальную тенденцию XX в., но нарисовал все же рискованную утопию с политическим подтекстом. Он писал П.Н. Савицкому: «Поверьте, что до современной Москвы таким путем добраться легче, чем путем замкнуто-русским, евразийским» [7. Д. 428. Л. 140об.]. Конечно, здесь имеется в виду только политический путь. Но, как известно, уже через десять лет национал-социалистическая Германия осуществит из Европы военный, захватнический поход на Москву. Мог ли предвидеть это Н.С. Трубецкой тогда в декабре 1931 г., когда писал об объединении евразийцев со всеми национально-этатистскими, «идеократическими» движениями Европы? Вероятно, нет. Он рисовал схему, которая в условиях международной борьбы буржуазной демократии и коммунизма обладала определенной логичностью. Он рисовал ее потому, что желал, в конечном счете успеха евразийскому делу, делу трансформации советской России и вступления ее на новый перспективный путь развития. Но это в теории. Практика реальных «национально-этатистских движений» в Европе оказалась гораздо более суровой и агрессивной. Во второй половине 1930-х годов в условиях новой германской угрозы Н.С. Трубецкой, как и П.Н. Савицкий, твердо занял позицию российского «оборонца». Только болезнь и скоропостижная смерть 25 июня 1938 г. в Вене, последовавшая за полицейскими обысками (через три месяца после аншлюса), не только прервала научно-лингвистическую деятельность Н.С. Трубецкого, но и подвела последнюю черту под эволюцией его взглядов, под его десяти- и двадцатилетней давности дискуссией с П.Н. Савицким о широте и узости евразийства.

В декабре же 1931 г. Н.С. Трубецкой, соратник П.Н. Савицкого по евразийскому делу, понимая, видимо, всю спорность, неоднозначность собственной позиции, заканчивает свое неожиданно-программное письмо (можно сказать ревизионистское, или новаторское – как посмотреть) вопросом: «Что Вы об этом скажете?» [7. Д. 428. Л. 141об.].

Что же мог сказать об этом глобальном «международном» плане П.Н. Савицкий? Его ответ пока не обнаружен, однако примечательно, что на оригинале письма Н.С. Трубецкого (в его самом начале) имеется довольно загадочная карандашная приписка П.Н. Савицкого: «С просьбой об абсолютной доверительности! (между нами двумя!)» [7. Д. 428. Л. 138]. Также в архиве хранится заметка П.Н. Савицкого от 24 декабря 1931 г., в которой он в самых общих чертах высказал мнение о полученном письме. Он абсолютно спокойно воспринял позицию Н.С. Трубецкого, назвав его «блестящим критиком». Не отрицая международный аспект евразийства, П.Н. Савицкий отметил, что идею «распространения некот[орых] основных Е[вр]А[зийских] принципов в международно-политической среде» он отстаивает «без особого сочувствия со сто-

роны Е[вр]А[зий]цев». Тем не менее, он уверен, что «документы Е[вр]А[зийского] съезда могут служить исходным пунктом для международных разговоров более конкретного свойства» по идеологическим и программным вопросам [7. Д. 428. Л. 35об.]. Кстати, как отмечает Н.Ю. Степанов, в январе 1934 г. П.Н. Савицкий на очередном евразийском семинаре в Праге затронул идею «идеократического интернационализма» [2. С. 208]. М. Байссвенгером выявлены «точки соприкосновения» евразийцев с некоторыми консервативными группировками Германии в начале 1930-х годов [12]. Полагаю, что определенным толчком к попыткам этих контактов явилась европейская «идеократическая» инициатива Н.С. Трубецкого.

В 1933 г. Н.С. Трубецкой, постепенно преодолев собственный пессимизм, возвращается в публичный евразийский дискурс, напечатав «Мысли об автаркии». Результатом же его раздумий в первой половине 1930-х годов об «идеократии» стали статьи 1934–1935 гг. «Идет ли мир к идеократии и плановому хозяйству?» и «Об идее-правительнице идеократического государства» [13]. По существу все эти статьи являются дальнейшим развитием евразийских идей, в том числе содержащихся в его собственном декабрьском письме 1931 г. П.Н. Савицкому, действительно, удалось «вновь привлечь Н.С. Трубецкого к участию в евразийских изданиях» [4. С. 118]. Однако, по-видимому, это вряд ли было возможно, если бы и сам Н.С. Трубецкой не был в 1930-е годы склонен вернуться к евразийству.

Таким образом, письмо от 19 декабря 1931 г. вносит определенные уточнения, коррективы в вопрос об эволюции взглядов Н.С. Трубецкого на протяжении 1920-х – начала 1930-х годов (и о его «пессимизме» по отношению к евразийству). Хотя публикатор письма от 8–10 декабря 1930 г. полагает, что пессимизм Н.С. Трубецкого «не был... временным» [5. С. 91], но все же изучение вопроса показывает, что отношение Н.С. Трубецкого к евразийству сложнее того одностороннего восприятия, которое может возникнуть, если исходить из схематичной точки зрения, что он в 1929 г. полностью порвал с евразийцами и перешел, якобы, на противоевразийские позиции.

Обобщенная критика Н.С. Трубецким в 1930 г. собственных евразийских работ понятна, так как время от времени через переоценку сделанного, проходит любой думающий исследователь. Однако самокритика никогда не касалась таких его основополагающих трудов как «Европа и человечество» и «К проблеме русского самопознания». Ведь даже в декабре 1930 г. (в пик самокритики), Н.С. Трубецкой не отрицал последнюю работу, наоборот, он сожалел, что она в свое время не была издана по-немецки или по-французски, когда бы и «принесла настоящую пользу» [5. С. 93]. На мой взгляд, в отличие от лингвистики, значимость, «парадигматичность» сделанного Н.С. Трубецким в философско-исторической и историко-культурологической областях стала понятна не сразу. По существу только к концу XX в. научное сообщество постепенно осознает инновационность и актуальность этой стороны творческого наследия выдающегося ученого-слависта.

Разумеется, изучая эпистолярное наследие Н.С. Трубецкого, следует отдавать отчет в том, что по отношению к периоду 1932–1938 гг. в архивах могут открыться новые письма и новые обстоятельства, которые скорректируют наше восприятие эволюции интеллектуального мира Н.С. Трубецкого. Но на данном уровне изученности проблемы мы все же не можем категорично

утверждать ни о «конце» евразийства в 1929–1930 гг., ни об индивидуальном финале в этот же период – как евразийца – Н.С. Трубецкого.

Понимание эволюции взглядов Н.С. Трубецкого на протяжении 1920-х – начала 1930-х годов позволяет обсуждать вопрос о тенденциях в евразийской мысли. И речь идет уже не только о «левом» и «правом» евразийстве, о культурно-религиозном и идеологическом, о научном и политическом, сколько о существовании евразийской мысли различных цивилизационных, геополитических форматов: с одной стороны, о евразийстве собственно российского масштаба, а с другой стороны, более широкого, международного, с учетом «внеевразийского» мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Нерозник В.П.* Парадигма Н.С. Трубецкого // Ежегодные международные чтения памяти кн. Н.С. Трубецкого – 1999. М., 1999.
2. *Русская эмиграция в Европе (20-е – 30-е годы XX века)*. М., 1996.
3. *Соболев А.В.* К вопросу о внутренних трениях и противоречиях в евразийстве 1920-х годов // *Россия XXI*. М., 2002. № 5.
4. *Антощенко А.В.* «Евразия» или «Святая Русь»? (Российские эмигранты в поисках самосознания на путях истории). Петрозаводск, 2003.
5. *Славяноведение*. 1995. № 4.
6. *Половинкин С.М.* Евразийство и русская эмиграция // *Трубецкой Н.С.* История. Культура. Язык. М., 1995.
7. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5783. Оп. 1.
8. *Полковников Г.Н.* Диалектика истории. Париж, 1931.
9. *Ключников С.* Восточная ориентация русской культуры // *Русский узел евразийства. Восток в русской мысли*. Сборник трудов евразийцев. М., 1997.
10. *Евразийство*. Декларация, формулировка, тезисы. Париж, 1932.
11. *Савицкий П.Н.* Европа и Евразия (По поводу брошюры кн. Н.С. Трубецкого «Европа и человечество») // *Русская мысль*. 1921. № 1–2.
12. *Байссвенгер М.* «Консервативная революция» в Германии и движение «Евразийцев» – точки соприкосновения // *Консерватизм в России и мире*. Воронеж, 2004. Ч. 3.
13. *Трубецкой Н.С.* Мысли об автаркии // *Новая эпоха: Идеократия. Политика. Экономика*. Нарва, 1933; *Трубецкой Н.С.* Идет ли мир к идеократии и плановому хозяйству? // *Евразийские тетради*. Париж, 1934. Вып. 2/3; *Трубецкой Н.С.* Об идее-правительнице идеократического государства // *Евразийская хроника*. Берлин, 1935. Вып. 11.

Приложения

ПИСЬМА Н.С. ТРУБЕЦКОГО П.Н. САВИЦКОМУ

I

Женева. 30 VIII 1931

Дорогой Петр Николаевич!

К сожалению, должен огорчить Вас. Я никак на съезд в Брюсселе¹ попасть не могу. Я сегодня (30-го) еду в Париж, пробуду там три дня, оттуда – к морю, где сейчас находится моя сестра, там пробуду тоже три дня, а оттуда прямо в Albrechtsberg. Время мое расписано не только по дням, но по часам, и в этот «план» поездку в Брюссель никак не вставишь. Конечно, тут есть и другая сторона. Если бы я был увлечен евразийством и занят постоянным обдумыванием евразийских проблем, – то либо стоило бы чем-то пожертвовать и, преодо-

левая неудобства и препятствия, съездить или слетать в Брюссель. Но, признаюсь, за последнее время чисто евразийские проблемы в моем сознании отодвинуты на далекий задний план. К тому же участие в съезде к чему-то обязывает и в дальнейшем, а я нисколько не желаю терять свою свободу. Уверю Вас, что и для Вас лучше, чтобы я на съезд не ехал. Мое настроение, как бы я его не маскировал, непременно почувствуется членами съезда и может на них подействовать только разлагающе. Если есть люди, которые верят в практическую значимость и актуальность евразийства и хотят работать, – то дай им Бог успеха. Зачем их расхолаживать скепсисом и неверием? А ведь я в настоящее время могу только расхолодить. Зажечь я никого не могу, как не могу уже и сам зажечься...

О теории идеократии я иногда размышляю. М[ожет] б[ыть] я как-нибудь напишу Вам об этом подробнее. Только не сейчас и даже не в ближайшее время, а немного погодя. Мысли мои еще не вполне оформлены, а сейчас и в ближайшее время придется думать совсем о другом. Вы ведь знаете, что я читаю курс о Достоевском и страшно много должен работать над ним.

Итак, простите меня и не сердитесь. Сердечно обнимаю Вас. Искренне любящий Вас

Н[иколай]С[ергеевич]Т[рубецкой]
ГАРФ. Ф. 5783 (Фонд П.Н. Савицкого). Оп. 1. Д. 428
(Письма П.Н. Савицкому). Л. 144–144об. Автограф.

II

19 XII 1931

Дорогой Петр Николаевич!

Не писал Вам так долго потому, что хотел сначала прочесть присланную Вами евразийскую литературу. А, между тем, я так занят своим курсом о Достоевском, что посторонние вещи могу читать только урывками. Я и сейчас не всю присланную Вами литературу прочел.

Книга Бромберга (равно как и его статья в «Тридцатых годах»)², по-моему, неудачна. Многословно, расплывчато и, в конце концов, конкретного решения нет, вместо решения – лозунги, которые трудно наполнить конкретным содержанием. М[ожет] б[ыть] эта книга имеет значение скорее «дипломатическое».

Книга Полковникова³ мне ужасно не нравится. Это – безнадежная ветошь (старая орфография в данном случае имеет символическое значение), и ветошь, мало имеющая отношения к евразийству. Все это мог бы написать и Карташев⁴, и Арсеньев⁵, и любой благонамеренный богоискатель старой школы. Правда, в евразийстве такая струя была (сначала Флоровский⁶, Арсеньев, потом Карсавин⁷), но мне эта струя всегда была наиболее чужда, и я ее воспринимаю теперь как ошибку и недоразумение. Русские богоискатели-декаденты совершенно бесплотны и не имеют никакого чувства реальности. В книге Полковникова эти черты выражены необычайно ярко. Он подменяет историю историей философии и не замечает этого, потому что просто лишен органа для восприятия социальной проблемы. Как всякий бестелесный мыслитель он имеет чрезвычайно ограниченный кругозор, чрезвычайно малый инвентарь основных понятий, с которыми жонглирует. Из всех этих понятий особенно раздражает меня всегда понятие «Востока», – это абсолютно бессос-

держательное, чисто отрицательное («не-Европа»), европоцентрическое и не только не научное, но и прямо антинаучное понятие. Оперировать с ним может только человек, по недоразумению считающий себя евразийцем. Нечего и говорить, что при своей полной исторической и социальной слепоте Полковников совершенно не ощущает и не может ощущать современности (ни «западной», ни «восточной», ни русскоевразийской). Очень жалко, что на этой книжке стоит марка евразийства. Для евразийства это – не приобретение, а Полковников с таким же успехом мог издать эту книгу в Имке⁸, да еще и гонорар получить. Это было бы лучше и для него, и для евразийства.

«Тридцатые годы» по уровню статей, конечно, неровны. Есть статьи прямо ученические (Хара-Даван⁹, Чхеидзе¹⁰), есть статьи слабые (Вернадский¹¹, Богатырев¹², от которого я ожидал большего, – впрочем, за последнее время все больше склоняюсь к тому, что он пустоцвет, в молодости много обещал, но в результате ничего не вышло)*. Ваши статьи (или статьи Ваших трех ипостасей¹³) я уже знал раньше¹⁴, за исключением глав из географии России, которые, по-моему, превосходны. О юридических статьях (Алексеева¹⁵ и Дунаева¹⁶) судить не берусь, не будучи юристом: на неспециалиста они, во всяком случае, производят хорошее впечатление. Обе статьи Ильина¹⁷ хороши: он умеет быть философом, не теряя телесности. Но наиболее отрадное впечатление произвела на меня статья Чухнина. Остроумно, умно, оригинально, чувствуется связь с жизнью, живое ощущение действительности и проблематики современности. Кто этот Чухнин¹⁸, откуда Вы его раскопали?

Декларация евразийцев¹⁹ мне кажется вполне удачной. Никаких возражений по существу не имею. При чтении ее у меня возникли только следующие соображения. Во всей декларации ничего не сказано о форме правления. Между тем, ведь младороссы²⁰ тоже предлагают сохранение местных и национальных автономий, системы советов и значительной доли участия государства в хозяйственной жизни, в то же время требуя покровительства религии и допущения частнохозяйственной инициативы; есть у них и намеки на отбор правящего слоя по какому-то неклассовому признаку («софократия»). Словом, – сходство большое. А, между тем, они – монархисты легитимисты. Это сразу накладывает особый отпечаток на всю их программу: всякий пункт этой программы (в том числе и советская система, и государственное хозяйство, и равноправие национальностей, и упразднение классов) воспринимается с обертоном легитимного монархизма, и вся программа в целом производит впечатление черносотенства, перекрашенного в защитный цвет. Это показывает, насколько важно для общей окраски политической программы включение в нее вопроса о форме правления. Если евразийцы не желают, чтобы их смешали с младороссами, они должны в ясных выражениях заявить себя республиканцами и ясно указать, почему монархию они считают невозможной и нежелательной.

Ряд неясностей возникает в области хозяйственной. Если земля принадлежит государству и только сдается частным хозяевам на концессионных началах и на срок, – то каким образом вдруг оказывается, что земля «отчуждаема»? Если это – перепродажа концессий, то ведь это очень легко может быть превращено в злоупотребление, которое контролировать очень трудно. Не совсем понятно также, как удержать частных уже предпринимателей на ступе-

* По поводу этой оценки П.Г. Богатырева П.Н. Савицкий сделал следующую приписку: «Я думаю, что о П.Г.Б. – Н.С. совершенно не прав!»

ни профессии и не дать им превратиться в класс. Неясно, на что именно распространяется функциональная собственность: только на орудия производства и оборотный капитал, или также на доходы. А в связи с этим, еще вопросы: как обстоит дело с наследством, и может ли функциональная собственность в частном порядке менять носителя (иначе говоря, можно ли перепродать концессию и как будет рассматривать государство ту прибыль, которую его прежний концессионер выручил при подобной сделке)? Разумеется, всех подробностей декларация рассматривать не может, да и в объяснительной записке приходится ограничиться основными принципами. Но все же, надо как-то уяснить эти вопросы или оговорить их. Иначе может получиться впечатление, что «государственно-частная система» и «функциональная собственность» – это только мудреные слова, за которыми скрывается просто на просто возвращение к буржуазно-капиталистическому строю. Мне кажется, что современному евразийству следует быть особенно точным в подобных вопросах, ввиду того, что оно воспринимается как бывшее правое крыло евразийства, точнее, – как евразийство, от которого отпали левые элементы²¹.

Несмотря на то, что «Логовиков»²² и конец Вашей главы об отношении России к морю требуют от евразийства расширения горизонта до планетарных масштабов, – в декларации это требование осталось еще невыполненным: евразийство по-прежнему смотрит на все со своей колокольни и не интересуется ничем, кроме России, ее судьбы и ее роли. Это – большая ошибка. Вспоминая ретроспективно свою эволюцию, я прихожу к заключению, что в этом вопросе всегда и заключался главный пункт наших с Вами расхождений. Я начал с «Европы и Человечества», где о России почти не говорилось, и на переднем плане была судьба всего человечества. На это Вы ответили «Европой и Евразией», где Вы старались отвратить внимание от человечества и направить его на свои русские домашние дела. Я согласился временно ограничиться Россией. Теперь я признаю, что это – была ошибка. Впрочем, если Вы помните, я и в дальнейшем несколько раз пытался расширять нашу проблематику, вывести наше движение на широкий международный путь. Но этого уже нельзя было сделать. Да и кличка была уже создана, а с нею и географическое самоограничение. А между тем, я убежден, что мы гораздо больше достигли бы, если бы сразу включились в международный контекст. Ведь сейчас национальные движения с этатическим уклоном и с идеократическими устремлениями существуют во многих странах. Все они (не исключая и фашизма) идейно совершенно убоги, не имеют даже ясного определения своей сущности, а, главное, совершенно разрозненны, даже более того, взаимно враждебны. Мы могли бы сыграть первостепенно важную роль, дав им идейное оформление, открыв им их собственную сущность и показав им их единство. Мы могли бы способствовать образованию Четвертого, идеократического, интернационала. И, поверьте, что до современной Москвы таким путем добраться легче, чем путем замкнуто-русским, евразийским.

Как бы то ни было, большим пробелом евразийской декларации является ее полное пренебрежение внеевразийским миром. Неизвестно, каким желало бы евразийство видеть этот мир, какой строй, какие политические и экономические отношения желало бы евразийство видеть в мире. А, между тем, вопрос этот очень важен. Не говоря уже о том, что государство идеократическое в своей внешней политике должно руководствоваться не эгоистическими интересами, а принципиальными соображениями, следует помнить, что

евразийство претендует прийти на смену коммунизму, который через Третий интернационал стремится во всем мире насадить определенный социально-политический строй. Евразийство должно либо совсем отказаться от каких бы то ни было подобных стремлений, или стремиться к насаждению во всем мире какого-то другого, не коммунистического строя. И в том и в другом случае оно обязано выяснить самому себе и другим, чего именно оно хочет в международной политике и открыто заявить об этом в своей декларации.

Полагаю, что, если не ограничиваться просто заявлением о невмешательстве (обрекающем на провинциализм), то надо построить социально-политический идеал, приложимый во всяком пункте земного шара и, при том, существенно отличный как от коммунизма, так и от буржуазной демократии, – и этот идеал поставить себе целью, не в одной России, а во всем мире. Эта новая доктрина должна быть такова, чтобы с ее помощью можно было решать все важные вопросы современности. По отношению к ней евразийство явится только частным случаем. Разумеется, это обстоятельство существенно именит все самоощущение евразийцев. Изменится и направление евразийской деятельности. Но я полагаю, что эти изменения будут на пользу евразийству. Я всегда повторял, что мы – эмигранты и должны быть самими собой. Мы оторваны от родины, денационализированы, но именно в силу этого наиболее способны участвовать в международных движениях, организовывать международные предприятия. «Двадцатые годы» прошли в атмосфере эмигрантской замкнутости, на фоне эмигрантского гетто с повышенными мессианскими чаяниями, порожденными этой обстановкой. Но постепенно мы все (эмигранты) как-то и где-то пустили корни, вышли из гетто, почувствовали какую-то связь каждый со своим теперешним месторазвитием, – в то же время не вполне растворились в нем. Это – благоприятное условие для развития именно в нашей среде идеологий уже не геттовски-мессианских, а «интернациональных на национальной основе». Основными пунктами нового, международного «евразийства» считаю: идеократию, учение об автаркических мирах и тезисы «Европы и Человечества». Очередной задачей считаю пересмотр с этой точки зрения современных политических течений и возможностей во всем мире. Это – в области теоретической. А в области практической – установление связи со всеми родственными течениями разных стран и воздействие на них в смысле унификации их идеологии с целью создания Четвертого интернационала.

Что Вы об этом скажете?

Крепко обнимаю Вас. Целую ручки Вере Ивановне²³

Ваш Н[иколай]С[ергеевич]Т[рубецкой]
ГАРФ. Ф. 5783. Он. 1. Д. 428. Л. 138–141 об. Автограф.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Съезд представителей евразийских организаций состоялся в Брюсселе 15 сентября 1931 г.

² Бромберг Яков Абрамович (1898–1948) – историк-евразиец, автор работ по еврейской истории.

³ Полковников Г.Н. (1902–1973) – философ-евразиец.

⁴ Карташев Антон Владимирович (1875–1960) – богослов, историк русской церкви, публицист.

⁵ Арсеньев Николай Сергеевич (1888–1977) – богослов, историк религий, участник экуменического движения.

⁶ Флоровский Георгий Васильевич (1893–1979) – богослов, философ. Отошел от евразийства в 1928 г.

⁷ Карсавин Лев Платонович (1882–1952) – историк, философ, религиозный мыслитель. Перешел на позиции «левого» евразийства.

⁸ Издательство «УМСА-press», возглавляемое Н.А. Бердяевым.

⁹ Хара-Даван Эренджен (1883–1942) – врач, примкнул к евразийству.

¹⁰ Чхеидзе Константин Александрович (1897–1974) – военный, публицист, в эмиграции соратник П.Н. Савицкого.

¹¹ Вернадский Георгий Владимирович (1887–1973) – историк-евразиец, специалист по русской истории, сподвижник П.Н. Савицкого. С 1927 г. жил в Америке.

¹² Богатырев Петр Григорьевич (1893–1971) – филолог-славист, фольклорист, этнограф. С 1922 по 1938 г. работал в Чехословакии. Профессор МГУ с 1940 г.

¹³ П.Н. Савицкий публиковал статьи как под собственным именем, так и под псевдонимами – П.В. Логовиков, С. Лубенский.

¹⁴ Н.С. Трубецкой ознакомился со статьями П.Н. Савицкого до выхода сборника – в 1930 г.

¹⁵ Алексеев Николай Николаевич (1879–1964) – правовед-евразиец, философ.

¹⁶ Дунаев Н.А. – правовед, участник евразийских организаций.

¹⁷ Ильин Владимир Николаевич (1891–1974) – богослов, философ-евразиец, историк.

¹⁸ Чухнин В.В. – автор статьи о творческих истоках личности.

¹⁹ Программный документ евразийцев, разработанный в 1931 г. к съезду в Брюсселе.

²⁰ Младороссы – активное консервативно-революционное течение российской эмиграции (с 1925 г. – «Союз младороссов»). Лидер – А.Л. Казем-Бек.

²¹ Имеется в виду раскол в евразийстве в 1929 г. – отделение, оказавшегося нежизнеспособным «левого крыла».

²² Н.С. Трубецкой имеет в виду статью П.Н. Савицкого «Научные задачи евразийства» (под псевдонимом «П.В. Логовиков»), где в заключение автор подчеркивает необходимость выхода России–Евразии на океаны.

²³ Симонова Вера Ивановна – супруга П.Н. Савицкого.

© 2009 г. Н. М. ВАГАПОВА

НИКОЛАЙ ОСИПОВИЧ МАССАЛИТИНОВ И БОЛГАРСКИЙ ТЕАТР XX века

Многих деятелей русского театрального искусства в 1920–1930-е годы судьба забросила в страны Западной и Центральной Европы. Среди них были и драматические актеры, и певцы, и артисты балета, и дирижеры, и композиторы, и художники театра. Особенно ценным представляется вклад в европейское сценическое искусство тех наших соотечественников, кто посвятил себя режиссуре и педагогической деятельности.

Среди них выделяются имена режиссеров и педагогов, которые не ограничивались попытками создания русских театров для русской, преимущественно эмигрантской публики, но активно работали на европейских сценах с местными труппами, игравшими на своем родном языке. В разных странах с уважением и благодарностью вспоминают имена Н.О. Массалитинова, П.Ф. Шарова, Ю.Л. Ракитина, Ю.Э. Озаровского, А.И. Верещагина, Л.В. Мансветовой, П.А. Павлова, В.М. Греч.

Многолетняя работа этих режиссеров с местными труппами в театрах Болгарии, Сербии, Хорватии, Словении, Боснии, Германии, Австрии, Италии, Нидерландов была дополнена самоотверженным трудом по созданию во многих городах этих стран театральных учебных заведений.

Их творческая деятельность стала органичным продолжением того, что они делали в России, и в то же время составила качественно новую, весьма существенную часть общеевропейского театрального процесса в XX в.

* * *

Николай Осипович Массалитинов (1880–1961), актер, режиссер и педагог, – одна из самых значительных и колоритных фигур русского театрального зарубежья. Его творчество в равной степени принадлежит русскому и болгарскому театру. Видный артист МХТ и известный уже в предреволюционные годы театральный педагог, он в 1919 г. выехал из Москвы в составе группы артистов МХТ, которую возглавил Василий Иванович Качалов. В поездке по России и по Европе с «качаловской», а затем с «пражской» группой артистов МХТ Николай Осипович продолжал играть роли, подготовленные еще в

Вагапова Наталья Михайловна – канд. искусствоведения, ведущий научный сотрудник Государственного института искусствознания.

Москве. Во время зарубежных странствий полностью раскрылся его талант режиссера и педагога. Массалитинов помогал товарищам сохранить «дух и букву» стиля Московского Художественного театра как в спектаклях, включенных еще в Москве в гастрольный репертуар, так и заново поставленных в Европе.

В 1925 г. Массалитинов с семьей поселился в Болгарии и в течение тридцати лет был главным режиссером драматической труппы Национального театра Софии. Массалитинов создал в Софии Актерскую школу, а затем возглавил первое в Болгарии высшее театральное учебное заведение – Высший Институт театрального искусства (сокращенно ВИТИЗ).

После окончания Второй мировой войны и установлении в Болгарии социалистического строя Массалитинов, хотя и лишенный руководящих постов, продолжал ставить спектакли в Национальном театре и преподавать в Театральном институте.

Николай Осипович не раз пытался вернуться на родину. Его родная сестра, народная артистка РСФСР Варвара Осиповна Массалитинова, была ведущей актрисой Государственного академического Малого театра, но приехать к ней с частным визитом брат не имел права. В пятидесятые годы Массалитинов приезжал в Москву и Ленинград в составе делегаций болгарских театральных деятелей. При этом советские газеты писали только о его постановках, осуществленных в Болгарии, в основном в послевоенные годы. Правда, в третьем томе, вышедшем уже в годы хрущевской «оттепели», советской «Театральной энциклопедии» была помещена довольно обширная статья о «русском и болгарском театральном деятеле» Николае Осиповиче Массалитинове» [1. С. 732–733]. Обозначив год вступления Массалитинова в труппу МХТ (1907) и не упоминая даты окончания его работы в русском театре, опустив период его работы в «диссидентских» группах артистов МХТ, автор «Театральной энциклопедии» широко представил его постановки и роли как в Москве, так и на болгарских сценах. Здесь чувствовался опыт и дипломатические способности главного редактора ТЭ, виднейшего критика и историка русского театра П.А. Маркова, лично знавшего Николая Осиповича.

Что касается книг и учебников по болгарскому театру, вышедших в советское время, то их авторы при малейшей возможности старались воздать должное Массалитинову – режиссеру и педагогу, хотя и опасались обвинений в том, что уделяют слишком много внимания «эмигранту» (см. [2]).

Болгарские историки театра, не отягощенные подобными комплексами, писали о режиссерском творчестве Массалитинова более свободно (см. [3]).

Между тем, ни Николай Осипович, ни его товарищи по «Пражской группе артистов МХТ», с которыми он гастролировал по Центральной и Северной Европе в 1922–1925 гг., не были в прямом смысле слова эмигрантами. По советской терминологии 1920–1930-х годов, они были скорее «невозвращенцами», причем часто не по своей воле. Ярлык «эмигрантской» труппы им навесили советские журналисты и бывшие коллеги по МХТ, не желавшие, чтобы имя Московского Художественного театра использовалось где-либо за пределами СССР.

Потому и случилось так, что автобиографические заметки Массалитинова «Мои воспоминания» были изданы в Софии, в переводе на болгарский язык, за двадцать лет до публикации их в России [4; 5. С. 191–226]. В Болгарии же были опубликованы и первые театроведческие работы о творчестве Массали-

тинова, и воспоминания его бывших студентов, и даже часть его переписки с деятелями советского театра. В этом – огромная заслуга дочери режиссера, народной артистки Болгарии Тани Массалитиновой и верной ученицы русского режиссера, историка болгарского театра Надежды Тиховой. Благодаря их трудам и помощи Музея МХТ автору данной статьи удалось впервые восстановить творческую биографию Николая Осиповича Массалитинова в полном объеме. Попытаемся проследить основные этапы его многогранной деятельности.

С 1907 по 1917 г. Массалитинов с большим успехом исполнял в Московском Художественном театре значительные роли классического русского репертуара. Это был и Скалозуб в «Горе от ума» А.С. Грибоедова, Ислаев в «Месяце в деревне» И.С. Тургенева, Шатов в «Николае Ставрогине» по роману Ф.М. Достоевского «Бесы», Сатин в пьесе М. Горького «На дне». Особенно хорош был Николай Осипович в ролях чеховского репертуара: Андрей Прозоров и Соленый в «Трех сестрах», Войницкий и профессор Серебряков в «Дяде Ване», Лопахин в «Вишневом саде». В.В. Шверубович в своих мемуарах пишет: «Массалитинов был очень хорошим актером. У него был огромный темперамент, он очень легко загорался [...] Была [...] органика [...] яркая характерность, очень может быть, даже слишком русская [...]» [6. С. 181].

Список ролей, сыгранных под руководством его великих учителей К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко, дополнился актерским опытом иного рода. Массалитинов исполнял роль короля Клавдия в известном спектакле английского режиссера Гордона Крэга «Гамлет», поставленном им совместно с К.С. Станиславским в МХТ в 1911 г. (см. [7; 6. С. 182]).

Рано проявилась склонность Николая Осиповича к педагогической работе. В 1913 г. он создал вместе с актерами МХТ Н.А. Подгорным и Н.Г. Александровым частную Школу драматического искусства, известную под именем «школы трех Николаев», на основе которой в 1916 г. была создана Вторая студия МХТ.

Последней ролью Массалитинова на сцене МХТ, сыгранной в сентябре 1917 г., оказалась роль полковника Ростанева в инсценировке повести Ф.М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели», постановщиком которой был В.И. Немирович-Данченко. В своих воспоминаниях Николай Осипович цитирует одну из рецензий московских газет: «[...] Господин Массалитинов, несомненно, повышает этот образ сравнительно с тем, каким он дан у Достоевского. Идеализирует его, но и этим, и совершенством своего художественного исполнения так зачаровывает зрителя, что последнему много легче становится и от [...] пьесы, тем самым хоть несколько просветленной» [5. С. 216].

В 1919 г., после почти двух лет вынужденного бездействия, связанного с революционными событиями в России, группа артистов МХТ во главе с В.И. Качаловым и О.Л. Книппер-Чеховой, в составе которой оказались Н.О. Массалитинов и его жена актриса Е.Ф. Краснопольская, выехала на гастроли на юг России, как предполагалось, на две-три недели. События гражданской войны заставили эту группу, получившую название «качаловской», перемещаться все дальше к югу. В Тифлисе было получено приглашение от итальянской кинематографической фирмы из Милана снять фильм по спектаклю «У жизни в лапах» К. Гамсуна, который был в репертуаре группы. Фильм-спектакль с итальянцами так и не состоялся. Однако благодаря их предложению «Кача-

ловская группа артистов МХТ» оказалась в Константинополе, откуда начались их европейские гастроли.

Прибыв в Константинополь и не получая информации о начале съемок, «качаловцы» направили телеграмму в Национальный театр Софии. «Качаловцы» знали о том, что несколько болгарских актеров незадолго перед тем стажировались в МХТ и полагали, что зрители-славяне легко поймут спектакли на русском языке. Дирекция Национального театра с энтузиазмом поддержала мысль о приезде на гастроли труппы легендарных «художественников».

Так состоялось первое знакомство болгар с Массалитиновым – актером и режиссером. Николай Осипович выступил не только режиссером большей части спектаклей, но и сыграл роли Лопехина в «Вишневом саде», Войницкого в «Дяде Ване», Городулина в «На всякого мудреца довольно простоты» А.Н. Островского и Прокурора в инсценировке «Братьев Карамазовых». Во всех спектаклях соблюдалось главное правило труппы – в гастрольных спектаклях максимально точно следовать рисунку ролей и постановочным принципам Московского Художественного театра.

Спектакли «качаловской группы» открыли совершенно новый как для болгарских артистов, так и для публики режиссерский подход к русским авторам – А.Н. Островскому и особенно А.П. Чехову. Именно тогда, в 1920 г., и зародился в болгарских театральных кругах замысел – пригласить обаятельного москвича режиссером в Национальный театр Софии.

Национальной режиссуры в болгарском театре тогда практически еще не было. Актеры-постановщики, по свидетельству историка театра С. Стоянова, копировали не только репертуар лучших театров мира, но и «нашумевшие спектакли Малого театра, МХТ, Комеди Франсез, Бургтеатра, загребского и пражского Национальных театров [...] Вопрос о личном почерке в творчестве актера и режиссера еще не вставал в повестку дня [...]» [8. С. 9].

Болгарская, сербская и хорватская (вслед за гастролями в Софии состоялись выступления «качаловской группы» в нескольких городах королевской Югославии) критика писала о том, что спектакли группы артистов Художественного театра произвели настоящую революцию в среде местных театральных деятелей, в их представлениях о том, что такое современный театр.

Театровед Йосип Лешич, автор «Истории современной югославской режиссуры», называет имя Николая Осиповича Массалитинова среди тех, кто позитивно повлиял на развитие театра у него на родине. «Очевидно, – пишет он, – что Константин Сергеевич Станиславский, его система игры и все, что мы обозначаем понятием «Художественный театр», повлияли на развитие нашей современной режиссуры [...] Благодаря стечению обстоятельств, связанных с Октябрьской революцией [...] не только сам Станиславский в 1922 году побывал в Загребе, показав классический репертуар своих постановок, но и многочисленные его ученики и последователи, одни в составе театральных трупп, а другие лично (Массалитинов, Греч, Павлов, Ракитин), оказывали в течение двадцати лет непрерывное, интенсивное влияние на наш театр, и мы вправе называть их нашими русскими режиссерами» [9. С. 86]. Сказанное Лешичем о сербском театре, безусловно, относится к сценическому искусству всего балканского региона. Н.О. Массалитинов представляет один из примеров такого длительного, интенсивного воздействия.

Возвращаясь к европейскому турне «качаловской группы», напомним, что ее дальнейший путь пролегал через Вену, Прагу и Берлин.

Н.О. Массалитинов, как и прежде, с момента выезда труппы из Москвы, поддерживал основной репертуар как режиссер и играл в спектаклях.

Из работ Массалитинова в завершающей части его пребывания в «качаловской группе» наиболее интересна предпринятая во время пребывания в Праге попытка вернуться к роли короля Клавдия в шекспировском «Гамлете». Реконструировал спектакль МХТ находившийся в это время в Чехословакии московский режиссер Ричард Болеславский (в спектакле МХТ 1911 г. он играл Лаэрта).

Для Н.О. Массалитинова «Гамлет» стал последним спектаклем, который он, хотя и в гастрольном варианте, репетировал и играл с Качаловым, Книппер и Тарасовой, исполнявшей роль Офелии. В мае 1922 г., после выступлений в Берлине, они вернулись в Москву. А вторая Офелия – М. Крыжановская, П.А. Павлов – Полоний, П. Бакшеев – Дух отца Гамлета, Г. Хмара – Первый актер, П.Ф. Шаров – Горацио вместе с Николаем Осиповичем и М.Н. Германовой, а также В.М. Греч и несколькими другими актерами приняли решение остаться в Европе. Они составили ядро труппы, которую сначала стали называть «группой артистов МХТ» (по терминологии некоторых историков театра из Центральной Европы, «диссидентскую группу»), а потом, поскольку их взяли под свое покровительство власти Чехословакии, «Пражской группой артистов МХТ».

Некоторое время «отколовшиеся» от основной труппы Московского Художественного театра провели в Берлине. Массалитинов возобновил свою педагогическую деятельность, поскольку в труппу влились несколько молодых актеров, не знакомых или недостаточно знакомых с методами работы МХТ. Об этом сообщали в конце 1922 г. берлинский эмигрантский журнал «Театр» и подробная, вполне корректная по отношению к берлинской группе артистов МХТ корреспонденция советского журнала «Вестник работников искусств» под названием «Художественники за границей», где со ссылкой на парижскую газету «Последние новости», упоминалось об «отделившейся от ядра группе художественников, которая осталась в Берлине во главе с М.Н. Германовой и Массалитиновым [...] Найдена возможность организовать правильные занятия по культуре нового театра и его достижений [...] задача группы – отойти от старого репертуара и продолжать искания, сохраняя дух МХТ, не порывая его традиций и связи с ним» [10. С. 109].

В первом номере за 1923 г. берлинский журнал «Театр» сообщал: «Группа Московского Художественного театра репетирует «Село Степанчиково». Пьеса шла только в Москве. Ставит пьесу Н.О. Массалитинов [...] По приезде в Берлин состоятся несколько гастролей в Künstlertheater» [11. С. 12].

Следующий номер берлинского «Театра» опубликовал восторженную рецензию на спектакль «Село Степанчиково» в постановке Массалитинова, написанную А. Авдеевым. Журналист высоко оценил также режиссерскую работу Массалитинова и во втором гастрольном спектакле группы художественников, «Вишневом саде». «Большое, славное дело подняли Массалитинов и вся эта группа Московских Художников», – завершал свою статью А. Авдеев [12. С. 13].

Одобрительные рецензии сопровождали и гастрольные поездки «Московских Художников» в Чехословакию, Югославию и Болгарию.

Весной 1924 г. группа Массалитинова и Германовой, которая к тому времени стала считать своим постоянным прибежищем Чехословакию и получила

название «пражской», побывала в Югославии и Болгарии. Критики посвятили спектаклям «Дядя Ваня» и «Село Степанчиково» подробные разборы, в которых подчеркивался высокий уровень режиссуры [13].

Вести из Москвы были для Николая Осиповича неутешительными. Массалитинов «не вписывался» в тот репертуар, который предполагал играть Немирович-Данченко. И Николай Осипович принял предложение Министерства просвещения Болгарии, которому были подведомственны театры всей страны. С 1925 г. Массалитинов с женой и трехлетней дочерью Таней поселился в Софии.

Сразу же по приезде Николай Осипович приступил к режиссерской работе. С 1928 г. на него были возложены обязанности главного режиссера драматической труппы Национального театра.

В Софии было много талантливых актеров, прошедших либо практическую школу в родном театре, либо в разное время, без особой системы, имевших возможность поработать короткое время на тех или иных зарубежных сценах, в том числе и на русских. Но искусством создать единую концепцию спектакля и последовательно провести ее на практике местные актеры-режиссеры не владели. Необходима была долгая, систематическая работа по воспитанию нескольких новых поколений актеров, усилия по созданию национальной режиссерской школы.

Особенно трудной задачей стали попытки переломить премьерские замашки артистов старшего и среднего поколения, привыкших к успеху в характерных ролях национального репертуара, да и в мелодраматических аффектированных прочтениях зарубежной классики.

Европейски образованные болгарские интеллигенты, посмотревшие спектакли качаловской, а затем и «Пражской группы артистов МХТ» увидели, как пишет историк болгарского театра Н. Тихова, новое соотношение актера и режиссера – где актер немислим без режиссера, причем режиссура целиком опирается на актера. В годы после Первой мировой войны, как свидетельствует Тихова, «многое на сцене Национального театра обветшало, выглядело фальшиво: мизансцены, часто действительно не оправданные, метод игры, приднято театральный [...]» [14. С. 53].

Поэтому для Массалитинова важно было с самого начала сочетать составление нового репертуара и работу режиссера с трудом педагога. Массалитинов с уважением относился к культуре славянских стран. Свою деятельность в Софии он начал с изучения болгарского языка и литературы, в первую очередь, конечно, драматургии. Это прибавило ему и славы, и того безусловного авторитета, которым пользовался русский режиссер как в театральных и театрално-педагогических, так и в литературных кругах Болгарии.

Как свидетельствует дочь Массалитинова Татьяна, ныне известная болгарская актриса, ее мать, артистка Екатерина Филимоновна Краснопольская, «серьезно помогала отцу по Театральной школе и часто работала дома с актерами [...] Целью отца было создать труппу с единым стилем – стилем реалистического театра, в котором он сам был воспитан Станиславским» [15. С. 17].

Театральная школа, первое регулярное театральное учебное заведение страны, которой руководил Массалитинов, открылась в Софии первого сентября 1925 г. Николай Осипович привлек в качестве преподавателя своего русского коллегу, режиссера и критика П.М. Ярцева, который, приехав в Болгарию, работал в одном из провинциальных театров. Из русских там еще пре-

подавала, как уже упоминалось, Е.Ф. Краснопольская – ей были доверены занятия по танцам и пластике (будучи в Берлине, она окончила школу Рабенек, ученицы Айседоры Дункан). Кроме того, Краснопольская, хоть и не овладела болгарским языком, могла служить для желающих примером русской дикции и чтения стихов. Ее любимыми поэтами были Ахматова и Гумилев. В школе Массалитинова преподавали и видные болгарские актеры, такие, как Гено Киров и Сава Огнянов. Позже Николай Осипович привлек к преподаванию и лучших театральных художников. Среди первого набора слушателей были ведущие актеры софийского театра Крыстю Сарафов, Георги Стаматов.

В составлении программы Массалитинов руководствовался творческими критериями МХТ и своим опытом работы в московской «школе трех Николаев», не забывая и о том, что дали ему годы деятельности режиссера-педагога в гастрольных поездках 1919–1924 гг., занятия с молодежью «пражской группы».

Бывшие студенты Массалитинова вспоминают, что он не признавал разделения актеров по амплуа. Учитывая рутинные традиции болгарской сцены, он особенно боролся с проявлениями фальшивого пафоса. Массалитинов-педагог учил своих студентов искать верное физическое самочувствие.

Особенное внимание он уделял процессу общения с партнером, считая важнейшей задачей болгарского театра создание актерского ансамбля. Три года работы школы дали отличные результаты, и уровень театра значительно повысился. Некоторые из выпускников впоследствии стали ведущими актерами Национального театра.

В январе 1926 г. состоялся дебют Массалитинова-режиссера на сцене софийского Национального театра. Это была «Двенадцатая ночь, или Что угодно» Шекспира. На критику, признавшую спектакль дивной симфонией красок, звуков и линий, мастерски связанных в единое целое, результат работы режиссера с актерами произвел впечатление шока. Впервые на болгарской сцене было показано искусство ансамблевой игры. Высоко оценили рецензенты и работу художника спектакля И. Пенкова, которому помогала советами Е.Ф. Краснопольская.

Массалитинов продолжил свои опыты с шекспировскими пьесами, выпустив «Сон в летнюю ночь» (1927), «Генриха IV» (1930), «Гамлета» (1933), «Много шума из ничего» (1934).

Впервые на сцене софийского театра появились современные постановки Мольера, Корнеля, Гольдони, а также запомнившаяся Массалитинову по спектаклю московской Первой студии МХТ инсценировка романа Диккенса «Сверчок на печи», памятный по работе в «качаловской группе» «Потоп» Бергера, «Электра» Г. фон Гофманстала, несколько пьес Г. Ибсена, «Женщина, не стоящая внимания» О. Уайльда.

Естественно, большое внимание Массалитинов-режиссер уделял русскому репертуару. Совсем иначе в сравнении со сложившейся в Болгарии трактовкой русской классики звучали в его постановках Грибоедов, Гоголь, А.К. Толстой, Достоевский, А.Н. Островский, Чехов, Горький.

Первой русской пьесой, поставленной Массалитиновым в Софии, стал, в память о традициях МХТ, «Царь Федор Иоаннович» (1927). В ней блеснули новыми гранями своих талантов Крыстю Сарафов – царь Федор, Сава Огнянов – Борис Годунов и Елена Снежина в роли царицы Ирины. Спектакль, сыгранный в традициях Художественного театра, произвел впечатление тщательной психологической проработкой каждого образа. С этой постановкой связа-

на одна деталь, характеризующая принципы работы Николая Осиповича на болгарской сцене: он приступил к репетициям только после того, как получил стихотворный перевод драмы А.К. Толстого, выполненный мастером болгарского стиха Николаем Лилюевым. Первостепенное значение придавал Массалитинов качеству перевода и в других своих постановках.

Особый аромат принесли на болгарскую сцену пьесы Островского, которого здесь любили больше, чем других русских драматургов, но ставили с чрезмерным пристрастием к передаче бытовых деталей.

Массалитинов поставил в новой редакции «Бедность не порок» (1932), «Правда хорошо, а счастье лучше» (этот спектакль 1934 г. был особенно тепло принят зрителями), «На всякого мудреца довольно простоты» (1936). В последнем спектакле режиссер ставил своей задачей показать быт как совокупность жизни. Пьеса была сыграна в бенефис Петко Атанасова – актера, учившегося в Москве в школе-студии МХТ, продолжившего образование в Вене и Париже (юбиляр выступил в роли Мамаева). Критика отмечала искренность актерской игры, легкость и изящество исполнения.

«Бесприданница» с одаренной Петей Гергановой в роли Ларисы принесла в трактовку пьесы А.Н. Островского новые настроения, родственные чеховской драматургии. В этом спектакле 1938 г. Массалитинов подчеркнул важную для него тему осуждения эгоизма: Карандышев выглядел не жертвой, а мелким эгоистом, который не менее других виновен в гибели Ларисы.

Страстной жадой справедливости, призывом уважать внутреннюю свободу человека был проникнут спектакль сезона 1935/1936 гг. «Живой труп» с С. Огняновым в роли Феди Протасова. Гуманистические идеи доминировали и в постановках социально ориентированной драматургии М. Горького: «На дне» (1933), «Враги» (1944).

Характерное свидетельство о методах работы Массалитинова – режиссера и педагога оставил сербский театральный журнал. В начале 1935 г. Николай Осипович приступил к репетициям инсценировки романа Достоевского «Преступление и наказание» в Национальном театре Белграда. На роль Раскольникова он выбрал даровитого Радомира Плаовича. Как писал корреспондент белградского журнала, «[...] штудировав пьесу, Массалитинов проводил для актеров настоящие студийные уроки, объясняя на отдельных примерах все приемы реалистической игры» [16. С. 4].

Особенное внимание Массалитинов уделял постановкам болгарской драматургии. Начиная с 1927 г., каждый сезон Национального театра Софии, согласно традиции, принятой во многих европейских столицах, открывался пьесой отечественного автора.

Большой успех имела уже первая поставленная русским режиссером болгарская пьеса. Это была драма молодого автора Р. Стоянова «Мастера». Спектакль «Мастера» в постановке Массалитинова стал крупным событием национальной культуры. Благодаря его успеху первая пьеса писателя прочно вошла в репертуар всех театров Болгарии и получила известность за рубежом.

Когда однажды Массалитинова спросили, чем привлекает его болгарская драматургия, он ответил: близостью к жизни. Особенно это проявилось в постановках сатирических пьес. Комедийные спектакли всегда составляли гордость болгарской сцены. Массалитинов помог актерам отойти от примитивных решений, показал им богатство оттенков, таящееся в каждой комедии.

К веренице поставленных Массалитиновым в Софии сатирических спектаклей, изобличающих мелкобуржуазный балканский менталитет, потом присоединились две пьесы сербского комедиографа Б. Нушича: «Опечаленная родня» (сезон 1934/1935 гг.) и «Покойник» (сезон 1938/1939 гг.).

Одним из лучших спектаклей на основе болгарской драматургии стала поставленная Николаем Осиповичем в сезон 1928/1929 гг. драма Й. Йовкова «Албена» – драма из деревенской жизни, написанная в традициях веризма, с сильным фольклорно-мифологическим подтекстом, переосмысленным в духе христианской традиции.

В 1929 г. виднейшие драматурги Болгарии Р. Стоянов, Й. Йовков, Ст.Л. Костов опубликовали в газетах открытое письмо Н.О. Массалитинову с благодарностью за ту тонкость и профессиональное умение, с которыми режиссер сумел проникнуть в их творческие замыслы.

Из прочих постановок Массалитинова в период между Первой и Второй мировыми войнами выделяются спектакли по пьесам Г. Ибсена: «Фру Ингер из Эстрота» (сезон 1925/1926 гг.), «Маленький Эйольф» (сезон 1927/1928 гг.), «Враг народа» (сезон 1936/1937 гг.) и «Дикая утка» (сезон 1939/1940 гг.). В спектаклях по пьесам Ибсена Массалитинов утверждал право индивидуума на неприкосновенность своего внутреннего мира.

Гуманизм Ибсена, так же как и гуманизм Чехова, отнюдь не казался Массалитинову устаревшим. Режиссер утверждал свои идеалы и в театральной практике, и в полемике с задорными молодыми авангардистами, каких в Болгарии, как и во всей Европе, было немало в 1920–1930-е годы.

Массалитинову не раз приходилось напоминать об азах профессиональной режиссуры, которыми пренебрегали его оппоненты. Как правило, это были участники болгарского социалистического движения, связанные с самостоятельными рабочими сценами, поверхностно воспринявшие идеи Э. Пискатора и Б. Брехта и не склонные считаться с опытом Национального театра, который в свете социалистических идей представлялся им слишком «буржуазным».

В приложении к программке спектакля по пьесе Д. Спространова «Синий свет» в сезон 1940/1941 гг. он счел нужным опубликовать свои «Заметки о режиссуре. Общие замечания». Это была памятка о том, что и в каком порядке должен делать режиссер, приступая к работе над пьесой. Тон этих заметок, как всегда у Массалитинова, спокойный и убедительный. Однако легко себе представить, что переживавший опытный педагог, вынужденный после пятнадцати лет настойчивой работы в театре и в школе драматического искусства напоминать коллегам-режиссерам о том, что, прежде чем начинать работу с актерами, необходимо ознакомиться с эпохой, в которую происходит действие данной пьесы, разобрать ее «зерно», выяснить «сквозное действие», характеры действующих лиц и отношения между ними и т.д. [4. С. 227–230].

Годы Второй мировой войны стали для семьи Массалитиновых, как и для всех «перемещенных лиц», временем тяжелых испытаний. Болгария, как известно, воевала на стороне гитлеровской Германии. Положение беженцев из России в «странах оси» было крайне тяжелым.

В списке спектаклей, поставленных Николаем Осиповичем за период с 1941 по 1944 г., – несколько болгарских пьес, а также «Перед заходом солнца» Г. Гауптмана (он сам сыграл роль Маттиаса Клаузена), «Принц Гомбургский» Г. фон Клейста, «Волны моря и любви» Ф. Грильпарцера и «Эрнани» В. Гюго. Уже сам выбор репертуара говорит о том, что вопреки мрачной и крайне не-

стабильной ситуации в стране Массалитинов стремился утверждать традиционные для него, как для деятеля русской сцены, гуманистические идеалы.

В послевоенные годы Николаю Осиповичу, которому еще в 1931 г. специальным указом царя Бориса III было предоставлено болгарское подданство, пришлось принять гражданство Болгарской Народной республики. Несмотря на предпринятые усилия, ему не удалось вернуться на родину.

Массалитиновы остались в Болгарии. Может быть, сыграло свою роль то обстоятельство, что родная сестра Николая Осиповича, Варвара Осиповна Массалитинова, народная артистка СССР, игравшая в Государственном академическом Малом театре, в 1945 г. скончалась. Массалитиновы утратили сразу и самого близкого человека в Москве, и влиятельного ходатая по своим делам. В пятидесятые годы, как уже говорилось, советская пресса представляла Массалитинова как видного театрального деятеля Болгарии.

После переворота девятого сентября 1944 г., когда к власти в Болгарии пришли коммунисты, Массалитинов подвергался некоторым притеснениям. Главным режиссером Национального театра новая власть назначила Б. Дановского, участника предвоенного социалистического движения, режиссера рабочих театров. Его творческие установки резко отличались от тех принципов, которые исповедовал Николай Осипович: Дановский был сторонником «активной режиссуры», вторгающейся в текст пьесы, он предпочитал психологической разработке характеров плакатные, узнаваемые образы. В схожей манере работали и другие режиссеры, пришедшие в театр после войны, – М. Бениеш, К. Мирский, тяготевшие к гротескным сатирическим формам. Об одном из спектаклей подобного направления Массалитинов записал в дневнике: «все преувеличено, карикатурно – не смогу я этого понять, но публика, кажется, довольна» [4. С. 93].

Массалитинов стал одним из очередных режиссеров Национального театра, ибо театральное начальство, видимо, желая угодить новой власти, стало подчеркивать его принадлежность к русской эмиграции. Между тем, Массалитинов не только не был политическим эмигрантом, но и никогда не поддерживал связи с эмигрантскими политическими кругами.

Правда, спустя некоторое время притеснения прекратились. Николаю Осиповичу потом не раз предлагали вернуться на пост главного режиссера, но он категорически отказывался. Он увлеченно занимался педагогической работой в Высшем институте театрального искусства, созданном на основе его довоенной Театральной школы по образцу московского ГИТИСа.

Ради справедливости надо заметить, что Николай Осипович и его семья свободно общались и переписывались с приезжавшими на гастроли советскими артистами, среди которых было немало старых знакомых: О.Л. Книппер-Чехова, С.Г. Бирман, Ю.А. Завадский и многие другие. Николай Осипович и его дочь Татьяна Николаевна не раз бывали в Советском Союзе. Массалитинов побывал в Москве и других русских городах трижды: в 1948, 1951 и 1954 гг. Поездку 1951 г. в составе болгарской театральной делегации он описал в своеобразном дневнике – письмах к Е.Ф. Краснопольской. Эти письма впервые, с разрешения их дочери Татьяны Николаевны, в 1987 г. были опубликованы в переводе на болгарский язык [4. С. 288–301].

Театральные впечатления, полученные в Москве и Ленинграде, изложены Массалитиновым в многочисленных статьях и интервью для болгарской прессы.

Когда в Болгарию приезжали на гастроли МХАТ, Малый театр и другие советские театральные коллективы, Массалитинов встречал их как официально признанный мэтр, выдающийся деятель болгарского национального искусства.

В 1950 г. Массалитинову была присуждена высшая правительственная награда Болгарии – Премия имени Георгия Димитрова. До 1958 г. он оставался режиссером Национального театра. Но уже и после ухода из театра по возрасту профессор Массалитинов продолжал преподавать в Высшей школе театрального искусства.

Неизменную поддержку оказывал Николаю Осиповичу заведующий литературной частью театра известный поэт Н. Лилиев, человек высокой культуры, любимый интеллигенцией Софии. Плодами их сотрудничества стали постановки лучших произведений послевоенной болгарской драматургии: пьес «Царская милость» К. Зидарова, «Обещание» А. Гуляшки, «Перелом» С. Даскалова. В них играли выпускники предвоенной массалитиновской театральной школы.

Значительным событием стал поставленный в сезон 1948/1949 гг. спектакль Массалитинова по пьесе К. Зидарова «Царская милость». Трагедия обычной болгарской семьи разыгрывалась на фоне исторических событий – катастрофы, постигшей Болгарию в Первой мировой войне, когда царь Фердинанд и его правительство втянули страну в прогерманский блок. Немногословная, но четкая режиссерская экспликация Массалитинова интересна тщательной и последовательной проработкой психологических ходов. Позже пьеса была сыграна в Москве, на сцене МХАТ. Главную роль учительницы Ирины Радионовой исполнила А.К. Тарасова.

Продолжал Н.О. Массалитинов и работу над русской драматургией. В историю болгарского театра 1940–1950-х годов вошли две осуществленные им с небольшим перерывом постановки горьковской пьесы «Враги». Это были попытки режиссера ответить на духовные запросы новой эпохи, которую он искренне стремился понять.

Одним из последних спектаклей Николая Осиповича, запомнившихся современникам, стали «Три сестры» 1954 г. Режиссер стремился подчеркнуть контраст между пошлостью, обыденностью повседневного существования и стремлением к полноте жизни, к красоте и поэзии. Поэтическое начало чеховской пьесы олицетворяла Ирина, которую сыграла дочь режиссера. Как пишет Татьяна Николаевна в своих мемуарах, на генеральной репетиции «Трех сестер» присутствовал приехавший на гастроли с театром имени Моссовета Ю.А. Завадский, которому спектакль понравился: московский гость легко взбежал на сцену и со слезами на глазах обнял и расцеловал всех артистов. Фотография Татьяны Николаевны в роли Ирины помещена на обложке ее книги, которую она назвала «Так было предназначено» [15].

Трудно переоценить роль Н.О. Массалитинова в создании современного облика болгарской культуры. Само его присутствие в интеллектуальных кругах Софии, длившееся без малого сорок лет, облагораживало тех, кому приходилось с ним общаться. Массалитинов был из тех интеллигентов, сформировавшихся в начале XX в., кому была присуща высокая требовательность к себе и уважение к окружающим. Это проявлялось в отношении к ученикам и коллегам – артистам и режиссерам, писателям, чьи произведения он сделал достоянием болгарской сцены.

Не будет преувеличением сказать, что Массалитинов сформировал основной массив классического национального репертуара болгарских театров. Наверняка взгляд Массалитинова, взгляд изнутри театрального процесса, но в то же время и немного со стороны, с точки зрения человека, воспитанного на образцах русской классической культуры, открывает болгарам какие-то новые черты их собственной литературы. Немалый интерес для болгарского читателя представляют и опубликованные в Болгарии статьи, посвященные зарубежной драматургии и театру. Здесь преобладают русские имена: Пушкин, Гоголь, Чехов, Островский, Л.Н. Толстой, Горький, А.П. Ленский, Вахтангов, Немирович-Данченко, Качалов, Книппер-Чехова. Режиссерские экспликации Массалитинова, наряду с болгарской и русской драматургией, охватывают круг авторов от Еврипида до Ибсена, Гауптмана и Пиранделло.

Ценными представляются и очерки Массалитинова о болгарских артистах. Тот, кто с ними познакомится, уже сможет составить представление об особенностях болгарской сцены. Массалитинов был незаменимым воспитателем актеров, умным, деликатным, тонко чувствующим.

Последние публикации Массалитинова говорят о том, как глубоко волновали его вопросы профессионализма и культуры театрального дела. Это статьи «Забота о культуре сценической речи» (газета «Народна култура», 1956), «О художественном слове на сцене и на эстраде» (журнал «Театър», 1957). В статье «Мысли о театральном искусстве. Работа актера на сцене», опубликованной журналом «Театър» в мае 1959 г., Массалитинов резко возражает против попыток некоторых режиссеров уже после первого чтения пьесы намечать рисунок «физических действий» артиста, заставляя его при этом пересказывать текст «своими словами».

«В литературных произведениях великих писателей мы отличаем атмосферу Шекспира или Гете от атмосферы Шиллера, Пушкина, Лермонтова, Достоевского, Чехова и других писателей», – повторял еще и еще раз Массалитинов, напоминая, что из-за подобных «экспериментов» актеры уже во время спектаклей часто извращают подлинный текст автора» [4. С. 212–213].

И в своих лекциях, и в публикациях Массалитинов подчеркивал, что он всегда был и остается сторонником учения К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко. При этом и в силу жизненных обстоятельств, и по складу своей личности Николай Осипович имеет полное право считаться одним из самых верных и последовательных продолжателей школы Московского Художественного театра. Это приобрело особое значение в 1950–1960-е годы, когда во многих странах появились самозванные «интерпретаторы» «системы Станиславского».

В театральных кругах Болгарии и в наши дни немало людей, трепетно сохраняющих память о Николае Осиповиче Массалитинове. Уважение к русскому режиссеру и великому театральному педагогу проявилось в издании его мемуарного тома, куда включены и режиссерские экспликации четырнадцати спектаклей, и в тщательности, с которой хранятся в Государственном архиве Болгарии материалы и документы, связанные с деятельностью Массалитинова, – все это свидетельствует о стремлении осмыслить его вклад в историю национального сценического искусства Болгарии.

Н.О. Массалитинов внес несомненный вклад в развитие европейского театра. Мало изученное, больше известное за рубежом, чем на родине, творчество режиссеров и педагогов русского театрального зарубежья 1920–1960-х годов

представляет особый феномен, заслуживающий пристального внимания исследователей. Все они помнили и любили Россию, и тоска по родине придавала им духовные силы, порождала вдохновение, не позволяла погрузиться в рутину. Самоотверженная работа с иноязычной труппой заставляла русского режиссера мобилизовать все свои внутренние силы, все знания и опыт и в то же время пробуждала воображение.

Иностранцы, будучи наслышаны об искусстве Московского Художественного театра, жадно впитывали уроки русских маэстро. Когда в театре появлялся русский режиссер – профессионал, владевший ремеслом объединения всех элементов спектакля в единое художественное целое, в жизни европейской труппы 1920-х годов, будь то в Болгарии, Италии, Германии или Сербии, наступал качественно новый этап. Актеры открывали в себе новые возможности. Успех окрылял их и укреплял веру в русского маэстро, порой доходившую до обожания. Поэтому так тепло, а порой и восторженно, вспоминают в европейских театрах своих русских учителей.

Материалы, хранящиеся в зарубежных архивах, мемуары современников, эпистолярное наследие наших соотечественников – все это заслуживает самого пристального исследования. Большая работа еще предстоит и тем, кто займется изучением режиссерского и педагогического творчества Николая Осиповича Массалитинова.

Оставаясь духовно теснейшим образом связанным с традициями отечественного театра, Н.О. Массалитинов своим творчеством 1920–1960-х годов внес неповторимый вклад в европейское сценическое искусство в самом широком понимании этого термина.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Театральная энциклопедия. М., 1964. Т. 3.
2. *Державин К.* Болгарский театр. Очерк истории. М.; Л., 1950. С. 299–302; *Михеева А.Н.* Театр Народной республики Болгарии // История зарубежного театра. В 4-х ч. М., 1987. Ч. 4. Театр стран Европы и США новейшего времени (1945–1985). С. 42–43.
3. *Гочев Г.* Николай Осипович Масалитинов като режисор, педагог и артист // Септември 1948 № 4. С. 144–147; *Темелков А.* Н.О. Масалитинов и българският театър // Театър. 1955. № 3. С. 3–7; *Тихова Н.* Николай Осипович Масалитинов // Театър. 1955. № 3. С. 12–22.
4. *Масалитинов Н.О.* Спомени, статии, писма / Съст. Т. Масалитинова, Н. Тихова, Г. Саев, А. Дертлиева. Встъпителна студия Н. Тихова. София, 1987.
5. *Масалитинов Н.О.* Мои воспоминания // Вагапова Н.М. Русская театральная эмиграция в Центральной Европе и на Балканах. Очерки. СПб., 2007.
6. *Шверубович В.* О старом Художественном театре. М., 1990.
7. *Бачелис Т.* Шекспир и Крэг. М., 1983. С. 302–303; *Бачелис Т.* «Гамлет» Вильяма Шекспира. Московский Художественный театр, 1911 // Спектакли двадцатого века. М., 2004. С. 43–47.
8. Театр. М., 1969. № 6.
9. *Lešić J.* Istorija jugoslovenske moderne režije. 1861–1941. Novi Sad, 1968.
10. Вестник работников искусств. 1923. № 5–6, .
11. Театр. Берлин, 1923. № 1(16).
12. Театр. Берлин, 1923. № 2(17).
13. Hrvatski list. Osijek, 11 travnja 1924.
14. *Тихова Н.* Живот, отдаден на театъра // *Масалитинов Н.О.* Спомени, статии, писма. София, 1987.
15. *Масалитинова Т.* Така било писано. София, 1997.
16. Позоришни лист. Београд, 1935. № 11.

© 2009 г. Д. Ю. АНИСИМОВА

УПОТРЕБЛЕНИЕ СЛОВАЦКИХ НЕОПРЕДЕЛЕННЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В ЭКСПРЕССИВНО-ОЦЕНОЧНОЙ ФУНКЦИИ

В словакистике разряд неопределенных местоимений (далее НМ) понимается максимально широко: к ним относятся все слова с кванторным значением, так или иначе указывающие на неизвестность говорящему некоторой характеристики. НМ в словацком языке распределены по семи семантическим группам, которые по общему выражаемому значению можно условно обозначить как НМ неопределенности, НМ произвольности, НМ всеохватности, НМ минимального охвата, НМ неконкретизируемости, НМ негативной множественности и НМ меньшей множественности.

Предметом рассмотрения в данной статье будут служить вторичные, переносные употребления словацких НМ, а именно их употребление в экспрессивно-оценочной функции для выражения негативной оценки объекта говорящим. Мы проследим, какие компоненты в структуре значения НМ вызывают негативные коннотации, какого характера могут быть эти коннотации и в чем состоят различия между экспрессивным употреблением словацких НМ, относящихся к разным семантическим группам. Примеры употребления словацких НМ были взяты нами из сети Интернет.

Для унификации описания словацких НМ введем единую схему толкования их значения, которая будет состоять из трех обязательных и двух факультативных уровней. Информация, относящаяся к тому или иному уровню, находит свое выражение в определенном наборе семантических признаков. К обязательным уровням местоименного значения относятся экзистенциальный, референциальный и коммуникативный уровни, к факультативным – субъективно-количественный и экспрессивно-оценочный.

Экзистенциальному уровню соответствует передаваемая НМ информация о реальном существовании/несуществовании объекта в релевантном денотативном пространстве. Под денотативным пространством мы будем понимать любой фрагмент языковой действительности (см. [1. С. 15]). Подобное выделение семантических признаков представлено, например, в работе О.Н. Селиверстовой [2. С. 81–82], причем информации о существовании/несуществовании объекта соответствуют три семантических признака: «существует», «не существует», «отсутствует указание, что существует». Мы модифицируем эту

Анисимова Дарья Юрьевна – канд. филол. наук, младший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

систему признаков в связи с тем, что объект может существовать как реально, так и потенциально. Есть ситуации, когда в денотативном пространстве говорящего объект не существует, но говорящий представляет возможным его потенциальное существование, и это является для него актуальным. Таким образом, будем считать, что семантические признаки экзистенциального слоя могут выступать в вариантах «существует» («реально существует»), «не существует» и «может существовать» («потенциально существует»). Отсутствие информации о существовании будем считать результатом нейтрализации признаков «существует/может существовать».

Референциальный уровень местоименного значения содержит информацию о характере соотнесенности объекта с классом ему подобных. Данный уровень неоднороден, включает в себе несколько планов. Это, прежде всего, информация о фиксированности/нефиксированности объекта в актуальном денотативном пространстве. В литературе, кроме термина «фиксированность/нефиксированность» [3. С. 498], также используются термины «референтность/нереферентность» [4. С. 86] и «конкретность/неконкретность (абстрактность)» (см. [5. С. 166; 6. С. 388]). Эти термины не вполне синонимичны, поскольку под референтностью понимают контаминацию двух характеристик объекта – существования и единственности, в то время как фиксированность объекта в денотативном пространстве необязательно совпадает с его единственностью. В составе множества может быть фиксировано число объектов, больше одного. Противопоставление «конкретность/неконкретность» отражает соотношение «реальный объект/мысленный конструкт объекта», моделируемый по некоторым характеристикам, задаваемым говорящим, и поэтому конкретность/неконкретность объекта может быть выводима из реальности/потенциальности его существования. Другой план референциального уровня значения НМ включает в себя информацию о характере количественной фактической соотнесенности объекта с множеством. Соответствующий семантический признак, будем, вслед за О.Н. Селиверстовой [6. С. 440–441], называть признаком количественного участия. Следующий план референциального уровня значения НМ составляет информация о характере качественной соотнесенности объекта с множеством. Соответствующий признак мы, также вслед за О.Н. Селиверстовой, будем называть «признаком качественного участия». Если предыдущий признак показывал, какая часть объектов множества фактически будет охвачена некоторой характеристикой, то данный признак показывает, какая часть объектов множества потенциально способна быть охвачена данной характеристикой.

Коммуникативный уровень содержит информацию об известности/неизвестности объекта говорящему. Далеко не всегда информация, принадлежащая к этому слою, является коммуникативно самостоятельной, поскольку незнание говорящим объекта может быть следствием нефиксированности объекта в множестве и/или потенциального характера существования объекта. О нерелевантности противопоставления по известности/неизвестности (определенности/неопределенности) у нереферентных именных групп см., например, [4. С. 210; 7. С. 116]. Однако именно коммуникативный параметр значения НМ обуславливает невозможность или нерелевантность конкретизации объекта, названного НМ.

Субъективно-количественный уровень, являющийся факультативным, содержит информацию о субъективной оценке говорящим количества объектов

и о соотносительности фактического количества объектов с субъективными представлениями говорящего о норме количества. Информация данного рода появляется при обозначении нефиксированных объектов, и признаки соответствующего слоя выступают в вариантах «много», «мало» или «немного (мало или нейтрально)», «немало (много или нейтрально)» [8. С. 194].

Экспрессивно-оценочный уровень, также являющийся факультативным, содержит информацию об оценке говорящим объекта, обозначенного НМ. Оценка эта может быть как однозначно позитивной или негативной – как правило, чаще она бывает негативной (см. [9. С. 102]), так и не-позитивной или не-негативной.

Значение НМ содержит также *категориальный* уровень, включающий значение исходного вопросительного местоимения. Значения категориальных компонентов, как правило, элементарны, сравни, например, концепцию Н.Ю. Шведовой, которая называет категориальные компоненты «вершинными смыслами» [10. С. 7].

Объединив метаязыковые обозначения приведенных уровней, мы получаем следующую единую схему строения значения НМ:

Знаю: объект¹ [категориальный компонент] существует, может существовать, существует/может существовать; фиксирован, не фиксирован, фиксирован/не фиксирован; количественно равен X, при этом X больше или равно единице, меньше или равно целому множеству; (я считаю, что количественно это меньше Z, я считаю, что количественно это меньше или равняется Z, я считаю, что это равняется Z, я считаю, что это больше или равняется Z, я считаю, что это больше Z, где Z – это мои представления о норме количества); качественно равен целому множеству, качественно не равен целому множеству, качественно равен/не равен целому множеству; (я считаю, что это хорошо, я считаю, что это не плохо, я считаю, что это нормально, я считаю, что это не хорошо, я считаю, что это плохо). Не знаю, знаю, но не скажу, не могу знать, не важно.

Помимо этих, основных, признаков, в толковании значения НМ, принадлежащих к отдельным семантическим группам, также могут появляться дополнительные семантические признаки, не заложенные в базовом варианте схемы.

Отдельно отметим, что признаки экспрессивно-оценочного уровня являются коннотативно производными от признаков других уровней, при этом от разных признаков образуются различные коннотации, что, в свою очередь, влияет на различия в экспрессивном употреблении словацких НМ.

Далее проследим реализацию данной схемы в контексте экспрессивного употребления НМ на примере словацких НМ, относящихся к разным семантическим группам.

К НМ неопределенности относятся НМ с частицами *nie-*, *-si*, *da-* и *vol'a-*, например: *niečo* «что-то, что-нибудь», *kamsi* «куда-то», *dakto* «кто-то, кто-нибудь», *volajak ú* «какой-то, какой-нибудь». Для них характерна базовая структура значения, которую можно записать как:

Знаю: объект [категориальный компонент] существует или может существовать, фиксирован или не фиксирован (количественно равен одному

¹ Под словом «объект» мы подразумеваем как непосредственно объекты материальной действительности, так и свойства, временные, пространственные характеристики и т.п., т.е. все, что заложено в семантике категориальных компонентов НМ в словацком языке.

или больше одного, но меньше, чем все множество, качественно равен целому). Не знаю/еще не могу знать/не важно.

Приведем типичные примеры:

Raz som kdesi na internete čítal, že u mládeže postupne klesá záujem o vedu a techniku (Однажды я где-то в Интернете читал, что у молодежи постепенно падает интерес к науке и технике). Толкование НМ можно записать в виде: «Знаю: существует фиксированное место. Не знаю (не помню) конкретные координаты места». *Ak si dakto myslí dačo iné, je to jeho vec. Muzika, ktorú produkuje, nás veľmi baví* (Если кто-то думает иначе, это его проблемы. Музыка, которую мы делаем, доставляет нам большое удовольствие). Толкование НМ можно записать как: «Знаю: существует или может существовать фиксированный или не фиксированный субъект, качественно этим субъектом могут являться все члены общего объема потенциальных вариантов, количественно это будет либо один субъект, либо больше одного субъекта, но меньше общего объема. Не знаю (не важно): конкретное наименование субъекта (субъектов)».

При экспрессивном употреблении основная функция НМ неопределенности состоит в усилении уже выраженной эмоциональности. Отношение к объекту может быть выражено лексически, с помощью соответственно экспрессивно окрашенных существительных, характеризующихся НМ, например:

Ja obyčajne nepripravím pre nikoho žiadn vianočné dary. Nevieť si dary vymyslieť. Ešte tak Gabke ďaku babiku, ale to je zas protivne kupovať (Я обычно ни для кого рождественские подарки не готовлю. Не могу я эти подарки придумывать. Еще Габке, может быть, подарю какую-нибудь куклу, хотя ее и покупать-то противно). НМ усиливает уже выраженную эмоциональность (то, что куклу покупать противно, уже написано). Посредством НМ говорящий акцентирует внимание слушающего на негативно охарактеризованном объекте.

Лексическая выраженность отношения к объекту в существительном совершенно необязательна. Эмоциональное (как правило, негативное) отношение может быть имплицировано в тексте целиком и зависит от того содержания, которое говорящий вкладывает в объект, характеризующийся с помощью НМ, например:

Ak v reči daktorý Francúz prehodí, vraj «Bratislava je vlastne maďarská Pozsony» alebo «Veď títo Slováci ani jazyk svoj vlastný nemajú, a čo už o kultúre...» tak už neviem, čo s tým cudzincom urobím (Но если в разговоре какой-нибудь француз походя бросит: «Братислава, в сущности, это всего лишь венгерский город Позжонь» или «У этих словаков и языка-то собственного нет, что уж говорить о культуре...», так я не знаю, что с этим иностранцем сделаю). Под «французом» подразумевают иностранца вообще. К иностранцам у говорящего негативное отношение (потому, что они не считают словаков за народ). Само НМ негативной окраски не несет (если бы тот же самый француз относился к словакам иначе, также могло бы быть употреблено это же НМ). Но с другой стороны, если бы НМ вообще не было, высказывание было бы более конкретным. НМ не выражает возмущения говорящего, но подчеркивает его.

К НМ произвольности относятся местоимения с частицами *hoci-*, *bárs-*, *-kol'vek*. Общую структуру значения НМ данной семантической группы можно записать как:

Знаю: объект [категориальный компонент] может существовать (мог существовать), не фиксирован (количественно больше или равен одному, качественно равен целому), элементы множества потенциальных вариантов:

качественно отдельные, качественно неоднородны, но для реализации возможности качественно равны; реализация конкретных вариантов и знание реализуемого варианта не регламентированы. Не знаю (не важно).

Например: *Tatíčko bol proste unikát. Najviac si považoval, keď som mu úprimne povedala, že je otec – kamarát. Odvetil: «Otcom môže byť bárskto ale kamarátom nie»* (Папуля был просто уникальный человек. Лучшей похвалой для него было, когда я ему искренне сказала, что отец – это друг. Он ответил: «Отцом может быть кто угодно, а другом нет»). Предполагается, что количество лиц, способных быть отцом, гораздо шире, чем количество лиц, способных быть другом, причем среди лиц, способных быть отцом, существуют более положительные (способны быть другом) и менее положительные (не способны быть другом), и нельзя задать четкое правило отбора лиц, которые способны быть отцом.

НМ произвольности употребляются экспрессивно, если говорящий стремится изобразить предмет как заурядный, не стоящий внимания или как сомнительный, не заслуживающий доверия. Причем характеризуемый объект и та группа, к которой его относит говорящий, сравнивается с говорящим и той группой, к которой он себя относит. Естественно, сравнение всегда идет в пользу говорящего. Возникает оппозиция «я (объекты, которые я оцениваю как позитивные) – произвольный (нерегламентированный) объект с данными свойствами, при этом я не такой, как те объекты, которым я себя противопоставляю». Фактически суть оппозиции сводится к утверждению «я (объекты, которые я считаю позитивными) лучше всех». Смысловой признак нерегламентированности (неконтролируемости) объекта в значении НМ метафорически переосмысливается и воспринимается как показатель отстраненности говорящего от объекта и, далее, как показатель «отчужденной» неизвестности как несхожести, нехарактерности и даже неприятности для говорящего. Смысловой признак качественного участия (который несет информацию о том, что из множества потенциально могут быть реализованы все его члены) может переосмысливаться как показатель заурядности объекта. Как следствие НМ произвольности, употребляясь экспрессивно, маркируют отрицательное отношение говорящего к объекту. Подчеркнем, речь здесь идет не об эмоциональном употреблении НМ, а именно об экспрессивном, поскольку в экспрессивных употреблениях говорящий необязательно находится в эмоциональном психическом состоянии (хотя такое тоже возможно), он просто характеризует объект как негативный².

Основное отличие в экспрессивном употреблении НМ произвольности от НМ неопределенности состоит в том, что последние всегда употребляются эмоционально и сами по себе смыслового признака негативного отношения говорящего к объекту в значении не заключают, а лишь подчеркивают и усиливают уже выраженную эмоциональность. НМ произвольности, напротив, могут заключать этот признак в своем значении, хотя он у них является не постоянным и не самостоятельным, а контекстуально обусловленным, например: *Čo ak ma dá prosto stáť a odkaz bude ignorovať? Ja nie som hocikto!* (Что, если он просто заставит меня стоять и будет игнорировать сообщение? Я (ему) не какой-нибудь там!). Этот контекст точнее всего передает употребление данных НМ для выражения эмоциональности. Говорящий противопоставляет

² О различии между экспрессивностью, эмоциональностью и оценочностью см. [11. С. 66]).

себя всем остальным, подразумевая, что он лучше. *Dostali sme darček, ale nie celkom obyčajný a hocijaký. Sú to zariadenia pre vybavenie laboratória na Katedre Molekulárnych procesov* (Мы получили подарок, но не **какой-то там** совсем обычный. Это устройства для оборудования лаборатории на кафедре молекулярных процессов). В данном контексте *obyčajný* и *hocijaký* – синонимы. Говорящий противопоставляет полученный подарок остальным, охарактеризованным НМ.

В оценочной функции также могут употребляться НМ негативной множественности, к которым относятся НМ с частицами *kade-*, *kde-*, *leda-*, например: *kadečo* «кое-что, что попало», *kdejako* «кое-как, как попало», *ledačo* «кое-что, что попало». Для данных НМ характерна следующая базовая структура значения:

Знаю: объект [категориальный компонент] существует или может существовать, не фиксирован (количественно больше одного, но меньше целого, качественно равен целому). При этом: я считаю количество элементов множества большим, я не отношусь к элементам множества позитивно. Знаю, но не скажу (не важно/важно, но говорить не хочу).

Например: *Nie, nie som moralistka... ja som si už kadečo preskákala, ani nič a nikoho neodsudzujem* (Нет, я не моралистка... я уже **кое-что** пережила, но ничего и никого не осуждаю). Толкование НМ можно записать в виде: «Знаю: существует нефиксированный объект, количественно больше одного, меньше общего возможного объема. Я считаю, что это много. Я считаю, что это плохо. Знаю, но не скажу: конкретные характеристики объекта». *Bol som všade po celom Slovensku a kadekde mimo SR, ale nikde nič sa nevyrovná Or. Veselému* (Я был **езде** по всей Словакии и много где за границей, но ничто не сравнится с Оравске Веселе (название деревни в Северной Словакии. – Д.А.)). Толкование НМ можно записать в виде: «Знаю: существует нефиксированное место, количественно больше одного, меньше общего возможного объема. Я считаю, что это много. Я не считаю, что это хорошо. Знаю, но не скажу: конкретные координаты места».

В значении НМ негативной множественности экспрессивный компонент присутствует постоянно, в то время как у остальных словацких НМ экспрессивное употребление является одним из возможных. Здесь мы рассмотрим те реализации значения НМ негативной множественности, в которых экспрессивный компонент выходит на передний план. Существует несколько разновидностей эмоционально-оценочного употребления НМ негативной множественности.

Объект, обозначенный или вводимый НМ негативной множественности, может в контексте сравниваться с говорящим и той группой, к которой говорящий себя относит. В этом случае НМ негативной множественности употребляются в значении «плохо (посредственно)» или «плохо (сомнительно)» и обозначают объект, которому говорящий не доверяет и вследствие этого относится к объекту негативно. В данном случае НМ негативной множественности синонимичны НМ произвольности в их лексикализованно-оценочном варианте. Точно так же, как и НМ произвольности, НМ негативной множественности могут употребляться либо в атрибутивной позиции, либо в предикативной с отрицанием. В первом случае они употребляются в значении «плохо (сомнительно)», во втором – в значении «плохо (посредственно)».

Смысловый признак множественности в значении НМ негативной множественности не исчезает, но частично переосмысливается говорящим и выступает как дополнительный показатель оценки объекта как посредственного, сомнительного. Отметим, что при оценочном употреблении НМ произвольности основанием для негативной оценки объекта контекстуально служат в первую очередь нерациональность и нерегламентированность его реализации из множества (случайность объекта). У НМ негативной множественности основанием для негативной характеристики объекта являются, в первую очередь, множественность объектов и недоверие говорящего ко всему этому множеству (а не к отдельным его составляющим) и только во вторую – нерегламентированность реализаций конкретных объектов из множества. В связи с этим о полной синонимии НМ произвольности и НМ негативной множественности даже при эмоционально-оценочном употреблении для конкретно-качественной характеристики говорить нельзя. Кроме того, НМ произвольности чаще используются для характеристики объекта как посредственного, в то время как НМ негативной множественности чаще используются для характеристики объекта как сомнительного, например:

Katka, mne práveže v tejto veci (iné civilizácie) nie je nič JASNÉ. A preto odmietam kadejaké «archeoastronautické teórie» (Катка, мне именно в этом вопросе (другие цивилизации) ничего не ЯСНО. И поэтому я отрицаю **всякие** «археонавтические теории»). Говорящий не верит в справедливость теорий, считает их сомнительными, и ввиду этого оценивает их отрицательно. *Riaditel' na porade pracovníkov obchodného oddelenia: a tých čo prichádzajú do priameho kontaktu so zákazníkmi, chcem upozorniť, že sloвне spojenie «kadejaké somáriny» nie je práve najvhodnejším spôsobom na popis nášho sortimentu* (Директор на совещании работников торгового отдела: «Я хочу обратить внимание тех, кто вступает в прямой контакт с заказчиками, что словосочетание “**всякие** глупости” – не лучшее наименование нашего ассортимента»). Директор магазина не хочет, чтобы работники характеризовали ассортимент как сомнительный, нефункциональный и потому негативный. Так же, как и в предыдущем примере, НМ негативной множественности коррелирует по значению с НМ произвольности, в большей степени подчеркивая множественность объектов (само понятие «ассортимент» уже предполагает множественность).

Существует и другая возможность оценочного употребления НМ негативной множественности, характерная преимущественно для употребления НМ-наречий. В контексте ситуация, в которой участвует объект, имплицитно сравнивается с другой, лучшей и желательной ситуацией, которая либо имела место в прошлом, либо имеет место и в настоящем, но к актуальной ситуации это не относится. В данном случае НМ употребляются в значении «плохо (бывает лучше/могло быть и лучше)». По сравнению с лексемой *zle* «плохо» НМ выражают большую степень интенсивности проявления негативного характера объекта и равнодушное, эмоциональное отношение к этому говорящего:

No a potom to začalo. Plnil sa nám žalúdok alkáčom. Potom sme sa dali do reči so záchrankármí a tí nás opili jak štence. Ale v celku sme prvý deň dopadli v poho. Len škoda, že neviem po madarsky, bo komunikácia nič moc. Enem po anglicky, ale aj to len kadejako (Ну и потом началось. Наш желудок наполнялся алкоголем. Потом мы пообщались с «зелеными», и они нас напоили в дым. Но в целом первый день прошел в порядке. Только жалко, что я не знаю венгерского, поэтому коммуникация не ахти. Я говорю только по-английски и то **плохо** (кое-

как)). Подразумевается, что другие люди в компании, в которой находится говорящий, по-английски говорят лучше, чем он, и что он из-за уровня своего английского языка испытывает большие трудности, т.е. более высокий уровень владения английским языком был бы ему желателен. *Prečo som sa vydala za Spodniaka? Zomlelo sa to veľmi rýchlo, poznávať sme sa začali vlastne až po svadbe. No čo, ľudia žijú kadejako a predsa žijú* (Почему я вышла замуж за южанина? Это произошло очень быстро, на самом деле мы стали узнавать друг друга только после свадьбы. Ну и что, люди живут плохо и все-таки живут). Говорящий подразумевает, что люди, которые живут плохо, не против жить лучше, чем они живут сейчас, но альтернативы у них нет. То есть в данном контексте высказывание можно перифразировать так: люди живут в разных и многих условиях, которые нельзя назвать хорошими, но, несмотря на это, продолжают жить. При этом говорящий относится к сообщаемому подчеркнуто эмоционально, поскольку подобной жизнью охвачен и он сам.

НМ негативной множественности также могут употребляться в эмоционально-оценочной функции, если негативность объекта выступает только как следствие множественной совокупности тех объектов, к которым принадлежит и данный. Негативная (не-позитивная) оценка возникает вследствие убежденности субъекта восприятия в невозможности реализации действия в пределах всей, субъективно множественной, совокупности объектов, а не в пределах отдельных немногочисленных индивидуумов. То есть негативные коннотации обуславливает признак качественного участия в структуре значения НМ. В данном случае НМ негативной множественности также соотносимы с НМ произвольности, однако уже в их не-оценочном употреблении. В отличие от НМ произвольности, НМ негативной множественности употребляются тогда, когда для говорящего более существенно подчеркнуть не регламентированность конкретной реализации (реализаций) из множества, а множественность и вытекающую из нее неприемлемость объекта для говорящего.

Dnes vydáva Best of či Greatest Hits kdekto. V posledných rokoch sa však množstvo výberoviek s názvom Best of či Greatest hits natol'ko zvýšil, že v hudobnom PRIEMYSE sa vynorila otázka, na čo sú výberové albumy vlastne (Сейчас альбомы с названием Best of или Greatest Hits записывает **каждый (кто попало)**). В последние годы объем сборников с названием Best of или Greatest Hits настолько возрос, что в музыкальной индустрии встал вопрос, зачем, собственно, нужны такие сборники). Говорящий убежден, что указанное действие может и должно быть реализовано в меньшем объеме, и негативно расценивает большой объем его нынешней реализации (поскольку альбом с избранными хитами может выпускать только признанный певец, а в реальности такие альбомы выпускают как признанные, так и непризнанные певцы). В данном контексте может быть употреблено и НМ произвольности (*Dnes vydáva Best of či Greatest Hits hocikto*), однако тогда высказывание может быть расценено как простая констатация факта. *Keď som sa pred rokmi vrátil z pobytu v Portugalsku bol som plný dojmov a povedal som si, že o tom vol' ačo napíšem. Napísal som vtedy asi dve strany v priebehu dvoch hodín. A súbor som zahesloval. Aby mi to kdekto nečítal, kým nebudem chcieť, aby mi to kdekto čítal* (Когда я несколько лет назад вернулся из поездки в Португалию, я был полон впечатлений, и я сказал себе, что об этом что-нибудь напишу. Я написал тогда около двух страниц за два часа. И вход к этому рассказу в Интернете сделал доступным только через пароль. Чтобы это не чи-

тал **каждый** (кто попало), если я не буду хотеть, чтобы **каждый** это читал). Говорящий не хочет, чтобы действие было реализовано в пределах всей совокупности лиц, которые заходят или в принципе могут зайти на его страницу, поскольку доверяет только ограниченному кругу лиц.

Существует и другая разновидность эмоционально-оценочного употребления НМ негативной множественности, которая отсутствует у НМ произвольности и НМ неопределенности.

В отличие от НМ произвольности, при употреблении в эмоционально-оценочной функции НМ негативной множественности также могут употребляться для обозначения «негативно связанного» объекта, т.е. объекта, негативный характер которого не является следствием негативной оценки говорящим непосредственно самого объекта, а проявляется вследствие ситуативных и внеситуативных факторов, с которыми связан объект. Основными такими факторами является участие объекта в ситуации, которую субъект восприятия оценивает как негативную, или связанность объекта с другим объектом, который субъект восприятия оценивает негативно. Таким образом, НМ негативной множественности обозначают объект, который ситуативно проявляет себя как негативный. В данном случае, в отличие от предыдущих примеров, объект фигурирует не как сомнительный или подозрительный, а просто как негативный. В значении НМ, таким образом, постоянно присутствует оценочный компонент «плохо».

Коммуникативный признак в значении НМ в данном случае занимает подчиненную позицию и выступает как показатель того, что объект, в принципе, может быть конкретизирован говорящим, но его подробная конкретизация коммуникативно несущественна. Отметим, что семантический компонент негативной оценки объекта является, в том числе, и результатом коннотаций коммуникативного признака в его варианте «знаю, но не скажу»: если говорящий сознательно не хочет конкретизировать объект, то, возможно, объект таков, что его лучше не конкретизировать.

Подчеркнем, что в данном случае речь идет именно о позиции субъекта восприятия как субъекта негативной оценки. При этом субъект восприятия может не совпадать с говорящим. Употребление НМ негативной множественности ориентировано, прежде всего, на позицию субъекта восприятия. Говорящий, если он не совпадает с субъектом восприятия, может относиться к сообщаемому и нейтрально.

Na www.sabinov.sk už bol pokus o obyčajný messageboard, ale keď nabehli ľudia a začali kritizovať cigánov v meste, tak hneď to radšej dali preč. A nedajbože, aby tam bolo fórum, to už by sa kydalo na kadečo (На www.sabinov.sk уже была попытка обычного обмена мнениями, но когда подключились люди и стали критиковать цыган в городе, так это сразу же поспешили прикрыть, и не дай бог, чтоб там был форум, на котором уже говорили бы **все, что угодно**). НМ употреблено в значении «много плохого». Говорящий отождествляет возможное поведение участников предполагаемого Интернет-форума с поведением участников другого Интернет-форума, которое он наблюдал и которое расценивает как негативное. Он не берется утверждать, что его потенциальные участники будут критиковать именно цыган, но считает, что ситуация будет сходная. *No, záver jeho kariéry na Slovensku som videl na vlastné oči, aj keď som bol ešte zasran. Bohužiaľ, už mal kadejaké problémy a nehrával pravidelne* (Ну, закат его карьеры в Словакии я видел собственными глазами, когда я был еще сопляком. Увы, у

него уже были **всякие** проблемы, и играл он нерегулярно). Релевантно, что проблем было много и что говорящий негативно относится к ситуации их возникновения. Были они разнообразного характера или нет, для него менее важно.

Если НМ негативной множественности и НМ произвольности употребляются в пределах одного высказывания, НМ негативной множественности всегда обозначают объект, который в данной ситуации проявляет себя негативно. Напротив, НМ произвольности обозначают объект, который себя в данной ситуации негативно не проявляет или негативный характер которого обусловлен негативным характером объекта, обозначенного НМ негативной множественности:

Súdruženko, ja neviem v akej spoločnosti to žijete. V tomto cirkevno-polícajnom štáte je to celé o obľbovaní ľ ľudí. Politická zmena nastala po 89. roku a odvtedy bolo nasľ ubované už kdečo a pre kohokoľvek. Zdvihli sa ceny cestovného, vrah bude lepšie a kvalitnejšie. No a aké je? Kvalita nestojí za nič a spojov je menej. Každý rezort si tu zdvíha ceny ako sám chce! (Товарищ, я не знаю, в каком обществе вы живете. В этом церковно-полицейском государстве все основано на оболванивании людей. Политические изменения наступили после 1989 года, и с тех пор было уже обещано **много чего** и **кому угодно**. Повысились цены на транспорт, мол, будет лучше и качественнее. Ну и как на самом деле? Качество никуда не годится, а возможностей меньше. Каждое ведомство повышает цены, как ему захочется!) НМ негативной множественности, в отличие от НМ произвольности, выражают более значительное, по мнению говорящего, количество объектов. Кроме того, первые, в отличие от вторых, обозначают негативно оцениваемый объект, поскольку плохими были политики, дававшие обещания, и обещания, которые они давали (последние обозначены НМ негативной множественности). Люди же, верившие обещаниям, плохими, по мнению говорящего, не были.

Значение НМ неконкретизируемости, к которым относятся НМ с частицами *ktovie-*, *bohvie-*, *certvie-*, *neviem-*, реализуется как:

Знаю: объект [категориальный компонент] существует или может существовать, фиксирован (количественно равен одному или больше одного, но меньше целого, качественно равен целому). Не знаю и не могу знать: {ядро значения}.

Например: *Kúpila som si značkové plavky, na ktorých sa mi za 3 mesiace rozleptali gumičky, a tak som ich išla vyreklamovať, ale zistila som, že obchod je odst' ahovaný neviemkam* (Я купила себе фирменный купальник, на котором у меня за три месяца раскисли резинки, и тогда я решила его обменять, но увидела, что магазин переехал **неизвестно куда**). Говорящая заинтересована в возможной конкретизации местонахождения магазина, поскольку без этого у нее отсутствует шанс вернуть затраты за испорченный купальник. Контекстуально противопоставляется известность говорящему прежних координат магазина и неизвестность его координат на момент речи.

Часто коммуникативный признак может переосмыслиться говорящим и фигурировать в виде «не могу сказать (нет слов)», это характерно для употребления НМ неконкретизируемости в значении интенсивной меры. Например:

Ja som lekár a moja žena je pedagóg. Jej robotu by som nerobil ani keby mi za ňu dali neviemčo (Я врач, а моя жена педагог. На ее работу я бы не согласился, да-

же если бы мне за нее платили **не знаю сколько**). НМ неконкретизируемости представляют объект как предельно интенсивный, такой, для адекватной номинации которого у говорящего даже нет слов.

НМ неконкретизируемости также могут употребляться в экспрессивно-оценочной функции. Такое употребление происходит при наличии в высказывании отрицания и является полулексикализированным, поскольку в части своих употреблений при отсутствии отрицания НМ неконкретизируемости выражают негативно оцениваемую субъективно предельную интенсивность. При наличии же отрицания отрицается не интенсивность проявления объектом одной из своих характеристик, а большая (но не максимальная) или нормальная степень проявления характеристики объекта, и, таким образом, утверждается небольшая и недостаточная степень проявления характеристики объекта. Следуя той же логике, можно было бы ожидать, что отрицаться будет и негативное отношение говорящего к объекту, но этого не происходит. Напротив, говорящий отрицает позитивный характер объекта, сохраняя, впрочем, свое эмоционально не-нейтральное к нему отношение.

Отметим также различие, которое существует при экспрессивном употреблении НМ неконкретизируемости и НМ произвольности с отрицанием. Употребляя НМ произвольности, говорящий отрицает посредственность или заурядность объекта. При наличии же НМ неконкретизируемости в аналогичном контексте отрицается не-посредственность и не-заурядность объекта. Одним из основных условий употребления НМ неконкретизируемости продолжает оставаться ситуативное сравнение двух планов: реального и желательного. При этом реальный план оценивается как негативный, однако с отрицанием НМ неконкретизируемости обозначает объект, относящийся к желательному плану.

Z toho, čo teraz dostávam, sa nedá bohvieako vyžiť. Manžel zatiaľ nerobí, treba zaplatiť byt, stravu pre malého, oblečenie. Keď budeme dostávať o tisíc korún viac, bude to trochu lepšie (На то, что я сейчас получаю, нельзя **особенно** выжить. Муж пока не работает, надо платить за квартиру, питание для ребенка, одежду. Если мы будем получать на тысячу крон больше, будет немного лучше). На деньги, которые получает говорящий, нельзя жить хорошо или даже нормально, хотя говорящий заинтересован именно в этом. *Tak teda dôjdem k lekárovi, vybalím si deku, termosku s čajikom, koláče a vankúš. Uvelebím sa na studenej gumenej podlahe a dobre si pochrapkám. Spánok to nie je ktovieaký, veď sa o svoj meter štvorcový musím deliť so štyrmi pacientmi. No ale, čo už? Keď chcem ísť k lekárovi, tak si to musím zaslúžiť. Lekár predsa nie je len tak hocikto! Je to vážny, študovaný človek, ktorý nemá čas na nejakých obyčajných pacientov – simulantov* (Итак, я приду к врачу, вытащу одеяло, термос с чайком, пироги и подушку. Расположусь на холодном резиновом полу и хорошенько всхрапну. Сон не **бог весть какой**, ведь своим квадратным метром я должен делиться с четырьмя пациентами! Ну, и что теперь? Если я хочу идти к врачу, я должен это заслужить. Ведь врач – это не **кто-то там!** Это уважаемый, образованный человек, у которого нет времени на каких-то обычных пациентов – симулянтов). Пример наглядно иллюстрирует различие между НМ неконкретизируемости и НМ произвольности при экспрессивном употреблении с отрицанием. При помощи НМ *ktovieaký* говорящий отрицает не-посредственность объекта, т.е. фактически утверждает его посредственность. Напротив, в случае употребления НМ *hocikto* он отрицает посредственность другого объекта.

Значение НМ меньшей множественности, к которым относятся НМ с частицами *ponie-*, *roda-*, можно истолковать как:

Знаю: объект [категориальный компонент] существует, не фиксирован (количественно больше нуля, больше или равен одному, но меньше, чем все множество, качественно равен целому). При этом: я не считаю количество элементов множества большим, я не отношусь к элементам множества позитивно. Количество элементов множества меньше, чем количество элементов другого множества. Знаю, но не скажу (не важно/важно, но говорить не хочу).

НМ меньшей множественности при оценочном употреблении коррелируют по значению с НМ негативной множественности, выражая негативную или как минимум не-позитивную оценку объекта говорящим. Основанием для негативной оценки объекта у НМ меньшей множественности служит участие объекта в общей негативно оцениваемой ситуации. Точно так же негативный оценочный признак в структуре значения НМ меньшей множественности возникает за счет коннотаций коммуникативного признака в его варианте «знаю, но не скажу».

Однако при употреблении НМ меньшей множественности говорящий подчеркивает сравнительную немногочисленность негативных объектов, т.е. коммуникативно релевантно, что негативно оцениваются не все объекты своего класса, а только те, которые в реальности дополнительно проявляют себя негативным образом. Однако более коммуникативно релевантным является сам факт существования подобных объектов. В значении НМ негативной множественности экзистенциальный признак не является доминирующим. Например:

*Rád sa hrám s det' mi, vymýšl' am si. Deti si strašne rady vymýšl' ajú. Nevieť akým právom hovoríme **poniektorí** det' om ako má vyzerat' namal' ovaný kvietok. Ja im vždy poviem: «Namal' uješ taký kvietok, aký chceš»* (Я люблю играть с детьми, фантазирую. Дети страшно любят фантазировать. Я не знаю, по какому праву **некоторые** из нас говорят детям, как должен выглядеть нарисованный цветок. Я им всегда говорю: «Ты нарисуй такой цветок, какой хочешь»). Говорящий исходит из собственного опыта и из опыта общения с другими родителями. Хотя ему знакомы конкретные имена, в данном контексте их подробная конкретизация коммуникативно несущественна и неуместна (поскольку НМ обозначает в том числе и знакомых говорящего). НМ меньшей множественности может быть заменено НМ негативной множественности, поскольку обозначает негативно или не-позитивно оцениваемый объект, однако между ними будут различия в реализации экзистенциального признака и признака субъективного количества, так как НМ негативной множественности будут обозначать большое количество объектов. Кроме того, при НМ минимальной множественности глагол употреблен в форме 1 лица. НМ негативной множественности требует формы 3 лица глагола, таким образом больше «отчуждая» объект от говорящего: *Nevieť akým právom **kadektorí** hovoria det' om ako má vyzerat' namal' ovaný kvietok* (Не знаю, по какому праву **всякие** говорят детям, как должен выглядеть нарисованный цветок).

В целом НМ меньшей множественности более эвфемистичны, чем НМ негативной множественности, поскольку при их употреблении говорящий подчеркивает, что речь не идет обо всех объектах данного класса. Возможно по-

этому НМ меньшей множественности выражают негативную оценку объекта несколько реже, чем НМ негативной множественности.

Ak by ste dostali ZLIB_ERR_OK, ak sa niečo niekde ponejako... s tým neviem čo robiť. Na to si pozri este iné informácie. (Если у Вас выскочит ZLIB_ERR_OK, если что-то где-то **как-то**... с этим я не знаю что делать. Посмотри об этом еще другую информацию). Случай относительно большей лексикализованности НМ, поскольку под НМ *ponejako* «как-то» фактически подразумевается «плохо». В данном отрывке речь идет о том, что делать, если программа плохо работает (ERR обозначает ошибку в работе компьютера). В данном случае употребление НМ коррелирует с аналогичным употреблением НМ *kadejako* в значении «плохо, кое-как». Однако при употреблении НМ *kadejako* описываемая ситуация сравнивается с желательной ситуацией, в то время как при употреблении НМ *ponejako* ситуация сравнивается с более типичной. Обычно компьютеры работают нормально и не зависают, поэтому говорящий не знает, что делать в том случае, если программа работает плохо.

Таким образом, при экспрессивно-оценочном употреблении словацкие НМ, как правило, обозначают подозрительный объект, заурядный объект или объект, который в данной ситуации проявляет себя неблагоприятным образом. При этом негативные коннотации связаны с невозможностью контролировать объект (с независимостью характеристик объекта от воли говорящего), большой множественностью объектов, а также с необходимостью замалчивать часть информации об объекте. Среди словацких НМ выстраивается определенная оценочная градация (в порядке возрастания негативной оценки): НМ неопределенности – НМ меньшей множественности – НМ неконкретизируемости – НМ произвольности – НМ негативной множественности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хервилья Э.Ф.К. Сопоставительное изучение категории определенности-неопределенности в русском и испанском языках. М., 2001.
2. Селиверстова О. Н. Опыт семантического анализа слов типа «все» и типа «кто-нибудь» // Вопросы языкознания. 1964. № 4.
3. Джусты Ф. Нерепферентные показатели имени нарицательного // Новое в зарубежной лингвистике. 1985. № 13.
4. Падучева Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью. М., 2004.
5. Кобозева И. М. Опыт прагматического анализа -то и -нибудь местоимений // Известия АН СССР. Сер. лит. и языка. 1981. Т. 40. № 2.
6. Селиверстова О. Н. Местоимения в языке и речи // Селиверстова О.Н. Труды по семантике. М., 2004.
7. Vuzássyová K. Kategória určenia v maďarčine a slovenčine // Z konfrontácie maďarčiny a slovenčiny. Bratislava, 1974.
8. Бульгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
9. Вольф Е. М. Оценочное значение и соотношение признаков «хорошо/плохо» // Вопросы языкознания. 1986. № 5.
10. Шведова Н. Ю. Местоимение и смысл. М., 1998.
11. Широкова А. Г. Методы, принципы и условия сопоставительного изучения грамматического строя генетически родственных славянских языков // Сопоставительные исследования грамматики и лексики западнославянских языков / Под ред. А.Г. Широковой. М., 1998.

© 2009 г. Т. Н. МОЛОШНАЯ

ТРАНСПОЗИЦИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ ФОРМ ИМПЕРАТИВА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ И ДРУГИХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Морфологическим категориям свойственны грамматические, или категориальные, значения. Такие значения характеризуются обязательностью и имеют единую целостную систему формальных средств выражения. Например, грамматическое значение категории глагольного наклонения в русском языке складывается из категориальных значений и соответственно категориальных форм индикатива (изъявительного наклонения), императива (повелительного наклонения) и сослагательного наклонения. Это ядро категориальной семантики окружено периферийной сферой значений, в которой морфологические категории имеют также некатегориальные, или несобственные значения. Морфологические категории берут на себя дополнительную семантическую нагрузку, выполняя функции либо свойственные другой грамматической категории, либо не имеющие в данном языке опоры на специальную систему грамматических форм. Сравни значения отнесенности действия к изъявительному или сослагательному наклонению в формах повелительного наклонения: *Тут я и закричи на нее* (значение прошедшего действия изъявительного наклонения); *Скажи он хоть слово, она бы вернулась* (значение сослагательного наклонения в условной конструкции).

Подобные несобственные функции морфологических категорий обнаруживают связь с категориальной семантикой, являясь как бы ее дополнительным результатом, представляя семантические элементы, не входящие в знаковое содержание формы, но вытекающие из него.

В связи с явлением функционирования грамматических форм одной грамматической категории в роли грамматических форм другой грамматической категории в лингвистике возникло понятие транспозиции категорий. Легче всего транспозиции поддаются категории, члены которых содержательно так или иначе связаны с говорящим, средоточием которых является как бы он сам, его оценка реальности или нереальности действия, момент его речи. Это категории времени, наклонения и лица. Наиболее распространены транспозиции форм настоящего времени для обозначения действия в прошлом (*praesens historicum*) и действий в будущем (*Praesens propheticum*). Богатые возможности

Молошная Татьяна Николаевна – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

для транспозиции представляет также категория наклонения, в частности императив.

Известно, что императив и сослагательное наклонение выражают нереальность действия, в отличие от изъявительного наклонения, которое не содержит эксплицитных указаний на его реальность или нереальность. При этом собственным грамматико-семантическим дифференциальным признаком императива является непосредственное волеизъявление говорящего с целью побудить слушателя или собеседника к определенному действию, которое предполагает наличие двух лиц, участвующих в речевом акте. Этими лицами можно признать только 1-е и 2-е, 3-е лицо исключается из семантики императивной формы (см. [1. С. 63–67; 2. С. 15–16]). Во всех тех случаях, когда форма императива употребляется вне ситуации обращения, где происходит устранение собеседника или обоих участников диалога, т.е. когда формы 2-го л. императива употреблены в значении 1-го и 3-го л. ед. или мн. ч., происходит транспозиция императива в индикатив или в сослагательное наклонение.

1. Транспозиция императива в индикатив

В повествовательном контексте формы 2-го л. ед. ч. императива, употребленные в значении 1-го или 3-го л. ед. или мн. ч., могут выражать негативно оцениваемое долженствование. Тогда императив трактуется чужое повеление с точки зрения лица, к которому императив адресован (см. [3; 4; 5. С. 169; 6] и др.); обсуждаемые формы выражают действие, навязываемое действующему лицу против его воли, предписанное ему как обязательное, действие непосильное и вызывающее у него чувство сожаления, неудовольствия, негодования, протеста и жалобы: *Я и подай, я и уберу; Вы гуляете, а я работай; Скоро наши в наступление пойдут, а я сохни тут; Все ушли, а я сиди дома; Поедет по магазинам, наберет товаров, не спрашивая цены, а потом я по счетам и расплачивайся; Я терпи, а мироед да барин как сыр в масле катаются; Вам хорошо, а я сына в университете содержи; Все в поле, а мы на печи лежи; Кто напутал, а мы распутывай* и т. под.

То же значение неудовольствия и протеста может заключаться в императивных формах с местоимением *ты*, когда это местоимение обозначает неопределенное лицо: *Девушка платок уронила – ты поднимай, она входит – ты вставай и давай ей свой стул, уходит – ты провожай; Братва отдыхает, а ты трудись*.

Формы императива могут относиться и к 3-му л., также получая оттенок значения нежелательной обязательности действия: *Послал его учиться, он и учись; Он учитель, он и объясни; А женщина, что бедная наседка: сиди себе да выводил цыплят; Сын помогай семье, а ему помочь никто не хочет; Мать на огороде надорвись, а ему и дела нет; Вот они грешат, а начальство за них отвечай*.

Значение отрицательной обязательности передается также конструкцией со служебным глаголом *быть* в форме императива: *Ему и работа будь легкая и зарплата большая; У нас будь тишина, а вам можно шуметь?*

В отрицательных высказываниях императивная форма совершенного вида сопровождается модальным значением неправомерного запрета на возможность осуществления действия: *Всех распугал – никто не подойди; У нас и пикнуть никто не смей о жалованье; Я и слова ему не скажи*.

Иногда допустима замена формы совершенного вида формой несовершенного вида: *Я и слова ему не говори.*

Обычно предложение, содержащее транспонированную императивную форму, объединяется с другим предложением на основе противительной связи, при этом часто используется союз *а* – ср. приведенные выше примеры типа *Кто-то напутал, а мы распутывай.* Нередко также употребляется усиительная частица *и*: *Послали его учиться, он и учись.*

Перечисленные случаи употребления форм императива по своему значению примыкают к индикативу, но отличаются от него яркой модальной окраской. Благодаря императиву говорящий добивается большей экспрессивности сообщения, выражает свое субъективное, в частности оценочное, отношение к действию. Это обстоятельство побудило В.В. Виноградова говорить о появлении нового типа глагольного наклонения, которое он назвал волонтактивным или волевым [7. С. 472–473]. Надо сказать, что В.В. Виноградов не был никем поддержан. Так, Н.Ю. Шведова писала об особом долженствовательном наклонении [6. С. 117]. И.П. Мучник определил эти формы не как самостоятельное наклонение, а как переходного типа модальную разновидность наклонения, своим значением относящуюся к области индикатива, а формой – к области императива [5. С. 175]. Представляется, что наиболее целесообразно видеть здесь такую транспозицию императива в индикатив, при которой форма императива выражает значение специфического долженствования, вызывающего неудовольствие и протест лица, которое является адресатом повеления.

Императивная глагольная форма 2-го л. ед. ч. может выражать прошедшее время мгновенного действия. Это еще одна разновидность транспозиции императива в индикатив, отличительными характеристиками которой служат совершенный вид глагола и интонация неожиданности. В лингвистической литературе такая форма получила название драматического императива.

Драматический императив означает действие стремительное, мгновенное, представляющееся внезапным и немотивированным актом воли действующего лица. А.А. Потехин считал, что «этот эффект вытекает из предположения, что за повелением немедленно следует исполнение» [8. С. 194]. При драматическом императиве речь идет о любом произвольном навязываемом исполнителю действию (*Вы гуляете, а я работай*) или о совершенном им произвольном действии (...*баба его в ту ночь и роти двойню*).

По отношению к подлежащему формы драматического императива выступают постпозитивно или препозитивно.

Постпозитивное употребление: *Я и позабудь об этом; Тут я и закричи на нее; ...я и позабудь, где Дуня-то его живет; Он и побеги; Раз он ему и скажи; Его просили молчать, а он и разболтай обо всем; Я с ним шучу, а он ударь меня по голове; ...а они и побеги; Я бежать, а они вцепись друг другу в волосы.*

Препозитивное употребление: *Только и полюбись она мне; Только и попадись он нечаянно в лапы медведю; В эту-то Дуняшу и влюбись Аким; И приснись мне в ту ночь моя покойная матушка; Намедни вот на жилетку подарили, а меня угоразди нелегкая ее щами залить.*

В вопросительных предложениях эта форма транспонированного императива возможна с местоименным подлежащим 2-го л.: *А ты и скажи ему об этом?* (в значении «А ты и сказал ему об этом?»); *А вы и поверь ему?* (в значении «А вы и поверили ему?»).

Такие предложения произносятся с интонацией возмущения.

Драматический императив возможен также от безличных глаголов, которые не имеют императивных форм в категориальном, нетранспонированном употреблении: *Случись однако же, что гребень затерялся; Только было цветы распустились, как вдруг возьми да приморозь.*

Значение неожиданности, немотивированности действия особенно ярко выражается в случае стереотипных конструкций с усилительными частицами *возьми да (и)*: *Я возьми и прочитай эти письма; Собака возьми и укуси меня; Я пришел к нему записаться на курс, а он вдруг возьми да пригласи меня к себе на вечер; Он возьми да и вернись; Ему бы в сторону броситься, а он возьми да и прямо побеги; Свечи возьми да и погасни.*

Как видно из приведенных примеров, транспонированный императив не изменяется по числам: форма единственного числа употребляется при существительном и местоимении как единственного, так и множественного числа.

Итак, в формировании модальности драматического императива принимают участие усилительные частицы *и, да, да и, возьми да (и)*, присоединяющиеся к императивным формам. Это чаще всего наблюдается в ситуациях того или иного противопоставления. Но императивные формы могут выражать подобное значение и без частиц (ср.: *Но скворушка услышь, что хвалят соловья...; Случись тогда ненастье и проч.*).

Изучением драматического императива занимался целый ряд известных русистов (А.А. Шахматов, А.И. Стендер-Петерсен, А.А. Потехня, Л.А. Булаховский, С. Карцевский, В.В. Виноградов, А.В. Исаченко, Г. Кржижкова и др.). Известно, что между ними возник спор о его происхождении. А.А. Шахматов, А.И. Стендер-Петерсен и В.В. Виноградов [7. С. 436] видели в этих формах остатки старого аориста, после исчезновения которого обсуждаемые императивные формы получили значение прошедшего времени и полностью порвали с императивным наклоном. А.В. Исаченко же показал, что аорист был в древнерусском языке стилистически и модально совершенно нейтральной формой, в то время как драматический императив в современном русском языке имеет сильную экспрессивную окраску; он является стилистическим приемом, типичным для разговорной речи и просторечия. На этом основании А.В. Исаченко рассматривал драматический императив в качестве особого случая транспозиции императива, а не особой формы прошедшего времени [9. С. 498–502]. Против гипотезы о происхождении драматического императива из аориста свидетельствует также тот факт, что в современных сербохорватском и болгарском языках драматический императив существует параллельно с аористом. Вообще же следует признать правоту тех исследователей, которые считают, что вопрос о том, из чего образовалась обсуждаемая форма – из аориста или из императива, безразличен для понимания ее функций в современном русском языке.

В связи с особыми модальными функциями императива интересно рассмотреть использование в русском языке побудительной конструкции «частица *давай* + инфинитив». А.В. Исаченко назвал ее аналитической формой императива совместного действия, образованной от глагола несовершенного вида [9. С. 503]. Если употребить данную конструкцию в призывном предложении, она будет соответствовать императивной форме 2-го л. мн. ч. типа *побежим!* Глагольные сочетания с частицей *давай* могут употребляться в индикативном контексте, тогда они лишаются императивной модальности, и их применимость вы-

ходит за рамки 2-го и 1-го лиц, характерных для повелительного наклонения: *Он встретил меня и давай ругать*; *Он встал и давай шагать по комнате*; *Сел и за стол и давай пить чай*.

А.В. Исаченко предложил рассматривать данную конструкцию как драматический императив аналитического строения. Сама по себе обсуждаемая конструкция типа *давай бежать*, подобно простым формам драматического императива типа *А он и убеги из дома*, не передает никаких временных значений. Временное значение она приобретает только в контексте, причем таким контекстом может быть и план прошедшего времени, и план неактуального настоящего, ср.: *Встретил меня и давай ругать* и *Встречает меня и давай ругать*. Самое существенное здесь состоит в том, что рассматриваемая конструкция сохраняет отчетливое экспрессивное значение внезапного, неожиданного, интенсивного действия. Так же, как простая форма транспонированного императива, данная конструкция употребляется для придания сообщению особого колорита.

Надо заметить, что все грамматисты подчеркивают значительную экспрессивность (некоторые авторы говорят даже об эмфатичности) модальных значений транспонированных форм императива и глагольных сочетаний с частицами *возьми да (и)* и *давай*, поэтому они и были названы «драматическим императивом». Благодаря им достигается большая наглядность и живость рассказа, изображение большей быстроты, иногда мгновенности действия.

Что касается употребительности драматического императива, то она весьма мала. Эти формы ограничены стилистически: встречаются преимущественно в экспрессивной разговорной речи и в просторечии.

Неожиданное действие в прошлом выражается также глагольными междометиями *прыг, скок, плюх, марш* и многими другими, обозначающими движение, например: *Он опоясался саблей и марш искать дракона*. Глагольные междометия с подобным значением особенно характерны для западнославянских языков.

2. Транспозиция императива в сослагательное наклонение.

Императив способен входить в условные конструкции, передавая значение нереального условия. Это возможно потому, что в его семантику уже включено, наряду с побудительностью, значение нереальности действия, характеризующее все косвенные наклонения (см. [1. С. 63]).

Транспонированный императив в данном случае, как всякая транспонированная категория, всегда имеет функции, так или иначе вытекающие из ее основной функции, являющиеся ее следствием и побочным результатом. При этом формы императива, употребляемые в некатегориальном значении сослагательного наклонения, обладают экспрессивностью и, так сказать, образительностью. Сравни: *Пойди я вчера в кино, все было бы иначе* и *Если бы я пошел вчера в кино, все было бы иначе*; *Будь я на его месте, я бы этого не допустил* и *Если бы я был на его месте, я бы этого не допустил*.

С помощью сослагательного наклонения нельзя достичь того эмоционального эффекта, который достигается при употреблении форм императива.

В условных конструкциях форма императива выражает либо ирреально-гипотетическое, либо потенциальное условие. Если императив соотносится в другой части сложного предложения с формой сослагательного наклонения, то передается ирреально-гипотетическое значение: *Шепотку волосков лиса*

не пожалей, остался б хвост у ней; Каждый из них усы бы себе сбрил, моргни я ему глазом; Скажи он хоть одно словечко, она бы вернулась; Живи тут ее родня, то и отношение к ней было бы другое; Знай я, что с ним произойдет, я бы лучше откусил себе язык.

Возможна также императивная форма от служебного глагола *быть*: *Будь в этом году больше дождей, урожай был бы лучше; Будь ночь темна, беглецов бы не поймали; Будь друзья рядом, они бы помогли; Не будь ее, ничего бы не вышло.*

Если императив соотносится с формой будущего (или иногда настоящего, еще реже прошедшего) времени индикатива, то выражается потенциально-условное значение: *А начни я говорить, вы застыдитесь и убежите; Поддай я вам милостыню, и вы отомстите мне за нее потом еще пуце; Ударь теперь мороз – озими все пропадут; Кажется, уйди Никита, не стану на свете жить; Расскажи всю правду, никто тебе не поверит; Доверь непутевому человеку после одной жизни вторую, все равно не научится жить; Посади свинью за стол – она и ноги на стол.*

В последнем примере вторая часть сложного предложения не содержит глагола, но ясно ощущается, что ситуация должна быть отнесена к плану будущего: *Посади свинью за стол – она и ноги положит на стол.*

Только что упоминалось, что императив может соотноситься не исключительно с глаголом в будущем времени, но и с глаголом в прошедшем и настоящем времени: *Было очевидно, что отдай одну подводу, не было (прош. вр.) причины не отдать другой; Даже самый плохонький цветок, наклонись к нему, хорошо пахнет (наст. вр.); Измените колорит, и картина испорчена.*

Во всех этих случаях императивные формы не только не содержат волеизъявления, но, наоборот, представляют собой составную часть конструкции, в которой отчетливо соотнесены обуславливающий и обусловленный факты. Вместе с тем, как указывают некоторые исследователи, несмотря на значительные отличия, обсуждаемые императивные формы сохраняют в языковом сознании какую-то общность с обычными категориальными формами императива. Эта общность определяется тем, что между формами с собственно императивным значением и формами с условным значением имеется некоторое количество промежуточных случаев: *Измените колорит, и картина испорчена; Приди ко мне вечером, застанешь меня дома.* Здесь в формах *измените* и *приди* можно ощутить некоторую долю повелительного значения; одновременно здесь явно присутствует оттенок обуславливающего значения. В.В. Виноградов считал, что в таком случае проявляется «этимологическая направленность» языкового сознания.

Форма императива выражает подобные модальные значения обусловленности, близкие к значениям сослагательного наклонения, чаще всего в случаях, когда она сочетается с личными местоимениями или с существительными в именительном падеже. Но возможно и безличное употребление той же формы глагола в той же функции: *И не случись у меня этой аварии с коровой, все равно подался бы из Урюпинска; А покажись молодому, будто молодая до него гуляла, он ее и поколотил бы.*

У формы императива может также наблюдаться некатегориальное уступительное значение. Чаще всего это значение поддерживается союзом *хоть*: *Да отсюда, хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь; Хоть*

весь свет суди меня, я вот что думаю; Наше дело прокукарекать, а там хоть не рассветай.

Уступительные предложения с императивом в придаточной части нередко включают в свой состав сочетания как *ни...*, *куда ни...*, *сколько ни...* и проч.: *Как ты ни вертись, я тебя одолею; Про жизнь пустынную как сладко ни пиши, в одиночестве способен жить не каждый; Сколько я ни думай, я ничего не могу сделать; Куда ни положи ноги, все неудобно.*

Транспонированный императив в сочетании с частицей *хоть* нередко встречается в устойчивых лексикализованных оборотах: *Темно хоть глаз выколи; Хоть убей не знаю; Грибов там – хоть на воз грузи; Денег у него хоть отбавляй* и проч.

В уступительных предложениях происходит, пожалуй, наиболее сильный сдвиг в модальном значении императивной формы. Здесь почти полностью утрачена «ситуация призыва», сохраняется лишь общее грамматическое значение императива, характерное для всех косвенных наклонений, – выраженная нереальность действия.

Относительно транспозиции императива в других восточнославянских языках (украинском и белорусском) можно сказать почти то же самое.

Для языков западнославянской группы драматический императив не характерен. В польском в грамматических описаниях он практически не отмечен. В современном словацком драматический императив вышел из употребления. Он встречается только в виде отдельных лексем, которые функционируют в качестве не глагольных форм, а глагольных междометий и используются для обозначения быстрого движения или внезапного спонтанного действия (см. [10. S. 546–551]). Это междометия *pod'* и *hybaj*. Например: *Zl' akal sa a pod' ho bezat* (Испугался и бросился бежать). Считается, что немногочисленные глагольные лексемы в императивном значении появились в современном словацком языке под влиянием русского (см. [9. С. 497–498]). Сказанное о транспозиции императива в словацком языке почти полностью относится к чешскому. Те же глагольные междометия выражают аналогично драматическому императиву быстрое и / или интенсивное действие: *hop do vody* (прыг в воду); *pod' s nim do pekla* (шашь с ним в пекло). Императив в чешском языке может транспонироваться только в сослагательное наклонение (в условно-уступительных конструкциях). Значения русского драматического императива в чешском передаются другими грамматическими и лексическими средствами, в частности императиву может соответствовать инфинитив. Чешский инфинитив в таком значении также выражает высокую степень эмоциональной оценки действия говорящим (см. [11]).

Из языков южнославянской группы транспонированный императив распространен более всего в сербохорватском и болгарском языках.

В сербохорватской грамматике драматический императив, который традиционно называют историческим или повествовательным, в формальном отношении совпадает с русским. Это 2-е л. ед. ч. повелительного наклонения, связанное с существительными и местоимениями 1-го и 3-го л. ед. и мн. ч. Характерная особенность сербохорватского транспонированного императива состоит в том, что он аспектуально не ограничен – образуется от глаголов и совершенного (чаще), и несовершенного (реже) видов. В отличие от восточнославянских языков, в сербохорватском транспонированный императив редко передает быстроту и мгновенность действия. Это значение возможно только в

отдельных глаголах, относящихся к лексической группе глаголов движения, типа «поскакать», «броситься» и т.п.

Иногда сербохорватский повествовательный императив передает некоторую энергичность, интенсивность действия. Но в отличие от русского драматического императива, сербохорватский императив (совершенного и несовершенного вида) модально слабо экспрессивен. Он употребляется параллельно с настоящим историческим (также совершенного и несовершенного вида) и широко распространен в разговорной речи и художественной литературе. Это позволило Г. Кржижковой говорить об омонимии, а не о транспозиции императива в сербохорватском языке [12. С. 21].

В болгарском языке транспозиция императива мало исследована. Но все же известно, что подобно наблюдаемому во всех других славянских языках, в болгарском транспонированный императив – это форма 2-го л. ед. ч., которая сочетается с существительным и местоимением 1-го и 3-го л. ед. и мн. ч. Она может быть образована от глаголов как совершенного, так и несовершенного вида – напомним, что такова же ситуация в сербохорватском языке, в то время как в русском возможен только совершенный вид драматического императива. Исследователи отмечают, что употребление транспонированного императива имеет особую эмоциональную силу, делает языковую коммуникацию более непосредственной и спонтанной. Транспонированный императив передает действие быстрое или интенсивное, например: *Той вземе дърво, па удри* (Он взял палку и как ударь, т.е. ударил) [13. С. 385–395; 14. С. 609–615]. Поскольку в болгарском транспонированный императив является экспрессивной формой, в этом отношении он ближе к русскому транспонированному императиву, чем к сербохорватскому.

Как известно, в болгарском языке наряду с простыми формами императива 2-го л. ед. и мн. ч. существуют составные формы с частицей *да*. Они также могут подвергаться транспозиции, приобретая значение прошедшего времени. Если глагол относится к несовершенному виду, то передается или многократно повторяющееся действие, например: *Аз да му правя попара всеки ден и млин да му точка, а той да ми стои като пукал насреца* (Я ему готовь тюрю каждый день и пеки ему баницу, а он встречает меня с презрением), *Аз да те храня тебе – викаше Р. като луд, – ядеш като ламя, а само спиш* (Я тебя корми, – кричал Р., как безумный, – а ты ешь как ненасытное животное и только спишь).

В этих предложениях с *да*-императивом также выражается значение возмущения, несогласия с навязываемым субъекту действием.

Если глагол относится к совершенному виду, то императивная форма обозначает однократное действие, например: *...даскалът от С. ...да вземе да застреля дъщерята на Сарандовица* (...учитель из С. возьми и застрели дочь Сарандовицы). Сравни русский драматический императив: *Собака возьми и укуси меня*.

Для славянских языков не характерно транспонирование отрицательных форм императива. Но иногда такие формы все же встречаются. Так, в болгарском языке возможны случаи употребления глаголов совершенного вида в отрицательной императивной форме, имеющих значение не повеления или запрета, а убежденности в необходимости осуществления действия, обозначенного императивом с отрицанием: *Иди че не го наругай след всичко, което стана!* (Обязательно нужно его отругать!); *Иди че не го познай!* (Как это не

узнать его!, т.е. Ты его непременно узнаешь!); *Като го видиш как се мъчи, иди че не му помогни!* (Когда видишь, как он мучается, попробуй не помочь ему! = Ты ему поможешь) [15. С. 521–527].

В болгарском языке, хотя и достаточно редко, возможен составной транспонированный императив с частицей *да* в отрицательном варианте от глаголов обоих видов. Эти формы чрезвычайно экспрессивны, например: *Пък да ми не доложи своевременно нашият разсилен, гарга му с гарга!* (Надо же, чтобы наш рассыльный мне вовремя не доложил!..); *На шейсет и седем години съм вече, леля, и досега да се не меся в такива неща!* (Мне уже шестьдесят семь лет, и я до сих пор не вмешивался ни во что подобное!).

Форма отрицательного императива с частицей *да* может выражать удивление, что действие, которое должно было совершиться еще в прошлом, до сих пор не совершилось: *И с тази глава да не станеш досега министър!* (И с такой головой ты до сих пор не стал министром!) [16. С. 53–69].

Повествовательный *да*-императив стилистически маркирован как разговорное явление и по причине своей сильной экспрессивности используется не столько в повествовательных, сколько в восклицательных высказываниях.

Вообще же болгарский повествовательный императив – форма достаточно редкая. Она встречается в основном в говорах и в произведениях фольклора, в литературном (книжном) языке отмечены лишь отдельные случаи ее употребления.

Итак, в отношении рассматриваемой транспозиции императива все славянские языки можно разделить на две группы – восточнославянские (русский, украинский и белорусский) и сербохорватский. Указанные группы различаются и модальными значениями, и некоторыми другими особенностями обозначения действия, и употреблением. Болгарский язык занимает промежуточное положение между русским и сербохорватским: его простой повествовательный императив имеет много общих черт с сербохорватским (например, участие в транспозиции как совершенного, так и несовершенного глагольных видов), а повествовательный *да*-императив – с русским драматическим императивом (очень большая экспрессивность выражаемого значения). В западнославянских языках транспонированный императив так редок, что в данном обзоре допустимо им пренебречь.

Однако в принципе транспозиция форм наклонения свойственна всем привлеченным к рассмотрению славянским языкам, другое дело, что ее объем в разных языках разный. Так, наиболее широкая транспозиция императива характерна для русского языка. Во всех славянских языках транспонированный императив (повествовательный и драматический) относится к области разговорной речи, в литературном письменном языке он наблюдается почти исключительно в произведениях фольклора и художественной литературы – в тех случаях, когда воспроизводится разговорная речь, но отдельные примеры отмечены даже и в научном стиле.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Этюды по типологии грамматических категорий в славянских и балканских языках. М., 1995.
2. *Молошная Т.Н.* Грамматические категории глагола в современных славянских литературных языках. М., 2001.
3. *Karcevski S.* Système du verbe russe. Prague, 1927.

4. Шмелев Д.Н. Внеимперативное употребление форм повелительного наклонения в современном русском языке // Русский язык в школе. 1961. № 5.
5. Мучник И.П. Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. М., 1971.
6. Шведова Н.Ю. О должноствительном наклонении // Синтаксис и норма. М., 1974.
7. Виноградов В.В. Русский язык. М., 1972.
8. Потемня А.А. Из записок по русской грамматике. М.; Л., 1941. Т. 4.
9. Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Братислава, 1960. Ч. II.
10. Morfóológia slovenského jazyka. Bratislava, 1966.
11. Широкова А.Г. Проблематика транспозиций форм наклонений в славянских языках // Сопоставительное изучение грамматики и лексики русского языка с чешским языком и другими славянскими языками. М., 1983.
12. Křížková H. Первичные и вторичные функции и так называемая транспозиция форм // Travaux linguistiques de Prague, 2. Prague, 1966.
13. Ницолова Р. Към въпроса за транспозицията на императива в български и в другите славянски езици // Помагало по българска морфология. Глагол. София, 1976.
14. Попов К. Българският повествователен императив // Известия на Института за български език. София, 1968. Т. 16.
15. Иванова К. Остатъци от употреба на глаголи от свършен вид в отрицателна императивна форма // Български език. 1963. Кн. 6.
16. Попова В., Ницолова Р. Към въпроса за транспозициите на императива в славянските езици // Славянска филология. София, 1978. Т. 15.

© 2009 г. В. А. РОСОВ

ПИСАТЕЛЬ Г.Д. ГРЕБЕНЩИКОВ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ

Сибирский прозаик Георгий Дмитриевич Гребенщиков (1882–1964), как и большинство русских писателей, после Октябрьской революции оказался в эмиграции. Произошло это в то время, когда начался исход из Крыма, за месяц до окончательного разгрома Добровольческой армии. Поток беженцев, предчувствуя всеобщую катастрофу, устремился в Константинополь.

Итак, 17 сентября 1920 г. Георгий Гребенщиков прибыл из Ялты в Севастополь и уже на следующий день вечером отплыл на пароходе «Константин» в направлении Босфора. Накануне отъезда весь день Гребенщиков провел в «унизительной беготне» по учреждениям, оформляя документы. Получал паспорт и разрешение во французской миссии, где пришлось сидеть в очереди долгих пять часов. Конечно, Гребенщиков имел покровительство в среде русских эмигрантов, тех, кто уже находился за границей. Отъезд устраивал известный в России экономист и историк П.Б. Струве, возглавлявший Управление внешних сношений при Крымском правительстве генерала П.Н. Врангеля. Он дал телеграмму через Константинополь В.А. Маклакову, послу Временного правительства во Франции (до 1924 г.), который руководил также центральным офисом по делам беженцев из России и был вхож во французские правительственные круги. В этой телеграмме выражалась просьба о предоставлении «парижских виз» Гребенщikovу, его другу художнику Николаю Васильевичу Пинегину и их женам [1. Зап. от 6/19 сентября 1920 г.].

Г. Гребенщиков отправился в Константинополь первым из четверых, остальные задержались в Крыму. Необходимо было оформить багаж в Управлении торговли Правительства Юга России и ликвидировать домашнее хозяйство. Что касается Татьяны Денисовны Гребенщиковой, то в отсутствие мужа эти заботы легли на ее плечи. Нехитрый скарб состоял из пишущей машинки «Корона», фотоаппарата «Кодак», швейной машинки «Зингер», нескольких пар подметок и обувных заготовок, самовара, книг и других домашних вещей. С собой у писателя были рукописи его произведений и еще скромные сбережения – 35 рублей золотом, одна турецкая золотая лира и три лиры бумажные. Тогда пятирублевый золотой имел эквивалент в виде, казалось бы, большой суммы – более 87 тысяч рублей, однако позже, в Константинополе, Гребенщиков писал, что для жизни там требуется «в день сотни тысяч рублей». Этих накопленных денег могло хватить лишь на первое время, на неде-

Росов Владимир Андреевич – д-р ист. наук, зав. отделом «Наследие Рерихов», Государственный музей Востока (Москва).

лю или две. Выбор был невелик, в Крыму – голод и красный террор, в Турции – полная неизвестность.

Пароход «Константин» стал на рейд в порту Константинополя 20 сентября. Этот день можно считать началом зарубежного периода в биографии писателя Гребенщикова. После прохождения санитарного кордона Гребенщиков высадился на берег. Феерическая вечерняя панорама сменилась ночным кошмаром, криками турок, доносившимися с яликов, и нападением пиратов, атакующих суда. Пароходные гудки и кокетливые улыбки принаряженных женщин довершали картину незнакомого города: «О, блудный современный Вавилон! Страшен ты и гадок, и все-таки надо кланяться тебе» [1. Зап. от 6/19 сентября 1920 г.]. Константинополь стал перевалочным пунктом на пути во Францию. Именно отсюда протянулись дороги в эмиграцию по всем странам Европы и даже в Африку.

На следующее утро, 21 сентября, Гребенщиков прибыл в город. Он зарегистрировался в Русском посольстве и направился в контору типографии русско-французской газеты «Press du Soir». Там произошла неожиданная встреча с Исааком Наумовичем Альтшуллером, врачом, знакомым ему по Ялте (кстати, лечившим еще Чехова и Толстого). Помимо врачебной практики доктор Альтшуллер вел большую благотворительную деятельность. Эта встреча оказалась крайне полезной. Сведения о благотворительных организациях были необходимым условием выживания в незнакомом месте. На волне эмиграции в Константинополе возникали общества взаимопомощи, среди которых наиболее известными считались Всероссийский союз городов, Всероссийский земский союз, «Русский маяк», «Русский очаг». Их услугами пользовались практически все эмигранты. К тому же доктор Альтшуллер предоставил Гребенщикову для ночлега свой роскошный кабинет (со старинной мебелью, электрической люстрой и большими зеркалами). На первых порах, до приезда жены из Крыма, этот приют стал спасительным якорем.

В последующие дни писатель неоднократно посещал контору типографии «Press du Soir». От главного редактора газеты Гребенщикову поступило предложение написать несколько статей. Позже, в октябре и ноябре, на французском языке появилось три его статьи о бедственном положении русских в Крыму: «Островитяне», «Снимите распятых» и «Русские на Мраморном море».

По прошествии нескольких дней, 23 сентября, Гребенщиков посетил благотворительное учреждение «Русский маяк» на улице Брусса, дом № 40, которое стало прибежищем для большинства эмигрантов. Его основали американцы под эгидой Христианского союза молодых людей (ХСМЛ). Это был настоящий очаг культуры, где проходили лекции и концерты, работали библиотека и русская школа для детей. Часто устраивались танцевальные вечера. Кроме того, руководство «Маяка» организовало доступную столовую, душевую комнату, зал для отдыха и даже бесплатный ночлег. Основной контингент, посещавший благотворительное учреждение, составляла аристократия. Гребенщиков дал яркое описание этого эмигрантского общества: «Русская речь, русские лица, улыбки и весь непринужденный, простой обиход, говорящий о том, что почти все здесь свои люди. Вы слышите знакомые имена, известные фамилии, частое упоминание слов «баронесса», «князь», «графиня». Присматриваясь далее, вы видите породистые руки, гордые, негнущиеся при кивках знакомых шеи важных почтительных дам, обрюзгшие, изношенные, гладко выбритые щеки сановных стариков и жидкие, полуженственные фигуры юношей, одетых с претензиями на последний крик моды» [2].

После посещения «Русского маяка» Гребенщиков сразу же вызвался принять участие в литературных чтениях, которые проходили обычно на втором этаже в помещении школы. Встреча с писателем состоялась 8 октября 1920 г., в памятный для каждого православного россиянина день преподобного Сергия Радонежского. Гребенщиков читал цикл своих рассказов «В просторах Сибири». Вот как описывал это событие архимандрит Алексей Дехтерев, который жил на Принцевых островах и изредка посещал Константинополь: «Я вошел в небольшую комнату, где частью сидели, частью стояли слушатели. Я насчитал человек сорок – юношей и девушек студенческого возраста. Должен отметить, что в это время внизу шли танцы, но молодежь предпочла им литературное чтение. Увидел я и писателя. Еще очень молодой человек, с поразительно бледным лицом, стоял у стола и читал свои алтайские рассказы... Изящный темно-серый костюм, черный мягкий галстук, небрежно повязанный широким бантом (пожалуй, теперь и не умеют так повязать), небольшие усы и волна светло-каштановых волос, мягкий и тихий голос, шелестящие страницы рукописи (или книги, не помню) и едва слышная снизу мелодия рояля... Будто какими-то чарами брошен я в прошлый век, в Николаевский Петербург... И будто передо мной юный Достоевский читает своих «Бедных людей»... Да, в чем-то на мгновение мелькнуло большое, разительное сходство, но только на мгновение (а не истина ли в таких мгновениях, не прозрение ли?). Вспыхнуло, и тут же погасло...» [3]. В тот вечер Георгий Гребенщиков и Александр Дехтерев, тогда будучи еще вне сана, познакомились и подружились на долгие годы (после Второй мировой войны архимандрит Алексей вернулся в СССР и стал архиепископом Виленским и Литовским). Исполнителем импровизаций на рояле был 17-летний юноша, Владимир Дукельский, впоследствии знаменитый композитор, известный в Америке как Вернон Дюк, близкий товарищ художника Святослава Рериха.

Там же, в «Русском Маяке», у Гребенщикова часто случались и другие встречи. В этом смысле «Маяк» оправдывал свое название. Под его крышу собирались давно знакомые друг другу люди, соприкасавшиеся на родине. Но в отличие от России, светское общество на чужбине приобретало другое качество взаимоотношений. Культурный очаг в Константинополе объединил всю эмигрантскую массу, разбросанную по берегам Босфора, и создал условия для общения в русской среде. В начале октября Гребенщиков встретился в «Маяке» со своим земляком из Сибири, актером Московского художественного театра П.Ф. Шаровым. В то время труппа МХТ также оказалась в эмиграции в Турции. Годом раньше, в октябре 1919-го, писатель и артисты виделись в Ялте, куда театр прибыл из Гурзуфа по пути в Одессу. Гребенщиков близко сошелся с В.И. Качаловым, О.Л. Книппер, В.И. Страховой, П.Ф. Шаровым и Н.О. Массалитиновым. Все артисты, как выразился писатель, «нарасхват читали “Чураевых”». Заинтересовались они и некоторыми его рассказами для инсценировки, особенно «Лесными королями». По предложению руководства МХТ Гребенщиков начал работу над пьесой «Из песни Слово». После встречи с Шаровым в дневнике появилась запись об артистах, напрямую имеющая отношение к творческим замыслам писателя: «Они все так же мучаются, как и мы, грешные, но все-таки держат свое знамя крепко. Думаю и я жить для литературы и литературой. Все-таки будет какое-то нравственное оправдание тех мук и унижений, которые добровольно испытываю за границей» [1. Зап.

от 7 окт. 1920 г.]. В тяготах и лишениях у Гребенщикова оформляется кредо жизни в эмиграции – служение литературе.

Толчком к пересмотру жизненных позиций, несомненно, стал для писателя приезд МХТ. (Последние полгода до отъезда из Крыма он жил исключительно физическим трудом.) 11 октября в небольшом константинопольском театре «Пти-Шань» состоялся первый спектакль труппы. Публика увидела инсценировки рассказов Чехова «Забыл», «Хирургия» и Мопассана «Гавань». Спектакль прошел с большим подъемом, была обещана еще одна постановка – «Братьев Карамазовых» Достоевского. Вскоре, разделяя всеобщий энтузиазм по поводу гения русского искусства, Гребенщиков выступает с публицистикой в парижской газете «Общее дело». Он пишет не просто рецензию, скорее – репортаж о гастролях МХТ и об открытии сезона русской оперы, под названием «Не смотря ни на что!..» В статье ярко обозначилась позиция художника: «В Константинополе – на этой грязной международной толкучке, где никогда не было ни одного приличного (в европейском смысле слова) театрального представления, где считалось неприличным останавливаться для гастролей, нынче, когда отовсюду на Россию смотрят как на бывшую и несуществующую державу, эта самая Россия показывает Константинополю свой Московский Художественный театр с Книппер, Качаловым, Массалитиновым и др., показывает свой сказочный балет в лице Фроман и др. и, наконец, ставит своего бессмертного «Евгения Онегина». Надо знать те гнусные условия, созданные атмосферой беженства – этого отвратительного явления современности, чтобы оценить подвиг, совершенный русскими артистами... Пусть бывшие в театре: изысканный француз, высокомерный англичанин, грубый и невежественный грек, эпически наивный турок и наши маленькие братушки славяне, словом, все, перед которыми мы вынуждены ломать шапки, слушая и видя русское искусство, знают, что Россия, нищая сейчас материально, – никогда не будет нищей духом!..» [4]. В этих строках открыто звучат слова о подвиге, о самопожертвовании русских людей во имя искусства. Тем самым как бы обозначается и позиция самого автора, обнажается его собственная душа.

В октябре 1920-го в Константинополь прибыли Татьяна Гребенщикова и супруги Пинегины. Гребенщиконы поселились в палатке, которую Татьяна Денисовна сшила своими руками еще в Ялте. Их соседями по жилищу стали генерал Белой армии А.А. Бейер и его жена, они тоже разместились в палатке на открытом воздухе. В сложившейся ситуации необходимо было зарабатывать на жизнь. И к середине октября писатель Гребенщиков смог устроиться грузчиком на пароход «Пион» (исправлять ломаные ящики и чинить тюки). Он работал без выходных – и в будни, и в праздники. За усердную работу ему назначили достаточно высокое жалование – две лиры в день. Для сравнения следует заметить, что вегетарианский обед в столовой «Маяка» стоил половину лиры. Татьяна Денисовна тоже начала зарабатывать – шила детские конвертики и платья. К счастью, заработки изнурительным трудом продолжались недолго. В конце октября положение изменилось. Генерал Бейер рекомендовал Татьяну Гребенщикову в качестве домашней хозяйки главе Русского посольства в Константинополе генерал-лейтенанту Александру Сергеевичу Лукомскому. Служба в посольском доме решила и судьбу писателя, в прямом и переносном смысле. Он писал: «Я чувствую себя превосходно, пью чай с сахаром, ем халву, печенку, винегрет и веду за столом важные беседы с генералом и послом и с очень милыми членами его семьи» [1. Зап. от 13/16 окт. 1920 г.]. И главное, у

Георгия Гребенщикова появилась возможность вести литературную работу. Он пишет несколько циклов статей для парижской газеты «Общее дело».

Через полтора месяца генерал А.С. Лукомский принял решение покинуть Константинополь в связи с окончанием боевых действий на Южном фронте и эвакуацией Добровольческой армии в Галлиполи. (Лукомский, будучи главой Русского посольства, представлял также правительство генерала П.Н. Врангеля.) Он направлялся в Европу. Гребенщиконы присоединились к Лукомским как члены их семьи, причем Георгий Дмитриевич – в качестве личного секретаря генерала. 11 декабря 1920 г. все погрузились на корабль «Константин», уже хорошо знакомый Гребенщикову по предыдущему плаванию из Севастополя, и отправились в сторону Африки...

В тяжелых условиях зарубежья Гребенщиков продолжал литературную работу. По пути в Константинополь на палубе парохода писатель встретил Аделаиду Владимировну Никулину, директора киевского издательства «Летопись». В 1919 г. это издательство выражало готовность приобрести для публикации рукопись романа «Чураевы». В связи с начавшейся эмиграцией из Киева большинство сотрудников «Летописи» перекочевали в Софию, и там было основано новое Русско-Болгарское издательство. Очередной разговор о выпуске знаменитого романа завершился обнадеживающими словами Никулиной. Она сказала, обращаясь к Гребенщикову: «Если я не умру в течение полугода, “Чураевы” выйдут в свет. И вы поедете прямо в Болгарию, а потом уже в Париж» [1. Зап. от 7/20 сент. 1920 г.].

В то напряженное, хаотичное время планы и людские судьбы менялись от разных случайностей. И писатель принял встречу с Никулиной как провидение. А что касается самого романа, то он, еще не появившись, стал действительно знаменитым. Роман «Чураевы», точнее, первая часть многотомной эпопеи под названием «Братья», написанная в окопах Первой мировой войны, получила благословение А.М. Горького. Затем в Киеве «Братьями» восхищались И.А. Бунин и А.И. Куприн. В 1918 г. несколько вечеров подряд Гребенщиков читал страницы рукописи в компании живых классиков. Позже при посредничестве Бунина была сделана попытка издать роман в Одессе, но реалии времени, революция и начало военных действий на Юго-Западном фронте не позволили осуществить этот замысел. Через год, в 1919-м, писатель С.Я. Елпатьевский, проживавший в Крыму, куда перебрался из Одессы и Гребенщиков, предложил опубликовать «Чураевых» в Киеве. Вот тогда и появилась А.В. Никулина.

На третий день по приезде в Константинополь, 24 сентября, Никулина предложила «добыть визу на Болгарию» и ехать туда для заключения договора на издание «Чураевых». Но накануне писатель уже подал прошение о выдаче визы французскому консулу. В Париж ушла телеграмма, и ответ ожидался через неделю. После указанного срока никакого решения не последовало, оно было отложено на неопределенное время. Консул дал Гребенщикову ответ: «Ожидайте». В конце октября 1920-го, не имея французской визы и испытывая материальные затруднения, писатель принял решение о продаже рукописи своего романа: «Выяснилась судьба “Чураевых”. Хоть и очень дешево, но я продал их на первое издание Русско-Болгарскому книгоиздательству в Софии» [1. Зап. от 13/26 окт. 1920 г.]. Отъезд в Болгарию планировался на середину ноября.

Вскоре в Константинополь приехал один из директоров софийского издательства В.Н. Каменский. Он предложил окончательный расчет, хотел купить роман за 240 лир (15 тысяч болгарских левов). Однако к этому времени мате-

риальное положение Гребенщиковых поправилось и появилась возможность эмигрировать во Францию вместе с семьей генерала Лукомского, поэтому предварительное соглашение о продаже рукописи было расторгнуто. Решающую роль в данном вопросе сыграла позиция Татьяны Гребенщиковой. Выдержка из дневника писателя: «Что бы ни было со мною впереди – каяться не буду. Больше всего настаивала на неуступке Таня. Она сказала: я буду кухарить, шить, стану опять свиней кормить и сама выплачу тебе эти несчастные 240 лир, или 3 тысячи франков, но «Чураевых» не дам в обиду» [1. Зап. от 8 дек. 1920 г.]. Действительно, предложенный гонорар составил сумму заработка Татьяны Гребенщиковой за два месяца в качестве домашней хозяйки у Лукомских. По прошествии полугода, весной 1921-го, «Чураевы» были проданы парижскому журналу «Современные записки», а затем – и издательству «Франко-Русская печать», где роман вышел отдельной книгой.

Уже первая неделя в эмиграции дала Гребенщикову богатый литературный материал. Он сразу же начал делать зарисовки из константинопольской жизни. Цикл состоял из трех небольших очерков и предназначался для парижской газеты «Общее дело». Все очерки были написаны в едином стиле и составляли одно целое: «Под негритосами», «На улицах Константинополя», «Русский маяк». Рекомендовал Гребенщикова в качестве автора издатель и редактор «Press du Soir» Орест Григорьевич Зелюк, одновременно являвшийся представителем «Общего дела» в Константинополе. В то время «Общее дело» считалось одной из ведущих русскоязычных газет не только во Франции, но и во всей Европе; там печатались видные писатели, оказавшиеся в эмиграции: И.А. Бунин, А.И. Куприн, Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус и др.

Первый из очерков – «Под негритосами» описывает высадку с корабля на берег прибывших из России эмигрантов и те унижения, которые выпали на долю людей, и без того раздавленных войной. В очерке с писательским мастерством показано, как «вооруженные чернокожие солдаты строго охраняют пеструю толпу пассажиров, сортируют на мужчин и женщин, толпами загоняют сначала в одну казарму, потом в другую...». Затем идет описание санитарной обработки: «В бане – галерея конских стойл, или звериных клеток, кусочки мыла и простой душ». Глазами автора читатель видит какой-то «маскарад дикарей», гонимый страхом смерти, вращение масок, где нет различия между священником и согбенным евреем. В уста бородатого северянина писатель вкладывает ключевую фразу: «Теперь вся Россия под маской. Вся Россия как Град Китеж, и есть, и нет ее...» [5].

Во втором очерке, «На улицах Константинополя», крупными мазками передана окружающая жизнь города. Не случайно повествование начинается словами: «Босфор лег узким синим коридором между Европой и Азией». Тема Азии захватывает и звучит упоминанием «песчаных холмов знойных восточных пустынь». Сразу же задается некий смысловой императив, неудержимое колесо существования. Калейдоскоп вращения вбирает в себя все противоположности, в которых выделяется, прежде всего, русский элемент. Он не принадлежит ни Востоку, ни Западу, это – что-то особенное, устойчивая жизненная сила бытия. «Но тут и там в кипучий, густо смешанный людской поток вмешались русские, вольные и невольные скитальцы по чужбине: лихие и печальные, отважные и трусы, подвижники и мелкие воришки, князья и плебеи, оборванцы и расточительные франты». Не только типы людей проходят перед взором писателя, но и вывески учреждений, разнообразные товары, выло-

женные на продажу. И все это пропитано «русским духом» и «русскою мечтою». Вывод художника, созерцающего пестроту на улицах Константинополя, достаточно парадоксальный. Очерк завершает длинная фраза: «Несомненно одно, что русский человек, несмотря на всю свою кажущуюся рыхлость и инертность, нигде не пропадет и всюду вносит свой неуклюжий, не совсем опрятный, часто скорбный, но прочный и оседлый быт...» [6].

Третий очерк посвящен благотворительному учреждению «Русский маяк». Этот форпост для беженцев, как упоминалось, существовал на американские деньги. Выше уже шла речь об обитателях «Маяка» и было дано описание аристократического общества. Несколько слов следует сказать о главной мысли автора. Фотографический стиль очерка помогает рассмотреть вблизи жизнь русской колонии. Георгий Гребенщиков подталкивает читателя задуматься о нравственной чистоте собственной души, о сохранении русских корней, которым «едва ли может чем-либо повредить американское масонство» [2].

Эти три очерка, один за другим, появились в газете «Общее дело» за 14, 15 и 16 декабря 1920 г. под общим заголовком «Письма из Царьграда». Их публикация открыла Гребенщикову путь в писательскую среду Русского зарубежья.

Следом в той же газете пошла серия рассказов: «Америка», «Анюта» и «Под ногами толпы» (25 декабря 1920 г., 7 и 13 января 1921 г.). В октябре 1920 г. в константинопольском дневнике писателя появляется запись о завершении работы над тремя маленькими рассказами из «детской беженской жизни». Предполагалось, они будут переведены на английский язык и «пойдут в Америку». Неизвестно, увидели ли свет произведения в Соединенных Штатах, но, вероятно, именно их публикация состоялась в газете «Общее дело».

Все рассказы Гребенщикова посвящены подросткам 12–13 лет; они являются главными героями сюжетов. Перед читателем разворачиваются трагические судьбы детей. Место действия – детские приюты на островах Мраморного моря. Автор рассказывает о мальчике Сереже по прозвищу «Америка», который вместе с товарищем пытался бежать на пароходе из Крыма в США, но был пойман и водворен в русский сиротский дом. Героиня другого рассказа – девочка Анюта, попавшая в Турцию из Софии. Там она погибала от голода, но выжила благодаря недетской смекалке, нарисовала объявление и стала шить одежду для кукол. Третий герой – сын директора Московского банка, арестованного большевиками. Мальчик работает чистильщиком обуви на улице, как говорится, «под ногами толпы». Отсюда и название рассказа. Образованный подросток из интеллигентной семьи принимает окружающую действительность такой, какая она есть. Он несколько раз повторяет свою спасительную формулу: «Надо работать». И его слова очень по-взрослому звучат в детских устах.

Рассказы Георгия Гребенщикова, похоже, несут на себе печать автобиографии писателя. Например, в воспитателе приюта, заботливо опекающем «Америку», легко узнаваем Александр Дехтерев, будущий архимандрит Алексий. Он три года прожил на Принцевых островах и воспитывал там детей (руководил приютом на о. Халки). А девочка Анюта напоминает Татьяну Гребенщикову, которая шила для эмигрантов детские конвертики. Жене писателя было тогда всего 26 лет... Сиротская тема в литературе имеет прямое отношение к самому Гребенщикову. На Алтае у него оставался 15-летний сын. О нем, брошенном в жерло революции, скорбела душа писателя.

К периоду эмиграции в Константинополе можно формально отнести и серию путевых очерков под общим названием «В Африку». Это шесть «репор-

тажей» с борта парохода «Константин», написанных в декабре 1920 г. после выхода в открытое море на пути во Францию. Они также публиковались в газете «Общее дело», начиная с января 1921 г. Следует перечислить их в порядке опубликования: «Из Константинополя» (11 января), «Через проливы» (24 января), «В Эгейском море» (1 февраля), «В бухте Наварино», «Мертвая зыбь» и «Африка» (все – 2 марта).

Некоторые работы, начатые Гребенщиковым в Константинополе, появились в печати месяцы спустя. Это естественное запаздывание, оно обусловлено фактором времени и издательскими планами. За три месяца пребывания в Турции можно насчитать около 20 очерков, рассказов и публицистических статей. Помимо «Общего дела» и «Press du Soir», выходили статьи и в других газетах, к примеру в «Юге России» (Севастополь). Там было напечатано письмо Георгия Гребенщикова «Из-за моря». Однако не все работы увидели свет. По цензурным соображениям «Царьградский альманах» в ноябре 1920 г. отклонил очерк «Мостик через пропасть». Этот очерк сильно выбивается из обычного ряда публикаций, из того, о чем раньше говорил писатель. В своих суждениях он слишком близко подошел к запретной теме, а именно – прикоснулся к политике. Наблюдая Крымскую эпопею, беженский шквал, готовый взорвать Константинополь, как пороховой погреб, Гребенщиков взывает к примирению между Красной и Белой армиями. За последние три военных года он впервые решается высказать «свободно свои гражданские соображения». Вот плод его терзаний и размышлений, отлитый в скупые строчки: «Неистовые сектанты с той и другой стороны сейчас же выдвинут острое лезвие о преступном соглашательстве. А я упрямо повторяю, что это соглашательство должно прийти к нам, рано или поздно, как самое естественное право на терпимость, общежитие и даже братство!.. Как родные братья могут спорить, не хватая друг друга за шиворот, так равно в будущей России отлично могут ужиться большевик и белый генерал, вовсе не съедая друг друга живьем, как это делается в процессе нашей революции... Пока же пропасть остается страшной и бездонной и решительно ничем не заполненной» [7]. Основную мысль Гребенщиков выносит в заглавие. Примирение и есть тот самый «мостик через пропасть».

Автор заключает, что, благодаря «турецкому гостеприимству», ему дано право сказать о «психологическом оздоровлении враждующих сторон». Он пишет: «Ни белые, ни красные мне не позволили бы это дома» [7]. Однако и в свободном Константинополе его право осталось за железным засовом цензуры. На рукописи стоит чернильная дата: «21 ноября 1920 г.». В это же самое время Гребенщиков начинает писать целый цикл статей «Русско-турецкие письма». Первая из них называлась «О взаимном понимании». Это продолжение политической темы, посвященной «злободневным и животрепещущим вопросам понимания турецкими людьми людей русских и наоборот» [8]. Приступая к работе, писатель пока не знает о запрете на его статью. Мир еще не готов к идее братства народов. Именно поэтому начатый им цикл обрывается на полуслове.

Отъезд в эмиграцию – это всегда выбор. Он разделяет все надвое, на родину и чужбину, на прошлое и будущее, проходит по нервам до самого основания, разрывая сердце. По крайней мере, именно так было с Георгием Гребенщиковым. Возникает закономерный вопрос: почему писатель уехал в эмиграцию? Что им двигало, когда принималось кардинальное решение?

Ответить на этот сложный вопрос помогают вехи биографии молодого сибирского классика. После демобилизации с Юго-Западного фронта в 1918 г.

Гребенщиков уехал в Киев. Там он давал отчет по армейским документам и устраивал свои литературные дела. Затем направился в Одессу, где жил у моря, на даче А.М. Федорова в «писательском общежитии». В том же году летом перебрался в Ялту и через некоторое время оказался в крымской ловушке. Наступление Красной армии отрезало писателя не только от Центральной России, но и от малой родины, горячо любимого им Алтая. В Барнауле оставались первая жена, Л.Н. Гребенщикова (расстались в 1912 г.), и сын Анатолий. Со своей второй женой, медсестрой Красного Креста Т.Д. Стадник, писатель познакомился на фронте. Она стала его верной спутницей до конца жизни.

На Крым неизбежно надвигалась катастрофа – разорение, голод, грабежи и убийства. Частая смена власти привела к полному изнеможению народа, к потере физических и духовных сил. Гребенщиконы, чтобы выжить, осели на землю. Невзирая на сложности, вторую половину 1918 и весь 1919 г. писатель много работал, публиковал рассказы и очерки в местной прессе. В литературном отношении это время можно считать плодотворным. Но 1920 год стал сложным, критическим. В течение полугода, вплоть до августа, не было написано ни одного произведения. Весной Гребенщиконы двинулись из Ялты в окрестности Алушты в поисках пропитания. Писатель занимался заготовкой дров в горах и частным извозом. (У татар ему удалось дешево купить хромого коня Ваську.) К лету вернулись обратно в Ялту и завели домашнее хозяйство...

В Крыму Гребенщиков испытывает сильные душевные терзания. Ждет «какой-нибудь возможности прорваться домой». Уже в начале 1919 г. планирует пешком отправиться через Кавказ, в направлении Баку и Туркестана, а затем на Семипалатинск. Он пишет в письме к родным: «О Сибири и об Алтае я грежу как о несбыточном сне» [9]. Весной 1920 г. положение и местного населения, и беженцев осложняется. Неожиданно нависла угроза голода и демобилизации в Добровольческую армию. Георгия Гребенщикова вызывают на призывной пункт и регистрируют. Писатель, во что бы то ни стало, хочет уехать к сыну; как он выражается, «принять какие-либо героические меры» [1. Зап. от 9/22 февр. 1920 г.]. Из Сибири доходят редкие письма. Из-за военных действий почта в Крым идет четыре, иногда пять месяцев. Запись из дневника от 30 июня 1920 г.: «И вот теперь опять дума о том, чтобы прорваться за фронт и ехать или идти. А силы стали так слабы! А вдруг по дороге свалюсь. Здесь хоть животных развели на зиму. Поросята растут, кроликов прибыло... И все-таки, все готов бросить, чтобы ехать в Сибирь!...» [1. Зап. от 17/30 июня 1920 г.]. Проблема выбора стоит очень остро. Писатель никак не может принять окончательное решение. Вот еще одна запись, сделанная ровно месяц спустя: «А я попутно все направляю лыжи в Сибирь и никак не направляю. Что за проклятые цепи держат меня здесь – понять не могу. Но не могу сняться с якоря и не найду выхода из заколдованного круга» [1. Зап. от 18/31 июля 1920 г.].

К началу 1920-х годов Г. Гребенщиков, как молодой писатель, только утверждался в литературе. До революции в Петрограде вышло несколько его книг, повесть «Ханство Батырбека» и два тома сочинений «В просторах Сибири», но основные произведения еще не были изданы и написаны. Можно предположить, подсознательно он причислял себя к писательскому цеху и вряд ли хотел отрываться от большой литературы. В Крыму и Одессе ему удалось познакомиться со многими писателями, оказавшимися волею судеб в «спокойных» от войны очагах в ожидании эмиграции. Гребенщиков близко сошелся с И.А. Буниным, И.С. Шмелевым, И.Д. Сургучевым, Е.Н. Чириковым, И.С. Со-

коловым-Микитовым, И.С. Лукашем, К.А. Тренивым, С.Н. Сергеевым-Ценским, С.Я. Елпатьевским и др. Большинство из них, прежде всего писатели первого плана, уехали за границу. Вряд ли Гребенщикову хотелось отрываться от них, да и сами писатели подталкивали Гребенщикова к отъезду. Так, в феврале 1920 г. председатель Ялтинского Литературного общества им. Чехова, доктор и мемуарист Елпатьевский включил его в список писателей, профессоров и ученых, которых собирались вывозить в Сербию. Из дневника: «Я заколебался, даже попытался хлопотать насчет заграничного паспорта... Больно бросать Россию в эти черные дни» [1. Зап. от 23 янв./5 февр. 1920 г.].

В конце августа 1920 г. настроение Гребенщикова неожиданно и резко меняется, и чаша весов склоняется в сторону эмиграции. Правда, им избран некий компромиссный вариант. Писатель обращается к министру правительства Юга России П.Б. Струве и просит помочь ему «пробраться в Париж» с тем, чтобы, изыскав там средства от меценатов, найти пути на родину, в Сибирь, если даже придется возвращаться кружным путем через Владивосток. Он пишет в письме от своего имени и от имени художника Пинегина: «Разумеется, мы были бы безгранично благодарны Вам и за простой совет, как нам поступить в данном случае, но мы хотели бы на этот раз опереться на Вас как на действительную крепкую опору, полагая, что мы имеем на нее право не только как люди и отцы наших покинутых где-то в далекой Сибири детей, но и как люди, нужные будущей России, в воскресение которой твердо верим и докажем это уже печатным словом и живым делом. Я страшно устал быть дрогале. У меня истощаются силы. Помогите нам, пока не поздно» [10. С. 259]. Это прошение было услышано, и Струве оказал помощь в отъезде семей Гребенщикова и Пинегина в Константинополь.

По прошествии короткого времени, около месяца, у Георгия Гребенщикова меняется строй мыслей, появляются моральные основания для эмиграции. Накануне посадки на пароход писатель делает важную запись в дневнике. Он еще как бы колеблется в своем выборе, но совершенно очевидно, вопросы, которые им заданы самому себе, имеют риторический характер. Главное, это мечта об организации собственного издательства. Из дневника от 17 сентября 1920 г.: «Рассказывают о константинопольской жизни ужасы. И я все-таки еду. Уезжая из Ялты и видя с моря эту редкую жемчужину России – я с глубоким волнением думал о том, не вернуться ли?.. Не бросить ли раз и навсегда мечту о лучших местах... Здесь жизнь кипит, как в большой столице, и все военные, военные, будто лагерь. А уверенности, твердости почвы нет. Колеблется она. Многое-многое теснится в голове, и сердце и душа раздвоены: половина здесь, а половина где-то там, за морем. Господи, благослови во имя лучших намерений, которыми преисполнены мои желания! Начать издательство русской книги. Завтра вечером пароход “Константин” уходит в Константинополь» [1. Зап. от 4/17 сент. 1920 г.].

В Турции Георгий Гребенщиков сразу же установил контакты с издателями. Поскольку для большинства русских беженцев Константинополь и его окрестности, такие, как Галлиполи, Сен-Стефано, Макри-Кей, а также поселения на островах Оттоманской империи, являлись лишь перевалочным пунктом на пути в Европу, то количество изданий здесь исчислялось единицами, а не десятками или даже сотнями, как в других странах рассеяния. Это сокращало возможности развернуть работу по изданию книг именно в Турции. Наиболее популярными считались газеты «Press du Soir», «Галлиполийский листок»,

журнал «Наши дни». Со своим книжным проектом Гребенщиков обратился к издателю «Press du Soir» О.Г. Зелюку. Несколько дней он вел с ним переговоры: «Может быть, с ним начну некое книгоиздательство» [1. Зап. от 10/23 сент. 1920 г.]. По всей видимости, главным камнем преткновения стали финансовые вопросы. Писатель на первых порах не терял уверенности в успехе. Вот как он сформулировал свою позицию в дневнике: «Напротив, я набрался храбрости думать, что для той цели, которую я преследую, – организация издания русских книг, мог бы требовать правительственной поддержки» [1. Зап. от 11/24 сент. 1920 г.]. Однако страшная гуманитарная катастрофа, вызванная разгромом Добровольческой армии в Крыму и нахлынувшей беженской волной, не оставляла никаких шансов на успех. Были дни, когда на рейд в Константинополь прибывало более ста больших и малых судов с эмигрантами.

Через год в Париже Зелюку – несостоявшемуся компаньону Гребенщикова – все же удалось возглавить типографию и издательство «Франко-Русская печать». Там в 1922 г. отдельной книгой вышел роман «Чураевы». Уже во Франции Гребенщиков пытался объединить свои усилия по организации издательства с известным врачом и общественным деятелем И.Н. Коварским. И снова ничего не получилось. Коварский организовал самостоятельное издательство «Родник» (вместе с магазином и библиотекой). Лишь в 1923 г., благодаря необычному знакомству и встрече с художником Николаем Константиновичем Рерихом, пришла удача. Гребенщиков и Рерих на паях основали книгоиздательство «Алатас» (в переводе с казахского языка «Белый Камень»). Весной 1924 г. писатель уехал в Соединенные Штаты, и там издательство было инкорпорировано с музеем Николая Рериха в Нью-Йорке. Позже Гребенщиков его выкупил и стал полновластным хозяином. За весь период существования «Алатаса» под маркой этого издательства вышло в свет более 50-ти книг и брошюр (см. [11]). Мечта, которая вела Георгия Гребенщикова в зарубежье, осуществилась. Но ради нее писателю пришлось пожертвовать самым дорогим – он никогда так и не вернулся из эмиграции на родной Алтай.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив автора публикации. Гребенщиков Г.Д. Дневник (копия). 1920–1921.
2. *Гребенщиков Г.* Письма из Царьграда. «Русский Маяк» // Общее дело. Париж, 1920. 16 декабря. № 154.
3. *Алексий (Дехтерев), архимандрит.* Юный Гребенщиков // Новая заря. Сан-Франциско, 1947.
4. *Гребенщиков Г.* Не смотря ни на что!.. (Письмо из Константинополя) // Общее дело. Париж, 1920. 20 декабря. № 158.
5. *Гребенщиков Г.* Письма из Царьграда. Под негритосами // Общее дело. Париж, 1920. 14 декабря. № 152.
6. *Гребенщиков Г.* Письма из Царьграда. На улицах Константинополя // Общее дело. Париж, 1920. 15 декабря. № 153.
7. Архив автора публикации. Гребенщиков Георгий. Мостик через пропасть. 21 ноября 1920 г.
8. Архив автора публикации. Гребенщиков Георгий. Русско-турецкие письма. О взаимном понимании. [Ноябрь, 1920].
9. Отдел рукописей РНБ. Ф. 431. Ед. хр. 444. Л. 1–2. Гребенщиков Г.Д. – Л.Н. и А.Г. Гребенщиковым. 23 марта 1919 г.
10. *Гребенщиков Г.Д.* Письмо П.Б. Струве. 14/27 августа 1920 // С двух берегов. Русская литература XX века в России и за рубежом. М., 2002.
11. *Росов В.А.* Книгоиздательство «Алатас» // Рерихи. Восток – Запад. М., 2006.

21 августа 2009 г. всемирно известному российскому ученому академику РАН Вячеславу Всеволодовичу Иванову исполнилось 80 лет. Редакция и редакция журнала, отходя от традиционных в таком случае поздравлений столь неординарному человеку и большому ученому, публикует интереснейший фрагмент воспоминаний юбиляра, воссоздающий яркую картину истории славистики в 1960–1980-е годы. Никто лучше самого Вячеслава Всеволодовича не сможет рассказать о его непростой и насыщенной жизни в науке. Мы, со своей стороны, надеемся, что наши читатели еще не раз встретятся на страницах журнала с новыми работами Вячеслава Всеволодовича, и желаем ему крепкого здоровья и творческого долголетия.

© 2009 г. ВЯЧ. ВС. ИВАНОВ

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА В ИНСТИТУТЕ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

В 1960 г. благодаря стараниям акад. А.И. Берга (см. [1]), после всех перенесенных им во время террора пыток и надругательств не утратившего невиданной энергии и способности защищать науку, переменилось отношение академических верхов к новым веяниям в лингвистике, до того подвергавшимся гонениям. В принятом тогда постановлении Президиума Академии наук о развитии структурных исследований было предусмотрено создание специального отдела, этому посвященного, наряду с некоторыми другими учреждениями и в Институте славяноведения. Среди видных ученых, в нем работавших, больше всего этой новой для нас всех областью занятий был увлечен В.Н. Топоров. На состоявшейся за два года до того первой большой конференции по машинному переводу (с которым сопрягались заново открытые сферы науки) по общему мнению едва ли не самым заметным был доклад Топорова о современности древнеиндийской лингвистики, в которой он распознал прямое предвестие структурализма нашего времени. Он начал заниматься и применением новых идей в своей области сравнительного языкознания, и теоретическими вопросами (введения вероятностных методов в лингвистику, трансформационным подходом к тексту). Топоров возглавил вновь созданный Сектор структурной типологии. Он подбирал себе сотрудников из разных институтов, советуясь по этому поводу и со мной. Нас связывала к тому времени прочная многолетняя дружба.

Казалось бы, во многом мы полярно отличались друг от друга. Топоров увлекался футболом, в который продолжал играть с приятелями. Физически сверхсильным он оставался долго, в наших совместных экспедициях легко перетаскивал тяжелые ящики, говоря, что умение это делать его подбадривает. Когда мы встретились на первом курсе, я (по его воспоминаниям) был «рыхлый» после очередных многомесячных лежаний в постели из-за больной ноги – она в детстве и после сделала меня надолго неподвижным. Но мне досталась по тем временам очень комфортабельная жизнь в семье известного писателя, пользовавшегося благами высшей советской касты. Топоров жил с родителями в одной комнате коммунальной квартиры, занимался там по ночам в углу, отгороженном его книжными полками. Здравость его взгляда могла бы противоречить моим тогдашним романтическим миражам. Я часто говорил витиевато и употреблял без нужды много диковинных ученых слов. Он не пренебрегал всеми словарными возможностями нашей речи. Марксист и позитивист сказали бы, что по классовым и другим внешне заметным характеристикам мы противоположны. Но оказалось, что мы читали одни и те же мало кому известные книги и одинаково их оценивали. С самого начала мы обнаружили друг у друга сходные поэтические вкусы, касавшиеся не только раннего Пастернака (его мы знали наизусть), но и гораздо более ранних авторов (позднее он вспоминал, что один из первых разговоров был о поэте XVIII в. Муравьеве, которым он много потом занимался). Совпадало многое в понимании окружающей жизни, литературы, политики, общества и мира вообще. Обоих занимала философия, Чаадаев и Бергсон. Я читал Топорову свои стихи и старался воспринять его замечания. Во время учебы в университете мы вместе с еще несколькими близкими друзьями занимались у проф. М.Н. Петерсона санскритом (спустя 10 лет написали вместе с Топоровым краткий очерк санскрита – это была первая наша общая книга). Мы вместе учили древнегреческий и другие языки, а главное, у того же Петерсона и сами по книгам и журналам, делясь друг с другом новостями о реконструкциях слов многотысячелетней давности, как говорят о самых потрясающих сенсациях, занимались сравнительной грамматикой индоевропейских языков. Она оставалась в центре нашего внимания и в аспирантские годы, и долго потом. Нас сближали и общие интересы в славистике и литуанистике. Мы вместе бывали в Литве, Латвии, в литовских селах Белоруссии. На Международном съезде славистов в Москве в августе 1958 г. мы сделали совместный доклад, в котором пытались по-новому понять, как славянские языки развились из того древнего праязыка, о котором дают представление балтийские языки – литовский, латышский, мертвый прусский, ставший предметом пожизненных занятий Топорова. Живя вместе в Абхазии, мы занимались с одним из местных жителей абхазским. Топоров ходил на мои занятия тохарскими языками – самой восточной ветвью индоевропейской семьи, сто лет назад открытой (первый тохарский текст был найден еще в позапрошлом веке русским консулом в Кашгаре Петровским). Регулярно Топоров присутствовал на семинаре по математической лингвистике, который в университете мы вели с моим другом математиком В.А. Успенским и лингвистом – моим учителем П.С. Кузнецовым. Мы вместе увлеклись чтением математических книг и в институте, где работал выдающийся химик и логик Д. Бочвар, ходили на семинар по логическому синтаксису Рудольфа Карнапа. Первые свои лингвистические рукописи я еще до перепечатки давал на суд Топорову, и он их мне возвращал со своими пометками.

Было бы естественно, чтобы я начал работать у Топорова в создававшемся им секторе. Но за два года до того меня с большим шумом изгнали из профессуры Московского университета за несогласие с официальной оценкой «Доктора Живаго» Пастернака и за поддержку выступлений Романа Якобсона на конгрессах – последнее обвинение было сугубо политическим, потому что Якобсону приписывалась какая-то фантастическая роль чуть ли не американского шпиона. Дирекция Института славяноведения побаивалась брать меня на службу. Я после увольнения из университета работал заведующим группой машинного перевода в академическом Институте точной механики и вычислительной техники. В то время политические страхи в основном касались гуманитарных институтов. К засекреченным компьютерам допускали и политически подмоченных людей. Меня в это время математик О.С. Кулагина звала перейти в Институт прикладной математики, где она работала – им руководил акад. М.В. Келдыш – и оформление в него было совсем особое. Но и эти трудности уже были преодолены, меня засекретили. В Институте у Келдыша в отделе кибернетики вместе с Кулагиной и ее учителем (будущим чл.-корр. Академии) А.А. Ляпуновым работали несколько близких мне людей. Новыми областями биологии и теории автоматов занимался мой друг инженер и кибернетик М.Л. Цетлин [2], как и я, и другие наши друзья, мечтавший о совсем неизведанных путях в науке. Атмосфера поиска и находок охватывала тогда молодежь. Нас буквально лихорадило. Всюду виделись несказанные открытия и непроторенные дороги. Я выбрал все же Институт славяноведения главным образом из-за научной дружбы с Топоровым, с которым хотелось поработать вместе.

Топоров, проявивший себя за два года как талантливый организатор науки, тем не менее хотел поскорее освободиться от своих административных обязанностей. Добившись моего зачисления в Институт, он вскоре написал в дирекцию текст необычного содержания. С такого-то числа он прекращает заведывание сектором. Все свои обязанности он передает мне. Начальство почувствовало, что его не переспоришь, и уступило. Я обо всем этом узнал уже после удачного исхода его демарша.

Одно из первых дел, которые нам предстояло сделать, состояло в реализации давно намеченного плана экспедиции в Западную Сибирь. Сектору поручались работы по типологии. Поэтому можно было предложить и исследование малоизвестного языка, не относившегося к индоевропейским. Кетский меня и Топорова занимал давно – отчасти и из-за загадочности его родственных связей (много позднее к решению загадки приблизился Топоров, обнаруживший сходство именных классов в кетском языке и в бурушаски на Гималаях, а потом С.А. Старостин, наметивший место языка и других родственников ему енисейских в открытой Старостиным макросемье, к которой относится и бурушаски).

Вместе со мной и Топоровым в экспедицию собрались и другие сотрудники сектора – Т.Н. Молошная, Д.М. Сегал, Т.В. Цивьян. В проводах участвовали и люди из соседних отделов. На первой странице своего путевого дневника (тонувшего в Енисее вместе со мной по дороге к черному шаману, навозящему на людей порчу, – некоторые буквы расплылись, но читать можно) я нашел сделанную в самолете запись: «Сегодня утром нас трогательно провожали вахтеры и уборщицы нашего Института [...] нас они просили написать, как там с урожаем; вышли на улицу, когда мы садились в машины». Мы путешеше-

ствовали больше месяца (с 10 июля по 15 августа 1962 г.) по крайней северной воздушной дороге через Норильск и Игарку, речным транспортом по Енисею и обратно красноярским поездом. Для меня и Топорова кроме множества возникших общелингвистических вопросов поездка оказалась в каком-то смысле решающей еще в одном отношении. Овладевая техникой структурного анализа, мы оба размышляли о том, как распространить ее на смежные с языкознанием области – этнологию, изучение мифов. Беседы с кетами об их верованиях и легендах открыли нам пути в эти для нас совсем новые области, которыми мы стали заниматься с увлечением. Уже начатые нами работы по ранней мифологии славян получили поддержку в этих занятиях с современными людьми, донесшими до наших дней мифы неслыханной древности (позднее мне удалось натолкнуться на кетский миф, совпадающий с преданиями тех, кто заселил когда-то Америку).

Результатами получаемых нами и нашими товарищами по работе открытий и гипотез хотелось поделиться. Мы задумали симпозиум по изучению знаковых систем. Общая наука о знаках, охватывающая вместе с обычными языками самые разные системы – письма, искусств, наук, игр, этикета, была давно намечена первооткрывателями, как Пирс, Соссюр, Ельмслев и Бейсанс. Но все же везде были только первые иногда робкие шаги. Мы рассчитывали на большее. Наш симпозиум был первым в мире с такой широтой охвата и детальностью рассмотрения отдельных систем. Мы все дружно выступали. Один из моих младших учеников, все время надо мной подтрунивавший, подсчитал, что я в общей сложности проговорил за эти несколько дней девять часов.

Не обошлось без скандалов. Часть литературоведов Института была обижена – им казалось, что мы в замечаниях о литературе как знаковой системе противоречим принятым воззрениям. В этом духе высказался специалист по социалистическому реализму Д.Ф. Марков (потом он стал академиком и долго директорствовал). Он что-то говорил в полемическом запале о неучтенной нами образности. Топоров его спросил, не имеет ли тот в виду понимание образа по Хайдеггеру. Марков скорее всего услышал это сочетание звуков впервые, истолковал его на свой лад в духе созвучной с началом имени философа русской лексики и навсегда возненавидел Топорова. Позднее мне много раз приходилось с трудом отстаивать издание очередных томов «Прусского языка» (словаря) Топорова – директор Марков под разными предлогами норовил оттянуть публикацию. Топорову это надоело и он в конце концов перестал превращать уже готовую картотеку в текст для печати. Теперь предстоит вместе с литовскими друзьями эту работу за него окончить (он довел словарь до середины). А всему виной такое полное намеков звучание имени философа.

Возражения – точнее говоря, доносы тех, кто усмотрел в нашем симпозиуме посягательство на господствующую идеологию, дошли до высшего академического начальства. Берг хотел нас защитить и для этого предложил устроить заседания комиссии, в состав которой вместе с нами вошли наши противники и директора соответствующих институтов [1]. Заседания долго длились, носили бурный характер и не привели ни к какому окончательному решению. Но слухи о нашем противоправительственном возмущении достигли главных идеологов партии. Считавшийся основным среди них секретарь Центрального комитета партии Ильичев напечатал целый доклад против нас в защиту марк-

сизма (я не думаю, что правительственная идеология нуждалась в этом или что Ильичев знал, чем именно мы занимаемся). Помогла вечная неустойчивость оплотов режима. Мне пришлось говорить с двумя официальными философами по поводу внесения необходимых, с их точки зрения, изменений в издававшийся (по предложению того же Берга) с моими редакционными дополнениями перевод с французского книги Моля «Теория информации и эстетическое восприятие». Философы были недовольны тем, что я ссылаюсь на материалы нашего семиотического симпозиума. Если не изымать эту ссылку, то, по их мнению, нужно бы добавить в список рекомендуемой литературы и доклад Ильичева против нас. Мне надоедает с ними спорить, я говорю: «Зря это предлагаете. Через два месяца Ильичева снимут и вы сами попросите на него не ссылаться». Проходит два месяца, Ильичева снимают. Мне звонит старший по чину из этих философов и напоминает о залежавшейся в издательстве книге Моля, которую давно было надо выпустить, по его убеждению. Вскоре она выходит с моими добавлениями и, конечно, без упоминания Ильичева.

Одних гонителей и душителей снимали, но вместо них приходили им подобные или худшие. На время оказалось сложнее печатать сборники статей общенаучного характера и устраивать конференции.

Оставшиеся в Институте тезисы нашего первого симпозиума 1962 г. (на них я и ссылался в переводе Моля), которые мы перед его началом успели издать достаточным тиражом, но не полностью роздали участникам, были укрыты под замком в дирекции. Спустя некоторое время, когда явная их опасность для режима уже была менее очевидна, они стали появляться вместо туалетной бумаги в нашей уборной. Меня это не удивило. Наиболее абсурдные черты высшей власти и смехотворных следствий ее действий в России остаются неизменными. Отчим моей мамы историк права Б.И. Сыромятников был видным кадетом – политическим врагом царского режима. Когда бабушка приезжала пожить с нами на дачу, мы в отхожем месте узнавали новые привезенные ею страницы его магистерской диссертации, отпечатанной и запрещенной цензурой перед революцией, – рулоны неразрезанных листов хранились у них дома для гигиенических нужд.

Мы продолжали как ни в чем не бывало работать, написали первую с Топоровым книгу о славянских религиозных системах – для пушей ясности мы их назвали RS. После того, как я подарил вышедшую книгу Надежде Яковлевне Мандельштам, она мне рассказала, что сперва сердилась на нас за непонятное сокращение, а поняв, что оно для отвода глаз, для «непуганых идиотов», развеселилась. Часть эзотерических оборотов в публикациях тех лет определялась необходимостью обмана цензоров и редакторов.

О наших трудностях узнал Ю.М. Лотман, к тому времени сам со своими тартускими друзьями и учениками двигавшийся от культурно-исторических исследований к семиотическим. Он предложил нам помощь в издании трудов, в Москве запрещенных, и в устройстве конференций, которые в то время в столице стали невозможными. Так возникла тартуско-московская семиотическая школа – в большой степени ее быстрое создание было стимулировано строгостью официальных запретов.

Первые встречи в Тарту были для всех настоящим праздником. Но и о них доложили кому надо. Нас попросили рассказать о том, что мы делаем в Тарту, на заседании дирекции Института. Топоров потом сказал мне, что общее настроение в нашу пользу установилось с самого начала. Большинству присут-

ствовавших заведующих отделами наше направление поисков показалось интересным. С этого времени завязывается научное сотрудничество с В.Д. Королуком и его сектором, продолжавшееся до его болезни, а потом продолженное его преемниками.

Но все же существовало негласное мнение, по которому дирекцией нам предписывалось по преимуществу заниматься лингвистикой, не переступая ее границ. Об этом от меня узнали Лотман и его жена З.Г. Минц. Поэтому, когда они задумали большую блоковскую конференцию в 1975 г., Лотман прислал мне приглашение не на нее, а на устроенное им особое мероприятие. В специальном письме он просил меня в эти дни приехать в Тарту для доклада о бинарных оппозициях (которыми я в то время на самом деле много занимался) для методологического семинара его кафедры. Дирекция нашего Института приняла мудрое решение: разрешить мне командировку, но послать вместе со мной лингвиста Смирнова из сектора, параллельного нашему. Предполагалось, что он расскажет о том, как я себя вел и не нарушил ли положенных табу. Когда мы с женой уселись в поезд, неожиданностью было то, что Смирнов уже сидел в соседнем купе. Но когда в шесть утра поезд пришел в Тарту, наступила очередь удивляться Смирнову. На площадь перед вокзалом высыпали все москвичи, приехавшие на блоковскую конференцию. Откуда столько народу? – недоумевал Смирнов, ничего о конференции не знавший.

Заседания конференции начинались рано, а меня надо было послушать до них, чтобы все могли потом на нее успеть. Смирнова пригласили на назначенный ранний час. Все собрались, а его нет. Без него начинать нельзя. Он должен в Москве все сообщить тем, кто его послал. Лотман берет такси и объезжает те места в Тарту, где Смирнов мог спокойно выпивать. У них был свой собственный Смирнов с той же фамилией и с теми же общественно полезными функциями. Московского Смирнова нашли у Смирнова тартуского, привезли, я прочитал доклад. Из приехавших на блоковскую конференцию Лотман пригласил на этот семинар с моим докладом и С.С. Аверинцева. Тот послушал, пришел в искренний восторг и воскликнул: «Вячеслав Всеволодович! Вы же занимаетесь поэтикой Бога». Может быть, это замечание и осталось незамеченным и прошло мимо Смирнова. Но по окончании конференции я встретил его на улице. Он с беспокойством спросил меня, не буду ли я возражать, если он еще задержится. В Тарту ему понравилось. Наши роли внезапно переменялись, теперь он у меня спрашивал, можно ли ему остаться. Когда мы возвращаемся в Москву, оказывается, что Смирнов объявляет специальный доклад у себя в секторе: в нем он пересказывает мой доклад. До того он мало слышал об этой науке. Был занят другим. Я начал его приобщение к знанию. Дирекция не возражала.

Из числа международных научных проектов нам удалось благодаря энергии польских друзей – М. Майеновой и С. Жулкевского – начать сотрудничество с польской семиотической группой. Сперва оно касалось стиховедческих занятий, которыми я занимался вместе с акад. А.Н. Колмогоровым и М.Л. Гаспаровым. У нас в Институте в аспирантуре работала М.А. Красноперова, написавшая серьезное исследование в этой области. Во время короткого перерыва между запретами на поездки мне и Топорову довелось в Варшаву съездить на симпозиум по семиотике вместе с С.К. Шаумяном (тот к тому времени заведывал вновь созданным структурным отделом в Институте языко-

знания¹). Симпозиум в Варшаве продолжал отчасти тематику нашего предыдущего семиотического. В нем участвовал Роман Якобсон, с которым мы – Топоров и я – там наговорились вволю; из Парижа приехал тогда еще малоизвестный Ролан Барт с докладом, где он излагал идеи транслингвистики, за много лет до того опубликованные Бахтиным (о нем Барт впервые услышал в Варшаве от меня). Польские семиотики были замечательны – среди них был Хмелевский, открывший сходство древнекитайского языка с исчислениями математической логики, и несколько логиков из числа принадлежавших к блестящей варшавско-краковской школе. Больше всего меня поразило, сколько, несмотря на все превратности истории, в Польше в поколении старше меня и Топорова оставалось людей среднего возраста, искренне преданных науке и человечески надежных: у нас большинство их сверстников погибли в лагерях и на фронте. Многие из этих чудесных польских ученых, как А. Богуславский, потом играли видную роль в Солидарности.

Жизнь Сектора в Москве богатством еженедельных докладов, их смелостью и разнообразием соперничала с лучшим, что удавалось видеть во время редких выездов за границу. Самые для нас интересные из заграничных гостей выступали на секторе с докладами, как А. Вержбицка и французский математик Рене Том – создатель теории катастроф и математических моделей морфогенеза (в выступлении у нас он прилагал их к языку и теории сюжета). Я не преувеличу, если скажу, что подобная свобода обсуждений в то время, кроме нашего сектора, в Москве была разве что в Музее изобразительных искусств им. Пушкина. В нашем Институте работал в соседней комнате над создаваемой им новой областью знания – ностратикой гениальный В.М. Иллич-Свитыч; друживший с ним (будущий чл.-корр. РАН) В.А. Дыбо (когда-то мой аспирант) разрабатывал новую систему сравнительной акцентологии. Их семинар привлекал выдающихся новых ученых, как Старостин, не раз и нам рассказывавший о своих работах. К акцентологическим новшествам Дыбо и Иллича-Свитыча в одной из своих книг примкнул и состоявший в нашем секторе будущий академик А.А. Зализняк (студентом я его знал с первого курса, когда принимал у него экзамен по введению в языкознание: ему принадлежит красивая по сути и по виду запись моего первого курса по сравнительной грамматике индоевропейских языков; он был соавтором нашей с Топоровым первой совместной общей статьи по семиотике религии). Воздух Института (как и всей научной эпохи) дышал большими открытиями. В Институте каждый из нас занимался любимыми темами. Накладываемые обстоятельства ограничения касались в основном работ, считавшихся плановыми и допускавшихся потом в печать.

Мне и помогавшему мне ученому секретарю Сектора (незабываемому энтузиасту науки И.И. Ревзину, а после его смерти – Т.М. Николаевой, вернувшейся к этой роли, которую она исполняла и в самые первые годы существо-

¹ С.К. Шаумян благодаря своим родственным связям со знаменитым большевиком-героем пользовался поддержкой в ЦК партии, что он использовал для пропаганды структурализма. В Институт языкознания С.К. Шаумян пришел по приглашению его директора В.В. Виноградова из нашего Института еще в пору реализации постановления 1960 г. – оно писалось в расчете на то, что Шаумян возглавит сектор, создававшийся в нашем Институте; но, перебежав к Виноградову, который хотел в новой ситуации приблизить к себе влиятельного структуралиста, Шаумян опрокинул первоначальные планы, после чего и обратились к В.Н. Топорову.

вания Сектора) приходилось время от времени совершать бюрократический обряд. Мы шли с набросками своих планов к курировавшему сектор заместителю директора Ю.В. Богданову. Вместе с ним нужно было установить, какие работы обозначаются как плановые. Это требовало некоторого знания страхов и намерений начальства и полета воображения. Дорогой ценой наших мучений остальные сотрудники получали возможность почти безоблачного существования на протяжении целого года. Моя жена мне сочувствовала и мечтала о времени, когда и я мог бы, укрывшись за чьей-нибудь широкой спиной, спокойно заняться только своими собственными разысканиями.

Дополнительные сложности возникли в середине 1960-х годов. По моей инициативе несколько сотрудников Сектора участвовали в подписании коллективных писем протеста против возобновившихся политических преследований. Нас стали вызывать к начальству. Так называемые подписанты должны были потом оправдываться перед дирекцией, с каждым из них беседовавшей.

На одной из бесед нам говорили, что не нужно было сразу писать письма, а можно было бы сперва довести свое мнение до руководства Института. Я напомнил об этом заместителю директора Резонову (в духе русских пьес XVIII в. он соответствовал своей фамилии), когда пришел к нему выразить свой официальный протест по поводу вторжения наших войск в Чехословакию. Он меня выслушал, пообещал довести мое мнение до высоких начальников и после этого включил меня в список сотрудников, которым давали читать секретный «Белый ТАСС», содержащий много подробностей происходившего.

О вторжении в Чехословакию я снова заговорил, когда ко мне пришли из партбюро с требованием послать для работы в колхоз (на картошку) нескольких сотрудников (в том числе двух докторов наук – Зализняка и Ревзина). Я сказал, что отказываюсь сделать это, даже если в угол комнаты Сектора поставят танк и наведут на меня его орудие. Бессмысленность растраты человеческих сил меня поражала. Заявление подействовало. От меня отступили. Мы оставались беспартийным и крамольным Сектором. За это приходилось расплачиваться.

Многим – в частности, тем, кто не хотел каяться – и просить пощады – разговоры в дирекции надолго закрывали дорогу на поездки в заграницу. Мне, Топорову и другим сотрудникам Сектора нередко приходили из-за рубежа приглашения приехать на конференцию или читать лекции. Нас нигде не пускали (после варшавского симпозиума меня ни в одну страну – 17 лет, в так называемые капиталистические страны за пределы зоны советского влияния – 30 лет – столько же, сколько после изгнания из-за поддержки Пастернака я не мог преподавать в Московском университете).

Иногда об официальной реакции на полученное дирекцией приглашение я узнавал косвенным образом. Однажды я получил телеграмму от восточно-немецкого видного лингвиста – финно-угроведа вице-президента берлинской академии *Штейница*. Он желал мне выздоровления и сообщал, что приглашение остается в силе вплоть до моего выздоровления. В этом особом смысле оно так и не наступило. Вернувшийся из поездки в ГДР директор Института Хренов отвел меня в сторону и сказал: «Вы знаете, кто там к Вам хорошо отнесется?», мучительно поморщился, вспомнил что-то из меню и выпалил: «*Шниц!*»

Более занимательным был официальный ответ на приглашение приехать в Сорбонну, посланное от имени Леви-Строса и Вернана. Как они мне рассказа-

ли много лет спустя, когда я туда, наконец, добрался, им ответили, что в Академии много Ивановых и меня среди них не удалось разыскать.

Ото всего этого у академических чиновников сложилось представление обо мне как о человеке, которым можно угощать видных приезжих. А с наступлением разрядки их число увеличивалось. Как-то мне позвонили довольно поздно ночью из дирекции. Они передавали наказ из Президиума Академии. Мне поручается встречаться с итальянским лингвистом Бонфанте. Я хорошо знал и использовал его прекрасные работы 1930-х годов, но никогда до того его не видел. Живость и многосторонность интересов этого сверхмоложавого старика меня порадовала. Он удивлялся, почему Академия наук его так пышно принимает. В свое время он, правда, был в республиканской Испании, а потом бежал от фашистов в Нью-Йорк, где дружил с Романом Якобсоном в созданном тогда беглыми эмигрантами из Европы Вольном Институте высших исследований. Но по возвращении в Италию он был среди немногих известных людей, не разделявших популярные во всей стране левые взгляды. Наш директор и другие официальные люди в Академии, невзирая на это всячески хотели его угодить. Он прочитал лекцию об этрусском языке, которым я перед тем начал серьезно заниматься. Мы много говорили с ним о науке, ходили с ним и моей женой Светланой в кино, развлекали как могли. Меня он очаровал тем, как в первую же встречу попросил разыскать в другой гостинице молодую даму из Германии, с которой вместе Бонфанте летел в Москву, – его сердце оставалось молодым. Потом мы с ним виделись и при его следующих наездах в Москву и – когда для меня открылись запертые ворота в мир – у него дома в Риме.

Еще большее волнение у чиновников вызвал приезд делегации калифорнийского института, специализировавшегося на парапсихологических исследованиях. Для того, чтобы их принимать, не годилось достаточно жалкое помещение нашего Сектора в доме возле Белорусского вокзала, куда переехал институт из уютного особняка Армандов. Комната бывшей фабрики-кухни показалась начальству неподходящим местом для разговоров о запретных духовных темах. Меня просили в этот день обосноваться в кабинете зам. директора. В назначенный час я увидел входящего в это кабинет американца средних лет в одежде буддийского монаха. Он рассказал мне о времени своего обучения дзен-буддизму в Японии, о буддийском монастыре возле Сан-Франциско. Мне довелось встретиться с ним дважды уже в новые времена. Когда в начале перестройки еще раз пожаловала подобная делегация и был устроен советско-американский симпозиум на вновь дозволенные полуокультурные темы, он был одним из главных участников. А второй раз, когда я читал лекции в Стэнфорде, он меня пригласил отметить с ним вместе День благодарения под Сан-Франциско. Он повез меня в дом своей бывшей жены. Она в этом дзен-буддийском домике живет с их общей дочкой и своей подругой-лесбиянкой. За столом с нами была и дочь этой подруги, рожденная от тоже присутствовавшего гомосексуалиста, давшего свою сперму для ребенка. Мой монах живет в другом штате с новой приятельницей. Из Калифорнии он уехал после отраженного в печати (и даже в посвященной ему книге – почти бестселлере) сексуального скандала, когда один из богатых спонсоров буддийской общины увидел сандалии своей жены у входа в келью монаха, оказавшегося ее любовником. Я получил урок теперешних нравов и изнанки святош.

Контакты с Западом и поощрялись (если так распорядилось высшее начальство), и считались крайне опасными.

В нашем Институте большие сложности возникали после отъездов за границу. В Израиль эмигрировал успешно у нас работавший Дима Сегал. Госбезопасность, и так не сводившая с нашего Сектора глаз, вовсе ополоумела. Через отдел кадров сделали попытку завербовать бедную Волоцкую. Она была перепугана и стала сходить с ума буквально на глазах у кагэбэшников – по своему тоже перепугавшихся. В припадке безумия она призналась, что ее вербовала женщина-зубной врач из Южно-Африканского Союза, которая пыталась получить у нее диссертацию о русском словообразовании. Некоторых из моих знакомых вызывали и допрашивали по этому делу. Границы между сумасшествием и деятельностью спецслужб не существует.

В самом конце 1970-х годов мое положение в Институте с официальной точки зрения было удивительным: я оставался в должности заведующего сектором, хотя уже несколько раз было пропущено время, когда было положено снова переаттестовать меня в этой должности. Для этого требовались обычные письменные характеристики благонадежности (в том числе – при всей моей беспартийности – и от партийного бюро). А их давать не хотели или боялись. Увольнять же меня или отстранять от должности директор Д.Ф. Марков тоже не решался.

В качестве зав. сектором я должен был участвовать во всех ответственных обсуждениях. Холодная война разгоралась. Членам дирекции и руководителям секторов велели прийти всем на занятие по гражданской обороне в подzemелье под зданием Московского университета на Ленинских Горах. Длинный спуск в лифте – словно проваливаешься под земную кору. Входим в огромный и очень мрачный зал. Занятие ведет человек в военной форме. Он нам сообщает, что это подземелье – бомбоубежище нашего Института, куда мы должны направиться в момент объявления воздушной тревоги. Меня поражает это с точки зрения топографии – Институт находился в Трубниковском переулке, и оттуда добраться до Ленинских Гор было нелегкой задачей и в мирное время. Но никто не выражает удивления. В Америке знакомая из высших чиновников мне сказала, что к убежищу в Скалистых горах предполагали доставить вертолетами только заведующих отделами госдепартамента, но не более мелких служащих. А в автобиографическом романе покончившего с собой одаренного польского писателя-эмигранта Косиньского описывается такое противоядерное бомбоубежище в Калифорнии, куда в случае тревоги будет допущена вдова знакомого с владельцем убежища умершего миллионера, но не ее теперешний друг-эмигрант. Левиафаны на всех широтах отвратительны. Возвращаюсь в Москву.

Наш инструктор разворачивает отпечатанную цветную карту. На ней показаны вероятные пожары улиц Москвы после попадания в них бомбовых ударов. Он спокойно, подробно и очень по-деловому (как-никак это – его специальность) рассказывает о том, как будет гореть город и что случится с отдельными его частями. Ко мне подходит один из членов нашего партбюро – специалист по новейшей истории, ни до ни после этого никогда со мной не общавшийся, и с ужасом мне шепчет: «Это противно всему человеческому».

Лекция тем временем продолжается. Мы узнаем малоприятную новость – бомбоубежище настолько глубокое, что оно находится ниже уровня город-

ской канализации. Не надо беспокоиться, будут приняты все меры, чтобы нас не затопило.

Нам показывают дверцы больших шкафов. Там должна находиться пища, рассчитанная на время нашего пребывания в убежище. «Ее завезут сюда вовремя». Мы достаточно знаем порядки в стране, чтобы быть уверенными – если каким-то чудом добежим сюда и нас не затопит нечистотами, умрем здесь с голоду и отсутствия питья.

Я и до того часто поглядывал на те швы над эскалаторами на стенах зданий метро, где мы предполагали увидеть намек на будущие щиты, которые появятся там «в случае чего». Теперь, когда молодежь с увлечением читает описания этих «гермозаторов» и других подробностей будущих подземных убежищ в научно-фантастических романах Дмитрия Глуховского о московском метро, я начинаю размышлять о границах оптимистического воображения. Ведь надеяться на то, что кто-то там выживет, – значит быть достаточно легковерно благодушным. Я довольно хорошо знал академика Ю.Б. Харитона – руководителя той части ядерного проекта «Арзамас», в которой участвовал А.Д. Сахаров. Мне рассказывали, как Харитон вместе с членами семьи любовался видом звездного неба. Из него вдруг вырвалось признание – он задумывается, сколько из этих миров – след ядерных войн, которые до тла сожгли астральные тела. Когда я рассказываю об этом знакомым ученым, они возражают – никто ведь не доказал, что такое возможно, мы не знаем, сколько бомб понадобится, чтобы Земля не «показалась звездой» (как в стихах Блока об этом), а оказалась ею. Во всяком случае, ученый нашего времени смотрит на звездное небо не глазами Канта. И гадает, расплавится ли вся земная кора.

Эти переживания вместе со знакомством с предсказаниями Римского Клуба (сообщества ученых, делавших серьезные прогнозы на компьютерах), о которых я узнал от дружившего с моими родителями и со мной акад. П.Л. Капицы, заставили меня всерьез задуматься над судьбой человечества, его возможной гибелью в середине XXI в. и задачей его спасения. Я написал первый набросок статьи об этом, прочитал его знакомым студентам – товарищам учившегося в университете сына. Они не были заинтересованы. К продолжению этих занятий я смог обратиться больше десяти лет спустя, когда вместе с другими экспертами ООН готовил Копенгагенскую встречу в верхах (ни Клинтон, ни Ельцин на нее не приехали, она была сорвана). Эксперты образовали группу «Триглав» – по названию места в Словении (возле Любляны), где мы впервые собирались в 1994 г. Я продолжаю участвовать в работе «Триглава», в нашем сборнике, к которому писал предисловие В. Гавел, напечатал статью «По пути в ноосферу», развивающую идеи Вернадского. «Триглав» (неправительственная организация, ассоциированная с ООН) надеется способствовать созданию мирового правительства с целью предотвращения глобальных угроз, опасность которых удесят�еряется с каждым годом.

К концу 1970-х годов моя давнишняя болезнь, о которой я упоминал, все больше мешала ходить, понадобилось устроить непростую операцию. По просьбе знакомых академиков в ее организации участвовало тогдашнее академическое начальство. Это при значимости каких-то неуловимых личных связей в стране полного беззакония неожиданно помогло другим сторонам моей жизни – после 30 лет оказалось возможным защитить заново (на другую – теперь балто-славянскую – тему) докторскую диссертацию – предыдущую (хеттологическую) ВАК намеренно потерял и за три десятилетия не мог собрать-

ся найти. Спустя месяца два после защиты в Вильнюсе (в самой России смельчаков не было) мой литовский друг просил меня приехать. Выехав со мной на машине за город, он рассказал, что и новая диссертация со всем делом о защите потеряна ВАКом. Вернувшись в Москву, я написал письмо лингвисту Степанову, ведавшему диссертациями в ВАКе. Я объяснял ему, что не рассчитываю прожить еще столько же лет, сколько прошло между двумя защитами (я ошибся – как раз сейчас я мог бы попробовать защититься в третий раз). Диссертация нашлась, как сообщил моей жене позвонивший ей в День Победы Степанов – он поздравил ее с Победой и с обнаружением пропажи.

Оказалось, что и поездки в восточноевропейские страны снова стали (на время) возможными. Но характеристику для очередной поездки должен был утвердить райком партии. Меня туда привел представитель нашего партбюро. Он изрядно волновался – или трусил? Секретарь райкома, послушав мое личное дело, спросила: «Как могло выйти, что Вы, такой ученый, столько лет не были за границей?» Я ответил: «По разным причинам. В том числе и потому, что у меня болела нога». На это она возразила: «Ну, если из-за ноги, тогда, когда поедете обратно, не спешите, берегите ногу». Я вспоминаю теперь ее совет. А в тот год оказалось возможным съездить еще и по приглашению в Венгрию, где нам с женой Светланой удалось встретиться со Светланиной матерью Раисой Орловой – ее вместе с мужем Львом Копелевым указ Брежнева двумя годами раньше лишил советского подданства, когда они поехали в гости к Генриху Беллю. Встреча с Раей еще раз убедила меня в том, что от всевидящего глаза все же иногда можно ускользнуть – в это именно время, пока мы собирались в Венгрию, мою жену разыскивали, чтобы распросить о немецком студенте, приносившем нам письма от ее родителей.

Последняя из чудо-поездок тех лет была в Польшу. Совместные занятия с польскими учеными продолжались. Я тогда продолжал заниматься афазиями – расстройствами речи, вызванными поражением речевых зон коры. В этих занятиях с польской стороны участвовала Межеевска. Своей категорической настойчивостью (я не уйду отсюда, пока вы этого не сделаете, – говорила она) Межеевска добилась обещания от нашей дирекции, что по окончании военного положения меня пошлют для занятий с ней в Польшу. Ее не решились послушать. Для меня это был урок, как надо себя вести. Все было выполнено по договоренности с ней. Из самых сильных впечатлений того времени – встреча с Попелюшко. Я был на устроенной им службе, в которой участвовали делегации разных заводов, и подпольные поэты солидарности читали свои стихи. В следующий приезд в Польшу я был у этого же костела на могиле Попелюшко – его убили агенты охранки.

При всем трагизме основного сюжета фарсовая сторона преследует неотступно: во время поездки в Польшу снова со мной вместе был послан тот самый Смирнов из другого сектора. В Варшаве я долго был в гостях дома у одной из сотрудниц Института литературоведческих исследований. Когда возвращаюсь около полуночи в гостиницу, у моего номера стоит дожидаящийся меня Смирнов – он расположился в соседнем номере, как тогда в купе. «А я уже начал волноваться, не случилось ли чего с Вами», – жалуется он мне.

О том, что я в не совсем обычном положении в Институте, мне напомнил телефонный звонок примерно зимой 1982 г. Очень зычный и уверенный в себе голос мне сообщил, что я назначен ведать работой по лингвистике во вновь созданном Научном Совете «Сознание» при правительстве: религией в нем

должен заниматься С.С. Аверинцев, математикой – Ю.И. Манин. Их обоих я хорошо знал, мы дружили. Мое назначение меня не удивляло – я тогда много занимался не только афазией, но вообще связью языка с полушариями мозга, делал об этом доклады, писал статьи и книги. Смущало то, что все обставлялось таинственно (как все серьезные научные дела в те годы холодной войны и как поход в бомбоубежище), и надо было прийти в какую-то неведомую простым смертным комнату в академическом здании на Волхонке, 14 (где висела мемориальная доска о выступлении там Сталина в начале 1930-х годов). На улице было очень холодно, в Институте философии на втором этаже климат тоже не был тропическим. В загадочной комнате, куда я пришел, работал какой-то дополнительный нагревательный прибор и было очень жарко. Владелец зычного голоса сидел в очень хорошо натопленном помещении в подтяжках, без пиджака, за подобием шлагбаума, охранявшего его и его владения. Нас обоих ждала неожиданность. Он мне не поверил, что я заведу сектором в академическом гуманитарном институте. Копии личных дел всех руководителей секторов должны были находиться у него в этой комнате за шлагбаумом. Он был в недоумении. Я вдруг понял – система меня на время потеряла. Мой друг поэт Д. Самойлов говорил, что мы можем жить, потому что у нас в стране главная наука – целеведение. Знание того, в какую щель можно залезть, обманув бдительность возможных преследователей. Для нашей семиотики такой щелью до поры до времени были занятия в Тарту и Кяэрику (спортивная база университета под Тарту, Лотманом превращенная в трамплин для прыжка семиотики в будущее). Для меня щелью оказался Сектор, которым вопреки всему я продолжал заведовать. Границы русской безалаберности неисчерпаемы и иногда она заменяет отсутствующую свободу.

Среди тем, которыми, согласно утвержденным планам, мы не только должны, но обязаны были заниматься, был погребальный обряд. На его примере можно было попробовать соотнести лингвистические реконструкции с археологическими данными. Составив программу конференции о погребальном обряде, я потом подумал, что сплошная тематика погребений едва ли поднимет настроение слушателей. А меня с юности занимали идеи «Философии общего дела» Федорова, редчайшее первое (алма-атинское – Петерсон-старший был в этом городе в ссылке при царизме) издание которой было в библиотеке моего отца. Наш с Топоровым университетский учитель Петерсон был сыном ученика и душеприказчика Федорова, в юности перепечатывал его труды на пишущей машинке-ремингтоне, хранил у себя дома рукописи недопечатанных частей «Философии общего дела». Я думал, что и реконструкции, которым Петерсон нас учил, – попытки воскресить во плоти – в звуках – речь наших умерших предков. Меня всегда волновало то, как федоровская задача добиться с помощью науки физического воскрешения мертвых отразилась в «Про это» Маяковского, в прозе Платонова и в замечательных картинах Чекрыгина. Я позвал на заключительный доклад на конференции знатока философии Федорова Светлану Семенову. Среди мной приглашенных был талантливый генетик Кирилл Гринберг. Он потом взял у меня для чтения том Федорова (его как раз переиздали, но испугались и не знали, как распространять, – я его получил как подарок от ДОСААФ Института – может быть намек не на воскрешение, а на то, что до него?). Кирилл был поражен. Идея музея в его генетическом воплощении особенно его потрясла. Мы знали, что пора клонирования

близка. Кирилл умер рано, но я от него узнал о близости чаяний Федорова к надеждам науки недалекого будущего.

А поездки на время оборвались. Иностранная комиссия Союза писателей взялась было меня оформлять в Югославию на конференцию по авангарду. И тут они обнаружили, что родители моей жены и где они находятся. Мне передали, что по словам кагэбэшника, входившего в районную комиссию по выездам, меня больше никогда не выпустят за границу. Система меня обнаружила, но ей самой недолго оставалось жить.

Были трудности с присуждением сотрудникам Сектора (даже таким с международной славой, как Топоров) давно ими заслуженных степеней. Для этого опять-таки требовались утвержденные институтским «треугольником» (дирекцией, профкомом и партбюро) характеристики. Как-то я заговорил об этом с В.К. Волковым, тогда секретарем партбюро (позднее он стал директором). Мы стояли у ворот, которые вели во двор особняка Армандов. Волков изощрялся в формулировке остроумных характеристик ситуации («поворот налево всегда запрещен»). По его словам, помочь нашим сотрудникам никак не удавалось, хотя он отлично понимал и не без блеска описывал абсурдность ситуации.

Хотя и с большим трудом, но все же вопреки всему удавалось привлечь в Институт талантливую молодежь. Сперва в аспирантуру, потом в штат сотрудником удалось не без труда зачислить очень одаренного Е. Хелимского. Я принимал у него вступительный экзамен по венгерскому (которым успел позаниматься в Будапеште). Его способности меня вдохновляли. Как-то я предложил на заседании сектора сделать через неделю доклад о соотношении тохарских языков с повлиявшими на них финно-угорскими. Это не было прямой областью интересов Жени. Но ко времени моего доклада он успел подготовить свой содоклад. Благодаря его знаниям и энергии удалось провести в разгар перестроечных волнений международную конференцию по связям финно-угорских языков с индоевропейскими. Хелимский был одним из главных вдохновителей бурно развернувшихся в это время работ по установлению родства семей языков внутри макросемей – мы до сих пор сохраняем первое место в мире в этой вполне новой части сравнительного языкознания.

В годы перед перестройкой я по-прежнему еще не мог читать лекции в университете. Беспокоило то, что пропадают неиспользованные возможности. Я пробовал начать лекции для институтской молодежи (я пробовал это делать в разное время за годы работы в Секторе). Ход событий все повернул. Через несколько лет я снова в Московском университете, а перед этим – в Историко-архивном институте (потом РГГУ) – у Ю.Н. Афанасьева.

Перемены в стране сделали возможными многочисленные поездки – упомяну первую. На «Запад» – в Турцию! – там был ассириологический съезд, куда мы поехали с моим соавтором и другом акад. Т.В. Гамкрелидзе и бывшим моим аспирантом-хеттологом В.Г. Ардзинбой (впоследствии – президентом Абхазии). Навсегда я запомнил и одну из первых и самых значимых конференций – в Бергамо в Италии об отце Павле Флоренском, изданием и изучением трудов которого мы занимались еще тогда, когда стали печатать их в лотмановских трудах по знаковым системам. Когда я вернулся из Бергамо, один из институтских недоброжелателей прошипел мне на ухо, что не одобряет этой поездки и ее темы.

Но должен сказать, что это было редким исключением. Большинство знакомых и даже малознакомых сотрудников Института (не исключая и членов партбюро, неожиданно оказавшегося весьма передовым) помогали мне во всех начинаниях времени перестройки (недаром меня очень большим большинством выбрали в создававшийся новый демократический ученый совет Института) – в общеинститутском семинаре, куда для рассказа о Катюши я пригласил Н.Я. Эйдельмана, в обсуждениях, предшествовавших моему выдвижению в народные депутаты от Академии наук СССР, и в последовавших моих депутатских отчетах после того, как меня выбрали, и я пробовал выполнять указы институтских избирателей.

В те годы я часто видел отца Александра Меня. В один из самых подробных наших разговоров он мне внушал, что в мире мафий у нас должен быть ответ им и мы не должны отказываться от административных обязанностей. Он уговорил меня согласиться с решением общего собрания сотрудников Библиотеки иностранной литературы, которые выбрали меня новым директором. Тогда я должен был пожертвовать своим заведыванием сектором. Я рад, что сменившая меня Т.М. Николаева (когда-то моя студентка, занимавшаяся у меня хеттским языком, потом работавшая со мной в группе машинного перевода Института точной механики и вычислительной техники – и столько лет в нашем Институте) сумела продлить жизнь Сектора, обновив его состав и привлекая все новых молодых сотрудников. Для меня Сектор – большая часть зрелой счастливой жизни со всеми украшающими и утяжеляющими ее включениями, невзгодами и взлетами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Иванов Вяч.Вс.* Академик А.И. Берг и развитие работ по структурной лингвистике и семиотике в СССР // Путь в большую науку: Академик Аксель Берг. М., 1988.
2. *Иванов Вяч.Вс.* Из истории кибернетики в СССР: Очерк жизни и деятельности М.Л. Цетлина // Очерки истории информатики в России / Ред.-сост. Д.А. Поспелов, Я.И. Фет. Новосибирск, 1998.

А.Н. ГОРЯИНОВ. В России и эмиграции: очерки о славяноведении и славистах первой половины XX века. М., 2006. 319 с.

Новая монография А.Н. Горяинова – плод многолетнего упорного труда по восстановлению важнейших событий в истории отечественной славистики. Эти, в большинстве случаев трагические, события не могли не оказать значительно-го влияния на дальнейшее развитие славяноведения в России, последствия которого еще не до конца осмыслены.

Замысел написать многоплановый научный труд по истории славистики в России, как сказано в предисловии к книге, возник в Институте славяноведения еще в 70-е годы XX в. Однако возможность его осуществления появилась лишь в конце 1980-х годов благодаря знакомству с «выпущенной» из спецхранов литературой. По словам А.Н. Горяинова, задачи и структура его работы продиктованы желанием рассмотреть оставшийся почти незатронутым период 20-х годов XX в. в развитии университетской славистики и восполнить недостающие сведения о жизни и творчестве видных историков-славистов конца XIX – первой половины XX в.

Далее следуют девять различных по тематике очерков, объединенных поставленной задачей и включающих, по замечанию Горяинова, результаты не только индивидуального труда автора, но и совместных с другими учеными работ ряда проблем.

В первом очерке «Идея “славянской взаимности” в 1920–1930-е годы: трактовка в Советской России и в среде эмиграции» – с одной стороны, характеризуется негативным отношением совет-

ских правительственных кругов к идее «славянской взаимности», которая противоречила большевистским принципам пролетарской солидарности, а с другой, подчеркивается настойчивое желание ряда известных ученых, оставшихся в России (Г.А. Ильинский, В.И. Пичета и др.) и эмигрировавших за рубеж, продолжить старые научные традиции изучения славянских народов.

В славянском движении, оживившемся в зарубежных странах, активное участие приняли русские эмигранты, резко настроенные против коммунизма. На страницах своей прессы они обсуждали будущую роль освободившейся от большевиков России в славянском мире. Советские лидеры попытались использовать это движение в своих политических целях и создали в 1931 г. в Ленинграде Институт славяноведения, публиковались статьи с обзором зарубежной славистики (чл.-корр. АН СССР Д.К. Зеленина) и освещением новых – советских – подходов к славистическим исследованиям (Н.С. Державина, В.Н. Кораблева и др.). Однако деятельность Института не оказала ожидаемого влияния на зарубежных ученых, продолжавших поддерживать «идею славянской взаимности», которая предполагала приятие России, но «отвержение коммунистической советчины». Институт был закрыт в 1934 г., а часть его сотрудников стали жертвами так называемого «дела славистов». Преследованию якобы за националистические взгляды подверглись профессор В.Н. Перетц, М.Н. Сперанский, чл.-корр.

АН СССР Н.Н. Дурново, Г.А. Ильинский, А.М. Селищев и др. Эти широко-масштабные репрессии привели к полному прекращению изучения истории и культуры западных славян в стране.

Лишь в конце 1930-х годов, когда славяноведение стало политически актуальным, в научных кругах проявился интерес к идеям «славянской взаимности», появились первые работы, где интерпретация этих идей стала возможной, хотя и в весьма сдержанной форме. Славяноведение начало возрождаться в СССР как историческая наука, но как подчеркивает автор, первые исследования проблем славянской солидарности были еще далеки от объективности.

Очерк «Советское университетское славяноведение 1920-х годов» насыщен огромным количеством фактов из жизни российских университетов переходного периода. Если в первые годы после революции в провинциальных университетах еще существовали кафедры славистики и продолжали свою деятельность крупные ученые (Т.Д. Флоринский, А.Л. Погодин, Г.А. Ильинский, В.Э. Регель и др.), то с начала 1920-х годов многое изменилось. Киевский, Харьковский, Одесский, Казанский университеты были преобразованы в институты народного образования, в них были упразднены старые гуманитарные факультеты. Автор прослеживает состояние славяноведения как научной дисциплины в провинциальных и двух столичных – Московском и Петербургском – университетах. Бесконечные перестройки их структуры и направленности обучения привели к самым плачевным последствиям – к разрушению старой системы образования и потере многих научных традиций в области славяноведения, которые создавались несколькими поколениями отечественных славистов. Судьба русских ученых, работавших в этот период, сложилась по-разному: одни вынуждены были эмигрировать, другие были лишены возможности работать, третьи – наиболее энергичные (А.М. Селищев, Г.А. Ильинский) – пытались бороться за сохранение и развитие университетского славяноведения. Усилия этих самоотверженных людей имели временный успех – Селищеву удалось организовать в МГУ преподавание славистиче-

ского цикла южных и западных славян, который впервые сложился как комплексная дисциплина, включавшая филологический и историко-политический компоненты.

Но уже в 1930–1931 гг. этот цикл был закрыт, и в 1932 г. в МГУ полностью прекратилось изучение славистических дисциплин. Однако применение комплексного подхода к изучению зарубежных славян стало важным вкладом в историю отечественной славистики, и выпускники этого первого цикла стали впоследствии известными специалистами в разных отраслях славяноведения.

Один из центральных в книге – третий раздел «Д.Н. Егоров: научная деятельность и судьба медиевиста» – читается с большим интересом. Как показано в разделе, Д.Н. Егоров в дореволюционные студенческие годы вращался в среде историков Московского университета, находился под влиянием П.Г. Виноградова и впитал в себя традиции старой научной школы – уважение к источникам, поиск самостоятельных подходов к изучению исторических проблем и т.д. Начало его пути в науку, было типичным для многих историков: он собирал материалы для своих исследований в европейских странах, установил контакты с немецкими учеными, был знаком с крупнейшим медиевистом либерального направления Карлом Лампрехтом. Уже в ранние годы творчества он заявил о себе как незаурядном мастере-источниковеде, выработавшем свой «комбинированный метод» анализа источников, что позволило ему дать убедительные характеристики многим историческим памятникам (например, «Хронике славян» Гельмольда и др.). Егоров успел до революции и в первое десятилетие советской власти частично реализовать свои исследовательские способности.

Главный труд Д.Н. Егорова «Славяно-германские отношения в Средние века: Колонизация Мекленбурга в XIII в.» – представлен в разделе как весьма оригинальное, основанное на источниках исследование, выводы которого не оставляли равнодушными немецких историков и второй половины XX в. От себя можно добавить, что и теперь зарубежные авторы солидных работ продолжают ссылаться на труд Егорова.

После Октябрьской революции жизнь ученого изменилась. Он включился в активную организационную деятельность по созданию высших учебных заведений в Екатеринбурге, занялся архивным делом, а затем стал работником формирующейся на базе Румянцевского музея крупнейшей Московской библиотеки (с 1924 г. – библиотеки им. В.И. Ленина). Но уже в конце 1920-х годов успешная деятельность Егорова как ученого и организатора библиотечного дела, его умение поддержать на международных форумах престиж отечественной науки вызвали, по словам автора, раздражение главы советской исторической школы М.Н. Покровского, выступившего в ноябре 1928 г. в газете «Правда» с нападениями на «специалистов-немарксистов». Начавшаяся вскоре травля «буржуазных» ученых и членов Академии наук завершилась «Академическим делом», которое коснулось непосредственно и Егорова. Он был арестован по ложному обвинению в контрреволюционной деятельности и шпионаже. Все это надломило здоровье ученого и, высланный после годичного заключения в Ташкент, он умер от сердечного приступа в 1931 г.

В целом же этот раздел представляет собой сжатое, но достаточно глубокое исследование и, может быть, первый серьезный шаг к дальнейшему изучению деятельности известного ученого.

О творчестве В.И. Пичеты написано немало статей в 70-е годы XX в., но в них «белым пятном» оставался период его жизни, который совпал с временем репрессий партии и правительства против инакомыслящих ученых. В очерке А.Н. Горяинова «В.И. Пичета, его убеждения и его трагедия» восполнены эти пробелы – выяснены причины гонений на ученого, более подробно рассмотрены его общественно-политические взгляды, отношение к проблемам «славянской взаимности» и доктринам славянофильства.

Самый трагический период в жизни Пичеты почти детально восстановлен Горяиновым благодаря привлечению ранее не использованного источника – стенограммы конференции 1928 г., опубликованной во втором номере «Бюллетеня ВАРНИТСО» (Всесоюзной ассоциации работников науки и техники в помощь социалистическому строительству СССР).

Автор аргументировано объяснил причины недовольства партийно-правительственных организаций общественной позицией Пичеты, занимавшего тогда пост ректора Белорусского университета. Арест, а затем и пребывание в тюрьме довели ученого «до высшей степени отчаяния», о чем свидетельствует записка Пичеты, впервые полностью приведенная в книге Горяинова.

Дальнейшая судьба ученого – жизнь в воронежской ссылке, затем освобождение в апреле 1935 г., работа в Москве – так же полна драматизма и неосуществленных надежд. Его желание уже в послевоенный период вернуться к рассмотрению идеи славянского единства и роли России в защите независимости южных и западных славян не встретило поддержки официальных кругов.

Очерк Горяинова – это новое слово о В.И. Пичете, которое значительно расширяет наше представление об исторических взглядах крупнейшего историка-слависта.

Интересен очерк о начале научной биографии известного отечественного исследователя С.А. Никитина. Привлечение ранее неизвестных материалов дало возможность автору выяснить истоки жизненной позиции ученого, который в глазах коллег в середине XX в. оставался замкнутым и загадочным человеком. Читатель найдет здесь ответы на вопросы почему Никитин молчал, когда его обвиняли в таких страшных по тем временам грехах, как буржуазный объективизм и политическая индифферентность, почему не являлся членом партии. Через характеристику личности и деятельности Д.В. Никитина, дяди Сергея Александровича, автор раскрывает семейный уклад Никитиных, те связи, которые позволили молодому человеку соприкоснуться с миром Л.Н. Толстого и его окружения.

Воспитанный в лучших традициях демократически настроенной интеллигенции, С.А. Никитин оказался неготовым принять все перемены, связанные с победой Октябрьской революции и торжеством марксистской идеологии. За это он заплатил несколькими годами ссылки и отлучения от научной работы, что не могло не сказаться на его характере.

Далее Горяинов останавливается на общественной и научной деятельности известного болгарского коммуниста и историка Георгия Бакалова, который в 20–30-е годы XX в. жил и работал в России. Ему, как показано в очерке, принадлежит немалая заслуга в создании нового, советского славяноведения, которое стало рассматриваться как комплекс научных дисциплин при ведущей роли Новой и новейшей истории.

Два последующих очерка – первый о долголетней дружбе и научных интересах оставшегося в России В.И. Срезневского и эмигрировавшего А.Л. Бема и второй – о научном сотрудничестве московского талантливого филолога Г.А. Ильинского и оказавшегося в Болгарии М.Г. Попруженко – раскрывают еще один аспект темы развития славяноведения, устойчивости и плодотворности научных связей. К имеющимся сведениям об этих ученых автор добавил новые данные об их жизни и творчестве, о планируемых и осуществленных ими исследованиях, и, главное, о переписке, запечатлевшей атмосферу эпохи. В первом очерке показана самоотверженная археографическая и библиографическая работа В.И. Срезневского в стенах библиотеки Академии наук, которая не была по достоинству оценена советскими чиновниками, предпринявшими попытку разрушить созданное Срезневым Рукописное отделение библиотеки. Трагичной оказалась судьба Г.А. Ильинского. Его письма к Попруженко, приведенные во втором очерке, показывают, по словам автора, как характерная для большевиков политика идеологизации науки, их постоянное стремление ограничить научные исследования рамками прикладных задач губили науку вообще и славяноведение в частности. Репрессии в отношении славистов коснулись и Ильинского: он был расстрелян в декабре 1937 г. И только благодаря усилиям М.Г. Попруженко были продолжены и завершены труды Ильинского по кирилло-мефодиевской библиографии.

Последний очерк с необычным названием – «Кремация в Праге, или Как профессор А.Л. Петров превратился в “академика”» – акцентирует внимание читателя на скандальной истории, произошедшей после кончины в Праге

проф. А.Л. Петрова и связанной с желанием советского правительства превратить похороны ученого в пропагандистскую акцию. Показывая заботу о советских гражданах, правительство через своего полпреда отменило похороны ученого по церковному обряду, соответствовавшему его образу жизни, и попыталось внушить мысль, что умерший был советским академиком, преданным коммунистическим идеалам. Однако принятые меры не убедили зарубежную общественность: в Чехословакии знали Петрова как ученого иных убеждений, который жил и умер в тяжелых условиях, а возможность вести большую исследовательскую работу была для него обусловлена финансированием со стороны чехословацких академических и правительственных учреждений.

Сообщенные в очерке данные о научной работе А.Л. Петрова, посвятившего всю свою жизнь изучению истории, этнографии, культуры Закарпатья, розыску и обнародованию источников о прошлом этого края – также являются важным вкладом в отечественную славистическую историографию.

Книга заканчивается прекрасно написанным заключением, где автор еще раз подчеркивает, что все представленные в ней очерки раскрывают одну тему – тему трагедии отечественного славяноведения в 20–30-е годы XX в. И нельзя не согласиться с его утверждением, что никакие материальные, организационные трудности и идеологические препоны не смогли «отменить» славяноведение как отрасль научного знания.

Книга снабжена несколькими приложениями, в числе которых библиография, имеющие самостоятельную ценность, и впервые опубликованный в России бесцензурный вариант статьи Г.А. Ильинского «Что такое славянская филология?»

В заключение следует сказать, что книга А.Н. Горяинова, безусловно, имеет общественную значимость и научную ценность. Собранный и обобщенный в ней материал интересен для любого читателя, неравнодушно к истории своей страны, и необходим для исследователей, занимающихся славяноведением.

T. PUŠKADIJA-RIBKIN. Emigranti iz Rusije u znanstvenom i kulturnom životu Zagreba. Zagreb, 2006. 304 s.

Т. ПУШКАДИЯ-РЫБКИН. Эмигранты из России в научной и культурной жизни Загреба

У нас не так много людей, знающих хорватский язык, еще меньше специалистов, кто занимается русскими беженцами на Балканах, не говоря уже о Хорватии. Поэтому я считал необходимым и написать свое мнение о труде нашей соотечественницы Татьяны Витальевны Рыбкиной, по мужу Пушкадия.

Сразу хочу заявить, что сам выход такой книги в Хорватии свидетельствует о многом. По сути дела ее исследование предназначено прежде всего для всех тех, кого интересуют вопросы, связанные с «жизнью» русских в Загребе, следовательно и в Хорватии, с их деятельностью на поле хорватской культуры, с накоплением и обработкой разнообразной информации, в том числе биографического характера, по беженцам из России.

Не хочу сказать, будто русская тема в Хорватии была табу. Нет, совсем нет. В стране давно и плодотворно работают такие исследователи, как М. Багарич, И. Лукшич, М. Медарич. Многого ими уже сделано, особенно в сфере исследования русского вклада в культуру страны, ознакомления с результатами своей работы коллег на различных европейских международных конференциях.

Однако у нас в России, к сожалению, практически нет историков, которые бы занимались русской эмиграцией в Хорватии. Тому, конечно, можно найти множество уважительных причин, поэтому тройне ценны исследования наших коллег из Хорватии, позволяющие составить определенную картину, вернее, ряд картин о «бытии» в стране, гостеприимно встретившей русских беженцев и делавшей все, что было возможно для изгнанников.

Совсем немного об авторе: родившаяся в семье русских, хранящих родовую память об изгнании и прибытии в Загреб,

Татьяна Витальевна не является профессиональным историком. Много лет она отдала архивному делу, работая реставратором в Хорватском государственном архиве. Уже находясь на пенсии, лет десять тому назад начала, как пишет ко мне в письме, «заниматься эмигрантами из России первой волны в Хорватии», собрав все найденные ею многочисленные сведения в упомянутую книгу.

Разнообразие содержащейся в ней информации позволяет говорить об энциклопедичности издания. В книге есть данные от устройства новой жизни в Королевстве сербов, хорватов и словенцев до списка тех, кто ее закончил в хорватской столице. Плотность представленной Т.В. Рыбкиной-Пушкадия информации высока до такой степени, что вытесняет обычно присутствующую в книгах «воду», позволяющую облегчить сам процесс чтения. Сухой стиль письма периодически «взрывается» вводом в текст материалов, например писем личного характера. Так, освещая тему гражданства в годы Коминформбюро, когда на все советское власти смотрели как на нечто вражеское, автор пишет, что в 1950 г. одному русскому предложили принять югославское гражданство с условием отречения от советского, он ответил «гражданство не рубаха, которую нужно менять по ситуации». Тогдашние политические обстоятельства, подчеркивает Т.В. Рыбкина-Пушкадия, обусловили арест и отправку в концлагерь на Голом острове шести десятков русских, отбывавших наказание вместе с «неблагонадежными» югославами.

Сжато, но емко автором прослежена и освещена организация и деятельность в Загребе различных кружков, обществ, союзов, объединений, клубов, чисто русских, смешанных, имевших как просвети-

тельские цели, так и политические. Приведу только некоторые названия, чтобы подчеркнуть их разнообразие: Русский кружок раскольников, Русско-славянское общество, Югославянское общество друзей национальной России, Общество друзей Советского Союза в Хорватии, Музыкально-литературное общество «Серый волк», Русский теннисный клуб, Общество русских юристов с секцией драматической студии, Русский Красный Крест, Общество Мариинских сестер, Союз русских студентов, Академическая группа русских ученых, Национально-трудовой союз нового поколения, Украинское студенческое общество, Украинское общество «Просвещение», Общество друзей украинцев в Загребе, Российский общевойсковой союз, скауты, Союз за возвращение на Родину. Всего в Загребе действовало примерно 60 организаций, детальное исследование деятельности многих из них еще ждет своего автора.

Большое место в книге занимает тематика, связанная с образованием русских беженцев в различных учебных заведениях Загреба, прежде всего в университете, где не только учились русские студенты, но и преподавали русские профессора. При этом приведен пофамильный список студентов различных факультетов по годам выпуска (с 1920-х до начала 1950-х годов), что само по себе является важной информацией для исследователей русского образования в зарубежье.

Вклад русских в науку и культуру Загреба раскрывается автором через со-

ставленные во многом по архивным данным сжатые биографические справки, примерно на 140 человек – от профессора Загребского университета геолога Н.П. Абакумова до художника В.И. Жедринского. Здесь заслуга автора состоит прежде всего в раскрытии новых имен и их биографий, доселе неизвестных или мало известных.

В качестве приложения автором написаны два очерка: больница Русского Красного Креста в замке Лобор и Русская драматическая студия в Загребе. Эти два сюжета значительно дополняют имеющиеся представления о жизни и деятельности русских на хорватской земле.

Одна из ценностных характеристик рецензируемой книги, повторю, состоит в том, что приводимые автором различные списки русских загребчан, например участников народно-освободительной борьбы в Югославии в годы Второй мировой войны, могут послужить импульсом к новым исследованиям.

И последнее замечание: книга отлично проиллюстрирована, причем хочу подчеркнуть – не только по содержанию, но и по качеству представленных фотографий.

И как итог: книга Татьяны Витальевны Рыбкиной-Пушкадия незаменима для исследователей русской диаспоры в Хорватии.

© 2009 г. В.И. Косик

Славяноведение, № 4

Н.М. ВАГАПОВА. Русская театральная эмиграция в Центральной Европе и на Балканах. СПб., 2007. 237 с.

В серии «Русское зарубежье. Истоки и исследования» вышла книга Н.М. Вагаповой «Русская театральная эмиграция в Центральной Европе и на Балканах». Герои ее труда – русские режиссеры, актеры, сценографы, волею судеб занесенные после Октябрьской рево-

люции в славянские государства Европы, сумели включиться в театральную жизнь этих стран и внести достойный вклад в их культуру. Н.М. Вагапова выделила несколько наиболее значительных фигур: режиссеров и создателей театральных школ Юрия Львовича Ракитина, возглав-

лявшего многие годы режиссуру Национального театра в Белграде, Бориса Николаевича Путяту, ставшего режиссером Люблянского Национального театра и Николая Осиповича Массалитинова, многие годы занимавшего пост главного режиссера Национального театра в Софии, а также двух блистательных актрис – Марию Николаевну Наблоцкую, признанную словенцами «словенской актрисой», «нашей Наблоцкой», и Марию Николаевну Германову, возглавившую вместе с Массалитиновым Пражскую группу МХТ. Всем им, как и замечательному художнику сцены Владимиру Ивановичу Жедринскому, который оформлял спектакли в Сербии, Хорватии, Словении, Чехии, а затем и в разных городах Франции, посвящены отдельные очерки.

Эти деятели русского театрального искусства, впрочем как и многие другие упомянутые в книге, до своего вынужденного отъезда из России были уже сложившимися профессионалами. За плечами Ракина была школа Станиславского и Мейерхольда, у Массалитинова и Германовой – опыт актерской и режиссерской работы в МХТ, а Путята и Наблоцкая отдали немало лет провинциальным русским театрам и театру Корша. Оказавшись в сценических коллективах славянских стран Центральной и Юго-Восточной Европы, они, в отличие от многих театральных деятелей-эмигрантов, попавших в Западную Европу и Америку, – и это особо подчеркивает автор книги – не только вписались в иноязычную культурную среду и заняли в ней весьма почетное положение, но и внесли весомый вклад в развитие национальных театров тех стран, в которых им довелось жить и работать. Очерки об отдельных людях театра дополнены очень важным и ценным исследованием, названным автором «По следам Пражской группы артистов МХТ».

Однако, как замечает Н.М. Вагапова, о том, как складывались судьбы наших соотечественников в славянских государствах, работой заслуживших там благодарную память, в нашей стране известно очень мало. «Между тем, – продолжает она, – труды наших соотечественников в зарубежье принадлежат не только исто-

рии театра европейских славянских стран. Они составляют неотъемлемую часть истории русского театра» (с. 12). Исходя из этого, она точно формулирует цель своей работы: восстановить жизнь и творчество замечательных русских режиссеров, актеров и сценографов в годы их работы в национальных театрах Сербии, Словении, Чехии и Болгарии. Поставленную перед собой задачу она выполнила в высшей степени профессионально. Ее работа опирается на поистине огромный материал наших музеев и библиотек, архивный материал Белграда, Загреба, Любляны, Праги и Софии, личные архивы Ю.Л. Ракина и Н.О. Массалитинова, их переписку (часть впервые опубликована на русском языке в качестве приложения). В ней используются также иллюстративные документы – афиши, программы спектаклей, сохранившиеся эскизы декораций и костюмов. Помимо того, Н.М. Вагапова знакомит читателя с недоступной у нас зарубежной прессой, прежде всего славянских стран 1920–1930-х годов, рецензиями на постановки русских режиссеров – они помогают ей восстановить атмосферу тех лет и реакцию на те или иные сценические работы. По крупицам собирая сведения о жизни и творчестве наших талантливых соотечественников, чтобы реконструировать рисунок поставленных ими спектаклей, показать их скрупулезную работу с актерами и реформаторские режиссерские усилия, высоко оцененные критикой и публикой, она тем самым раскрывает суть того вклада, который они внесли в развитие театральной культуры, в первую очередь балканских стран.

Привлечение свидетельств отечественных и зарубежных мемуаристов и впервые обнародованных автором книги на русском языке статей и рецензий театральной прессы нескольких славянских стран, позволило Вагаповой, тоже впервые, выстроить в нашем театроведении в общих чертах историю группы «московских пражан», начиная с их гастролей под руководством В.И. Качалова и странствий Пражской группы артистов МХТ под руководством Н.О. Массалитинова и М.Н. Германовой. Со всей возможной

тщательностью Наталья Михайловна прослеживает путь этого уникального театрального коллектива, стремившегося за рубежом сохранить репертуар и педагогические принципы Художественного театра и долгие годы носившего гордое название мхатовцев, анализирует его гастрольный репертуар и реакцию на него и тогда, когда он базировался в Праге, и когда переехал в Югославию. Это позволило ей расширить хронологию деятельности пражской группы за рубежом с 1921 по 1931 г. Отмечает она и постепенное снижение в последующие годы уровня исполнителей ролей второго плана, распад ансамбля и переход на систему «звезд».

Отмечая практически полную неизученность в нашей стране истории театральной интеллигенции в зарубежье, Н.М. Вагапова с особым уважением говорит о большом внимании к этой теме иностранных славистов. Она приводит оценки и суждения сербских, хорватских, словенских, болгарских театроведов – Й. Лешича, Б. Стойковича, П. Марьяновича, О. Миланович, Н. Батушича, И. Лукшич, Дж. Ковачича, Д. Моравца, Н. Тиховой, А. Каракостовой. Все они в той или иной мере освещают работу русских театральных деятелей в истории национальных театров и в специальных театроведческих трудах. Приведу в качестве примера процитированные Н.М. Вагаповой размышления автора «Истории югославского театра» (1986) Й. Лешича о Пражской группе. «Что касается “художественников”, – пишет он, – то благодаря стечению обстоятельств, связанных с Октябрьской революцией, все сложилось иначе. Не только Станиславский приехал в Загреб, показав антологический репертуар своих ролей и постановок, но и многочисленные его ученики и последователи, как подлинные, так и апокрифические, кто группами (“отколовшиеся” и Пражская группа артистов МХТ), а кто лично (Массалитинов, Греч, Павлова, Ракитин) в течение двух десятилетий в разных вариантах (в качестве актеров, режиссеров, педагогов) и непосредственно, через репертуар, и путем интерпретации драматургии,

причем интенсивно и непрерывно, оказывали влияние на наш театр» (с. 137).

Следует отметить еще одну очень важную сторону исследования Н.М. Вагаповой. Будучи одним из ведущих театроведов-славистов в нашей стране, и в первую очередь специалистом по истории югославского театра, она дает краткое, но емкое представление о состоянии театрального дела в славянских странах, о местных традициях актерской игры и режиссуры к тому времени, когда в культурную жизнь этих стран включились русские деятели искусства. Чтобы раскрыть воздействие русских режиссеров и сценографов на театральную культуру Сербии, Словении, Болгарии, автор книги помещает ее героев в соответствующий национальный контекст, рассказывает о работе, которую они вели с актерами этих стран, отдавая при этом дань восхищения талантом сербских, словенских и болгарских актеров и режиссеров. Ее внимание привлекает складывающееся содружество русских специалистов и национальных коллективов. Она подробно описывает, например, возникшие творческие связи между хорватским режиссером Б. Гавеллой и В.И. Жедринским во время постановок шекспировских пьес и трилогии хорватского писателя М. Крлежи «Господа Глембай». Очень важны и отмеченные в книге контакты Н.О. Массалитинова с болгарскими драматургами Й. Йовковым, Р. Стояновым, С. Костовым, сложившиеся в работе над их пьесами, или с поэтом Н. Лилиевым, переводчиком драмы А.К. Толстого «Царь Федор Иоаннович». Дорогого стоит приведенная ею выраженная болгарскими драматургами публичная благодарность русскому режиссеру «за тонкость и профессионализм, за удивительную для иностранца интуицию, с которой он сумел схватить все, что мы стремились вложить в свои пьесы» (с. 118).

Мне хотелось бы высказать лишь одно пожелание автору очень содержательной и прекрасно написанной книги. Продолжая разрабатывать тему русской театральной эмиграции в зарубежных славянских странах, – а я не сомневаюсь, что эта работа будет продолжена, – стоит, на мой взгляд, еще раз вернуться к по-

становке Ю.Л. Ракитиным пьесы М.А. Булгакова «Зойкина квартира» (1934). В ее освещении есть еще неясности. Причины развернувшегося вокруг нее в Белграде скандала Н.М. Вагапова справедливо видит в первую очередь в идеологических и политических перипетиях. Ее не приняли ни правые, ни левые круги югославской столицы. Защищая режиссера и его прочтение пьесы Булгакова «как яркого сатирического гротеска» (с. 62), Н.М. Вагапова не подвергает сомнению ни такую трактовку, ни соответствующее сценическое оформление спектакля, выполненное Жедринским «по принципу балаганного ярмарочного представления» (с. 62). При этом мне кажется сомнительным суждение, что Ракитин, работая над спектаклем, вряд ли задумывался над политическим звучанием пьесы (с. 48). Ведь спустя десяток страниц сама Вагапова пишет, что, уговаривая дирекцию театра включить в репертуар пьесу Булгакова, Ракитин ссылался как раз на то, что в ней объективно разоблачался большевизм. Более того, раскрывая смысл художественного оформления спектакля Жедринским и отмечая его установку на не сводимое к злободневным выпадам широкое сатирическое обобщение, Вагапова в то же время обращает внимание на такие существенные детали, как изображение на заднике Красной площади – на ее фоне происходило развлечение гостей Зои Денисовны – или на «красные комнатки», которые, отмечает она, «содержали намек и на «красный фонарь», и на излюбленный цвет большевистской символики» (с. 44). Полагаю, что в Югославии было известно и о запрете в СССР (в 1929 г.) «Зойкиной квартиры», поставленной в театре им. Вахтангова. Но даже не в этой идейной подоплеке, на мой взгляд, заключалась вся суть конфликта. Видимо, в не меньшей степени речь может идти о качестве перевода пьесы Булгакова на сербский язык и ее режиссерской трактовке, на что, кстати, обращали внимание и рецензенты. Ведь не случайно М.А. Булгаков после неудачи белградской постановки – и об этом пишет автор книги – счел необходимым сделать новую редакцию пьесы для французско-

го театра. В письме к брату он, определяя жанр своего произведения как трагикомедию, отмечал, что подход к этой пьесе должен быть более тонким. Но, приводя эти суждения, автор книги считает, что они, как и некоторые отрицательные мнения сербских критиков, возникли из-за незнания самой постановки. Наверное, это имело место. Однако, нельзя не учитывать и того, что, видимо, могли быть и просчеты в самом режиссерском решении. И только приняв во внимание все обстоятельства, можно будет сделать окончательный вывод о том, удачна или неудачна была постановка Ю.Л. Ракитина. Ведь ничего подобного не случилось в Любляне, когда в 1935 г. Б. Крефт поставил там булгаковскую «Кабалу святош» («Мольер»), а в 1938 г. Б. Ступица в Национальном театре Белграда выпустил спектакль «Мольер». Мне понятно стремление исследователя отметить плодотворность усилий русского режиссера, но вряд ли путь его складывался из одних удач.

Прочитав книгу Н.М. Вагаповой, нельзя не согласиться с ее финальным выводом, к тому же не голословным, а подкрепленным тщательно исследованными фактами. В нем звучит закономерное признание заслуг «московских пражан» (и не только их) в том, что «они превратили вынужденное изгнание в высокую культурную миссию» (с. 170).

Хочется также обратить внимание на симптоматичность предпосланного к книге ее автором развернутого посвящения двум своим учителям – Илье Ильичу Толстому и Илье Николаевичу Голенищеву-Кутузову, людям, чьи судьбы напоминают судьбы основных персонажей ее исследования. Оба они прошли дорогами эмиграции, вернувшись после Второй мировой войны в Россию, и воспитали – И.И. Толстой как профессор МГУ, а И.Н. Голенищев-Кутузов будучи сотрудником ИМЛИ – несколько поколений русских славистов, которые, как и автор посвящения, хранят о них добрую, благодарную память.

Ландшафты культуры. Славянский мир / Отв. ред. И.И. Свирида.
М., 2007. 352 с.

Книга «Ландшафты культуры. Славянский мир» – великолепный подарок всем, как исследователям, так и любителям, кто интересуется проблемой взаимодействия культур и цивилизаций с географической средой, географическим пространством, тем, как культура преобразует окружающий ее мир в ландшафты и образы пространства. Она подготовлена Отделом истории культуры Института славяноведения РАН (автор и ответственный редактор сборника доктор ист. наук И.И. Свирида) и является очевидным продолжением предыдущих проектов Отдела, связанных с проблемой культурного пространства: «Натура и культура. Славянский мир» (1997), «Культура и пространство. Славянский мир» (2004). Кроме этого, в содержательном плане книга связана также с такими исследованиями Отдела, как «Культура и история. Славянский мир» (1997) и «Оппозиция сакральное/светское в славянской культуре» (2004).

Все исследования, включенные в сборник, распределены по трем основным рубрикам: «Ландшафт – фольклор – сакрум», «Ландшафт и история», «Ландшафт в эстетическом сознании и художественном тексте». Книга открывается внушительной – как по источникам, использованным при написании текста, так и по очень серьезной концептуальной проработке вопроса – статьей И.И. Свириды «Ландшафт в культуре как пространство, образ и метафора». Следует сразу отметить, что и вступительная статья, и ряд других статей, помещенных в сборнике, выходят за содержание за пределы обозначенного в названии ограничения славянским миром. Хотя подавляющее большинство представленных работ относится к славянской тематике, да и автор вступительной статьи оперирует чаще всего примерами из славянского культурного мира, тем не менее, отмеченное нами содержатель-

ное «нарушение» оказывается очень полезным и плодотворным. Читатель книги сразу включается в общую проблематику ландшафтов культуры, увязанную со столь различными областями научного знания, как история, культурная география, культурология, искусствоведение, этнография, философия, литературоведение. И.И. Свирида – как автор проекта в целом и автор вступительной статьи – исповедует здесь открытый, междисциплинарный взгляд на проблему, что делает особенно интересным и ее анализ динамики ландшафтного восприятия мира в культуре, и само построение сборника, в котором есть такие работы, как «"Культурный ландшафт" XX века: "Без судьбы" Имре Кертеса» Ю.П. Гусева и «Конструирование ландшафта в китайской традиционной культуре» Е.В. Волчковой.

Разделение проблематики ландшафта в культуре во вступительной статье И.И. Свириды на собственно пространство, образ и метафору представляется нам важным и интересным. Все эти точки зрения имеют свое право на существование. При этом следует понимать, что рассмотрение ландшафта как метафоры в какой-либо культуре может иногда довольно сильно увести исследователя от некоего вполне реального геокультурного пространства. В то же время собственно пространство может изучаться весьма различными способами, в рамках которых понятие ландшафта может и не использоваться. Исследование ландшафта как образа кажется «средней линией», наиболее уравновешенной концептуальной позицией. Автором выбран термин «ландшафт культуры», который, на наш взгляд, хорошо «работает» и довольно близок понятию географического образа, используемого автором рецензии и рядом его коллег (см. научные и культурно-просветительские альманахи «Гуманитарная география». Вып. 1–4. М.,

2004–2007). Есть ли содержательные различия между понятиями ландшафта культуры и культурного ландшафта? Учитывая, что в современной России сложилась довольно прочная научная – теоретическая и прикладная – традиция изучения культурных ландшафтов (причем существуют весьма разные версии понимания культурного ландшафта), следует попытаться соотнести в содержательном отношении эти понятия. И.И. Свирида пока не дает строгих разграничений, полагая, что необходимо, видимо, первоначально создать общее концептуальное поле, а затем уже проводить более четкие содержательные границы. На наш взгляд, в современной методологической ситуации подобный подход является верным, что, конечно, не отменяет в будущем более точных отграничений и «размежеваний».

Обратимся к более подробному анализу представленных в сборнике рубрик. Первая рубрика – «Ландшафт – фольклор – сакрум» невелика по объему; в нее включены всего три статьи, посвященные восприятию ландшафта в народной культуре и в религии. Здесь стоит сразу выделить, как всегда, яркую, экспрессивную работу Г.Д. Гачева «Ландшафт и религия». Статус его текста (как, впрочем, и большинства его текстов) переходный; его трудно отнести к строго научному, но именно это и позволяет автору сформулировать, с одной стороны, вполне геодетерминистские идеи в русле заявленной темы, а с другой – найти весьма неожиданные эмоционально-образные аспекты взаимодействия ландшафта и различных религий. В отличие от него, два других автора – Л.Н. Виноградова и М.В. Лескинен следуют классическим научным методам, что позволяет им выявить характерные особенности, соответственно, ментального образа ландшафта (интересный термин – sic!) в народной культуре и ландшафта Святой земли в описаниях паломников конца XVI в. Так или иначе, выделение рубрики в целом оправдано, именно в ней проясняются наиболее общие культурные коллективистские или архаические (домодерные) архетипы, связанные с порождениями глубинных ландшафтных образов.

Во второй рубрике – «Ландшафт и история» сведены вместе работы, посвященные, как правило, формированию образов ландшафта в разных центрально- и восточноевропейских странах и культурах (включая, кстати, и Венгрию) в определенные исторические эпохи, относящиеся уже целиком к Новому и новейшему времени. Тут есть и вполне традиционные постановки тем (например, статьи Н.М. Филатовой «Идея географического детерминизма в Польше. Просвещение и романтизм» и А.А. Литвина «Городской ландшафт на российских крупномасштабных картах. 1700–1840-е гг.»), и не очень привычные тематические повороты (например, исследование Г.П. Мельникова «Историко-ландшафтная оптика чешского барочного патриотизма»). Как безусловно «осевые», четко попадающие в main stream всей книги, можно отметить работы Л.Е. Горизонтова «Новые земли империи в зеркале культурных традиций: Новороссия Г.П. Данилевского» и Т.И. Чепелевской «Ландшафт как элемент идентификации и самоидентификации в словенской культуре». Наиболее богатой по высказанным в ней идеям и мыслям нам представляется уже упомянутая выше статья Г.П. Мельникова, в которой дана очень яркая и запоминающаяся характеристика ландшафта чешского барокко, – историчность этого ландшафта неотделима по существу от конкретной географии и топографии Чехии. Автор даже сумел выделить так называемый шпорковский ландшафт, по имени чешского графа Франтишека Антонина Шпорка (1662–1738), крупного землевладельца и одновременно вольнодумца, «...создавшего собственную систему природопонимания через текст самой природы, трактуемой как выявление человеком ее скрытых символов, т.е. через культурный ландшафт» (с. 105). В своих имениях, Лысеннад-Лабой и Куксе, граф смог осуществить «тотальную сакрализацию ландшафта, включающую лес, поля с межевыми крестами, дороги, сакральные постройки и скульптуры, сады и парки» (с. 107). Раздел завершается довольно неожиданной по сравнению с предыдущими работами Ю.П. Гусева «Культурный

ландшафт” XX века: “Без судьбы” Имре Кертеса», в которой мы можем наблюдать очень тонкий анализ распада устоявшихся в течение Нового времени форм ландшафта в культуре, обусловленного, в том числе, жесточайшей политикой геноцида отдельных народов и создания концентрационных лагерей при тоталитарных режимах (фашистская Германия, Советский Союз). Тем не менее, можно утверждать, что формируются какие-то новые, невиданные формы «голых», «бесчеловечных» ландшафтов, где небо и земля, по словам автора, могут меняться местами.

Самым обширным по количеству собранных статей и самым разнообразным по содержанию выглядит третий раздел книги под рубрикой «Ландшафт в эстетическом сознании и в художественном тексте» – восемь работ с фундаментальными экскурсами в области русской, украинской, словацкой, хорватской и даже китайской культур. Статья Е.В. Волчковой «Конструирование ландшафта в китайской традиционной культуре», которой завершается книга, подчеркивает и своеобразие славянского культурно-ландшафтного мира, и в то же время указывает на общие культурно-цивилизационные основы формирования ландшафтных образов. По сути, каждая работа в этом разделе требует подробного разбора; тем не менее, за недостатком места остановимся лишь на некоторых из них. Выделим сразу две «вершины»: это статья И.И. Свириды «Естественный ландшафт и сад в русском сознании: от игумена Даниила до Карамзина» и исследование К.В. Сергеева «Ландшафт как метафорическая модель описания культуры: “Образы Италии” Павла Муратова». В первом тексте мы обнаруживаем блестящий содержательный анализ динамики ландшафтных представлений в русской культуре, в котором даны уникальные описания обстоятельств появления таких ландшафтных топосов, как горы, море, лес, а затем и сад. Эта работа как бы дополняется следующей – «Пейзаж в русской культуре второй половины XVIII века» И.М. Марисиной – в ней исследуется становление образа идеально-городского пейзажа на примере, в

частности, дома Пашкова в Москве. К.В. Сергеев, в отличие от И.И. Свириды, придерживается в своей работе несколько иной исследовательской стратегии: его интересует, в общем, культурный прецедент неслыханной и вполне заслуженной популярности «Образов Италии» П. Муратова, но для его полноценного анализа он разрабатывает очень мощную в когнитивном отношении метафорическую модель ландшафта (по-видимому, единственную в данной книге со столь подробным описанием и столь целостной характеристикой). Помимо анализа собственно книги Муратова, автор анализирует в сравнительном аспекте творчество Пиранези, убедительно показывая, с одной стороны, когнитивную эффективность своей ландшафтно-метафорической модели и за пределами исходного частного примера, а с другой – демонстрируя методологическую значимость и важность ландшафта как метафорической модели описания фактически любой культуры. Не боясь польстить автору, скажем, что, несмотря на явную инновационность его модели (а может быть, благодаря этому), ему удалось описать смысл своих построений очень простым и одновременно очень красивым научным языком, без всякого наукообразия. Рискуя обидеть других авторов раздела, уклонимся все же от подробного разбора остальных статей, хотя практически каждая добавляет что-то новое в «копилку» общей темы книги. На наш взгляд, название третьего раздела сборника выглядит немного эклектично, однако это не помешало ответственному редактору выстроить и здесь довольно логичную и тематически связную линию с перекликающимися сюжетами: так, статья Л.А. Софроновой «Природное пространство в мифопоэтических измерениях: повесть Гоголя “Вий”» является ничем иным, как научно-исследовательским «триллером» с элементами саспенса (сам материал обязывает!) – нечто подобное мы можем наблюдать, уже в постмодернистском изводе, в работе Н.В. Злыдневой «Балканская Атлантида. Ландшафтные метафоры в романе Д. Угрещич “Форсирование романа-реки”».

Книга, несомненно, получилась – и это тем более важно, что на междисциплинарном поле ландшафтно-культурных и образно-географических исследований в России (в широком смысле их можно назвать гуманитарно-географическими) пока не так много примеров появления удачных монографий и коллективных сборников. Несомненно также и другое: в российской науке (с разных сторон, из разных дисциплин и научных направлений) формируется пока очень тонкое в концептуальном отношении общее исследовательское поле, которое можно назвать междисциплинарными гумани-

тарными исследованиями пространства. Подобные исследовательские поля довольно давно стали возникать за рубежом; наша страна не то чтобы запаздывает, но и не торопится пока признавать рождение такого междисциплинарного научного направления. Твердо помня, что все истинно новое рождается на стыках, стоит подумать и о постепенной институционализации этих исследований – хотя бы в рамках специально созданного центра РАН.

© 2009 г. Д.Н. Замятин

Славяноведение, № 4

Н. JAZBEC. Nemške izposojenke pri Trubarju na primeru besedila Ena dolga predgovor. Ljubljana, 2007. 114 s.

Х. ЯЗБЕЦ. Заимствования из немецкого языка у Трубара на примере текста «Одно длинное предисловие»

С именем протестантского проповедника Приможа Трубара связано начало создания словенского литературного языка, относящееся к периоду Реформации середины XVI в. До этого, о чем свидетельствуют сохранившиеся рукописи, словенский язык представлял собой совокупность отдельных диалектов.

Трубар был человеком образованным, воспитанным на идеях гуманизма и ценностях Ренессанса. Он состоял в переписке с известнейшими людьми своего времени, среди которых были Эразм Роттердамский, Максимилиан II, епископ-просветитель П. Бономо. В их лице он искал поддержки в осуществлении своей высокой просветительской миссии, результатом которой стало словенское печатное слово.

В 1547 г. из Вены в Люблян у пришел приказ об аресте проповедника-протестанта и его единомышленников. Так он первый раз попал в изгнание, бежал в Германию, в Нюрнберг. Оттуда он вернулся в Люблян только в 1561 г., но че-

рез четыре года опять был вынужден бежать, на этот раз навсегда.

В Германии, в изгнании, Трубар начал осуществлять свой «книжный» план. С помощью печатного слова он стремился преодолеть отсталость своего народа. Думая о его будущем, о судьбе родины, он хотел обратить земляков в новую веру. С этой целью и были напечатаны первые словенские книги – таким образом, словенский книжный язык обязан своим возникновением протестантской идее о том, что каждый верующий может читать Библию на своем родном языке.

В 1550 г. в Тюбингене были опубликованы две книги Трубара: «Катехизис» и «Букварь», первые печатные тексты на словенском языке. Их автор дерзнул издать книги на языке, который еще фактически не существовал, так что ему самому пришлось решать вопрос выбора литературно-письменной нормы и графики.

До своей смерти он написал и опубликовал свыше двадцати книг на словенском и две на немецком языке, перевел

Новый завет. В предисловиях к своим книгам Трубар всегда приводил в пример человека грамотного, благочестивого и добродетельного, желая разбудить в словенских читателях чувство национального самосознания, первым начал использовать выражения «словенец», «словенцы», «славяне», подчеркивая их родственность.

К книжному делу Трубар привлек целый ряд единомышленников, наследие которых представляют многочисленные тексты духовного содержания и буквари. Работа велась планомерно и целенаправленно, предпринимались попытки адекватной грамматической и лексикографической обработки словенского языка. За два года до смерти, в 1584 г., Трубар увидел издание первой грамматики словенского языка на латыни, созданное А. Бохоричем, – «Зимние часы» и полный перевод Библии, сделанный Ю. Далматином. Трубар похоронен в Германии, в Дерендингене. В его честь там названы улица и храм.

В связи с 500-летием со дня рождения П. Трубара в Словении в течение 2008 г. проходили разнообразные праздничные мероприятия, среди которых открытие выставки «Всем словенцам...» в парламенте РС, памятника Трубару в Национальной университетской библиотеке, выставки «Всем словенцам...» в доме-музее Трубара в с. Рашчица, проведение международной научной конференции «Прорыв пророческой мысли XVI века» в Мариборском университете. Важным международным событием стал симпозиум «Языки, идентичности, принадлежность центру и окраинам», подготовленный и проведенный Словенской академией наук и искусств. Центральным мероприятием юбилейного года стало празднование Дня реформации на государственном уровне.

За пятьсот лет своего существования словенский литературный язык успешно доказал свою состоятельность: в конце XVIII в. в результате реформ, проведенных Марией Терезией и Францем Йосифом, а также после Великой французской революции, его позиции изменились. Роль языка в общественной сфере существенно возросла – словенский язык получил официальный статус, его изуче-

ние было введено в школах, на него было переведено делопроизводство. Возникла необходимость в создании учебников, осуществлении переводов, обновлении религиозных текстов. После провозглашения в 1991 г. независимости словенский язык становится государственным языком Республики Словения.

К празднованию был приурочен и выход монографии «Заимствования из немецкого языка у Трубара на примере текста “Одно длинное предисловие”» словенской лингвистики Х. Язбец – важного для изучения истории словенского языка издания. Оно опубликовано Институтом Франа Рамовша при Словенской академии наук и искусств.

Рецензируемая книга состоит из предисловия, введения, 13 глав, заключения (дополнительно на немецком языке). Ее структура такова: первая часть содержит введение рассматриваемой автором темы в уже существующий научный контекст исследований о Приможо Трубаре и его деятельности, центральная часть – словарная – включает анализ немецких заимствований в словенском языке, в заключительной части предложены выводы.

В предисловии обоснованы цели и задачи книги. Автор сосредоточивает внимание на изучении немецких заимствований в первых словенских печатных текстах Приможо Трубара. Ее интересует число слов-заимствований, время их появления, причины, по которым Трубар их использовал, – было ли это связано с недостаточной выразительностью книжно-письменного словенского языка в целом или с тем, что они появились в народной речи раньше, и в текстах Трубара стали лишь следствием этого процесса.

Исследование немецких заимствований в словенском языке, в силу объективных причин, ограничено только текстом «Одно длинное предисловие». Это теологический трактат Трубара, опубликованный им в 1557 г. вместе с переводом первой части Нового завета. Автор книги, ссылаясь на исследования словенского ученого Й. Райхмана [1. S. 21], аргументирует свой выбор тем, что данное предисловие является авторской работой Трубара, внедряющей в националь-

ный обиход новый – научный – тип текста.

Первая часть книги содержит данные о словенских и немецких исследователях П. Трубара и их работах, о главных принципах теории заимствований и об истории словенско-немецких межъязыковых контактов.

В одной из вводных глав перечислены ученые, занимавшиеся или занимающиеся немецкими заимствованиями в словенском языке. В XIX в. к этой проблематике обращались Ф. Миклошич, А. Метзенауер, Г. Шухард и К. Штрекель, в XX – Я. Келемина, И. Графенауер, Й. Топоришич и Г. Стридер-Темпс. Последняя широко известна благодаря книге «Немецкие заимствования в словенском языке» (1963), до сих пор являющейся основным исследованием данной проблематики.

В следующей главе автором книги кратко изложены основные принципы теории заимствований в интерпретации Г.Г. Гока и Р. Филиповича. Она приводит обоснования заимствований по Г.Г. Гоку, к которым относятся необходимость в названиях новых вещей и явлений, ценность иностранного слова. В языке нет потребности в новом слове, но все-таки оно появляется (английское слово *trend* заимствовали немецкие социологи как *der Trend* с целью доказать, что они также ознакомлены с английской научной литературой, затем оно перешло и в словенский язык).

По Филиповичу, как отмечает Язбец, главными условиями для заимствования являются двуязычие говорящих, интерференция и интеграция (с. 11). Интерференция является результатом процесса переключения двуязычного говорящего с одного языка на другой, что приводит к нарушению нормы одного языка под влиянием другого. Интеграция – это прием внедрения иностранного языкового элемента в родной язык.

Далее рассмотрены дефиниции терминов «модель», «реплика», «импортация», «субституция», «адаптация» и применение заимствованных слов к системе флексий языка-реципиента. Особое внимание автор книги уделяет рассуждениям Филиповича о первичных и вторичных изменениях заимствованных слов и при-

менении правил словоизменений языка-реципиента (с. 11–13).

Говоря об истории словенско-немецких межъязыковых контактов, автор книги упоминает только о самых важных исторических данных, которые свидетельствуют о непосредственном влиянии немецкого языка на словенский.

В первой части также анализируются статьи словенских исследователей, посвященные языку Трубара. О нем писал Я. Риглер, который основой трубаровского языка считал люблянский городской говор с элементами двух диалектов – верхнеукраинского и нижнеукраинского. М. Орожен находит в языке Трубара следы редукции гласных, влияние синтаксиса немецкого языка, а исследователи М. Мерше, Ф. Новак и Ф. Якопин пишут о лексике и орфографии у Трубара (с. 18–20).

Теоретическая информация, содержащаяся в первой части, используется автором книги в ее основной части для последующего анализа немецких заимствований в тексте «Одно длинное предисловие». Автор находит и атрибутирует заимствованное слово, дает к нему словарную статью, объясняющую его значение и грамматические свойства. Благодаря электронной версии она подсчитала все слова-заимствования в трубаровском тексте.

Главной целью представленного анализа является уточнение времени появления заимствований. Здесь Х. Язбец опирается на книгу Г. Стридер-Темпс «Немецкие заимствования в словенском языке», этимологический словарь словенского языка Ф. Безлая, М. Сноя, М. Фурлана и словенский этимологический словарь М. Сноя.

Большинство заимствований, найденных автором книги в тексте, уже рассмотрены в вышеуказанных работах, но существуют и те, которые проанализированы впервые. Ко всем заимствованиям сначала нужно было найти семантический и фонетически соответствующий немецкий оригинал. Замещение отдельных немецких фонем словенскими должно соответствовать правилам фонетики замещения, которые в своей работе определила Г. Стридер-Темпс. Бесспорным вкладом в исследование языка Трубара является

анализ новых девяти слов-заимствований, найденных автором книги, а также уточнение ею времени появления ряда заимствований на основе их соответствия немецким оригиналам по значению и по фонетически сходным свойствам. При анализе каждого заимствования Х. Язбец использовала правила фонетики замещения, что помогло ей более точно определить время его появления. Как подчеркивает автор, при работе было важно отделить правила фонетики замещения от процесса развития диалектов словенского языка, который проходил позже. При решении этой проблемы она опирается на работы Ф. Рамовша по исторической грамматике и диалектологии словенского языка (1924, 1995) и Тине Логара (1996).

В заключительной части книги изложены результаты анализа текста Трубара и выводы автора. Перечислены все заимствованные слова и их хронология, на основании чего сделан вывод, что такие слова могут появляться в разные эпохи, поэтому бывает трудно определить точное время появления заимствования. Больше всего слов, согласно заключениям Язбец, было заимствовано словенцами из немецкого языка в XII в. В качестве доказательства ею найдено 92 корня, относящихся к этому периоду.

Автор подробно останавливается на вопросе включения заимствований в систему словенского языка. Она выделяет две большие группы существительных: группу существительных мужского рода с окончанием на согласный, так же как в немецком оригинале (*adamant* – ‘диамант’, *altman* – ‘командир’) и группу существительных женского рода с типичным для словенского языка окончанием *-a* (*adrya* – ‘ссора’, *arka* – ‘ковчег’). Анализ показал тенденцию включения заимствований, взятых из немецких существительных среднего рода с окончанием на согласный, в группу словенских существительных мужского рода (*antuerh* – ‘ремесло’, *kuffer* – ‘медь’). Причину этого автор видит в приспособлении звукового строя языка немецких оригиналов к системе окончаний словенского языка. Большинство заимствованных глаголов включено в категорию словен-

ских глаголов на *-ati, -am* (*cronati* – ‘короновать’, *drukati* – ‘печатать книги’), меньшее число – в категорию словенских глаголов на *-iti, -im* (*faliti* – ‘промахнуться’, *shkoditi* – ‘вредить’). Заимствованных прилагательных мало, они не имеют измененной формы (*falsh* – ‘неправильный’, *frai* – ‘свободный’), у них отсутствует словенский суффикс. При этом налицо словенские прилагательные (часто с иностранным корнем) с измененной формой, образованные от заимствованных существительных и глаголов (*norski* – ‘сумасшедший’).

Дальше речь идет о семантическом применении заимствований к системе словенского языка. Автор монографии устанавливает, что заимствования почти во всех примерах сохраняют значение оригинала. Часто при новом использовании слов уменьшается число их значений (так, слово «*adrya*» по-словенски значит «ссора», другое его значение – ругательство – осталось только в немецком языке. Иногда, когда слово полностью вошло в язык-реципиент и используется без ограничений, число его семантических значений может увеличиться (*regirati* в словенском языке обозначает «владеть», «господствовать», «назначать», «направлять» – в центральноверхнегерманском *regieren* – «господствовать»).

В конце автором книги приведены статистические данные анализируемого текста. Текст содержит 62 250 слов. Благодаря электронной версии определено число заимствований – 2 490, что составляет 4% от всех слов в тексте. Таким образом, можно утверждать, что язык Трубара, в целом, не является немецким. При анализе лексики в тексте найдено 157 различных корней, которые лежат в основе 276 заимствований. Приблизительно 80 заимствований появляется в тексте только один раз. Самые частотные слова-заимствования: *brumen* – ‘набожный’ (100), *Euangeli(um)* – ‘Евангелие’ (137), *gnada* – ‘милость’ (99), *leben* – ‘жизнь’ (143). По результатам анализа следовало бы ожидать больший процент немецких заимствований, что связано с прямым влиянием немецкого языка на словенский. Получается, что большинство заимствований уже присутствовало

в словенском языке и ими пользовались в разговорной речи. В самом тексте очень мало цитат Трубара (*altman* – ‘командир, начальник’, *ceremonia* – ‘месса’, *imer* – ‘всегда’, *kumer* – ‘печаль, грусть’, *lushtig* – ‘веселый’).

Окончательный вывод, к которому приходит автор книги, таков: создавая словенский литературный язык, Трубар уже в XVI в. сознательно избегал немецких заимствований.

Монография Х. Язбец вносит существенный вклад в изучение филологиче-

ского наследия этого выдающегося словенского ученого. В то же время книга дает толчок к новым исследованиям, в частности к анализу заимствований в словенском разговорном языке и в словенских диалектах.

© 2009 г. К. Огринц

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Rajhman J. Trubarjeva Epa dolga predgovor.* Ljubljana, 1986.

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «РУССКАЯ ЭМИГРАНТСКАЯ КУЛЬТУРА И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В МЕЖВОЕННОЙ ЧЕХОСЛОВАКИИ: ЛИНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА»

Конференция состоялась в Праге 8–10 октября 2008 г. Она была организована Славянским институтом (СИ) АН ЧР при сотрудничестве с Институтом славяноведения РАН и Славянской библиотекой (СБ) в Праге в здании Клементинума.

Начало конференции предваряли выступления директора Славянского института *Г. Ульбрехтовой* и директора Славянской библиотеки *Л. Бабки*, которые подчеркнули важность и актуальность изучения феномена российской эмиграции в истории межвоенной Чехословакии и отметили достигнутые успехи в этой области знания в современной Чехии и Словакии. О результатах исследований российских ученых и важности международного сотрудничества в сфере эмигрантологии говорилось в выступлениях *Е.П. Серапионовой* и *М.Ю. Досталь* (ИСл РАН). В частности, было подчеркнуто, что это вторая конференция, проводимая в рамках тесного сотрудничества между Славянским институтом АН ЧР и Институтом славяноведения РАН. Сборник статей по материалам предыдущей конференции 2005 г. в Москве «Русские ученые-гуманитарии в межвоенной Чехословакии» (отв. редактор *М.Ю. Досталь*) удалось издать только в 2008 г.

Доклады конференции были удачно распределены на ряд тематических блоков. Серию общих рефератов открыл доклад *М.Ю. Досталь* «Славистические

центры российской эмиграции в межвоенной Чехословакии», в котором речь шла о работе эмигрантов в славистических центрах ЧСР и эмигрантских научных учреждениях, их реальном вкладе в развитие чехословацкой и потенциальном в – отечественную (в условиях почти полной ликвидации этой дисциплины в СССР в 1930-е годы) науку. *Л. Белошевская* (СИ АН ЧР) в докладе «Специфика пражского центра русской зарубежной литературы и культуры» охарактеризовала примечательную деятельность наиболее крупных средоточий культурной жизни русской эмиграции – РЗИА, РКИМ, Семинария Ф.М. Достоевского А. Бема, «Скита поэтов» и др. В докладе *Л. Гарбулевой* (Прешовский ун-т) «Словацкая интеллигенция и русская эмиграция в 1920–1945 гг. (связи, сотрудничество, дружеские отношения)» говорилось о взаимосвязях русских эмигрантов В. Погорелова, Е. Перфецкого, П. Богатырева, В. Вилинского, Н. Лосского и других со словацкой интеллигенцией.

В следующем блоке докладов продолжалось освещение сотрудничества русских эмигрантов с чешскими коллегами в разных сферах культуры. *Ю. Янчаркова* (СИ АН ЧР) в докладе «Чешская культурная среда и русские художники-эмигранты» поставила вопрос об активном процессе вхождения в чешскую культуру и адаптацию в ней в особенности молодого

го поколения русских художников. В докладе *Е.П. Серапионовой* «Роль организации “Русско-чешское объединение [Еднота]” в развитии взаимных связей» приводились новые интересные сведения о работе этого центра и активном развитии двустороннего сотрудничества. *Д. Гашкова* (СИ АН ЧР) продолжила развитие этой темы в докладе «“Умелецкая беседа” и русская эмиграция».

После утреннего заседания в Славянской библиотеке состоялась презентация выставки фотографий, документов и книг «Парадоксы XX в.: Н.Е. Андреев (1908–1982)», на которой выступили автор концепции выставки, сотрудница библиотеки, *А. Коптишова* и дочь ученого *Е.Н. Андреева* (Оксфордский ун-т).

Первый блок вечернего заседания посвящался проблемам евразийства. Его открыл доклад *Е. Андреевой* «Историки-эмигранты в Праге и евразийство», в котором в освещении темы, к сожалению, не были учтены итоги предшествующих систематизирующих аналитических историографических исследований (в частности, труды М.Г. Вандалковской). Был зачитан также доклад *М. Байсвенгера* (ун-т Нотр Дам) «Евразийство и чехословацкая научная общественность 1920–1930-е годы», в котором шла речь об евразийской теории в почвоведении и географии России и Чехии. К сожалению, ввиду болезни не состоялся доклад *Э. Ворачека* (ИИ АН ЧР), автора специальной монографии об евразийстве «Деятельность евразийцев в Чехословакии и их контакты с чешским научным обществом», который мог дать обобщенное видение евразийства как феномена русской философской мысли межвоенного периода и его основных направлениях.

В следующем блоке прозвучали доклады, характеризовавшие особенности изучения творчества Ф.М. Достоевского в межвоенной Чехословакии: *М. Магидовой* (СБ) «Общество Достоевского в Праге: идея и реализация», *М.А. Васильевой* (БФРЗ) «Проблема двойника: инновация Семинария по изучению Достоевского (Прага) и общий контекст эмигрантской литературы межвоенной поры», *Т.Н. Красавченко* (Москва) «Достоевский на перекрестке взглядов русских и чешских ученых».

Анализу творчества выдающихся российских писателей-эмигрантов был посвящен последний блок докладов, заслушанных 8 октября: *М. Задражиловой* (Карлов ун-т) «Литература русской эмиграции через призму Варшавы: к анализу “пражских” статей Л. Гомолицкого», *А.М. Грачевой* (ИРЛИ) «А.М. Ремизов и русская эмиграция в Чехословацкой Республике», *И.Ю. Беляковой* (Дом-музей М. Цветаевой) «Письма к Анне Тесковой – эпистолярный дневник М. Цветаевой».

9 октября в первом блоке докладов предметом рассмотрения стали архивные материалы творческой биографии российских ученых-эмигрантов разных областей знания: естествоиспытателей, философов и историков Вернадских в докладе *М.Ю. Сорокиной* (Архив РАН) «Прага и Чехословакия в научной судьбе семьи Вернадских»; слависта А.Л. Погодина – в докладе *Л.П. Лантевой* (МГУ) «Русский историк-эмигрант А.Л. Погодин и его связи с чешскими учеными в межвоенный период»; религиозного философа-космиста Н.Ф. Федорова – в докладе *А.Г. Гачевой* (ИМЛИ) «“Fedoroviana Pragensia”: вехи создания, фондообразователи, историко-культурное значение».

Об историсофских и эстетических проблемах изучения творчества деятелей русской культуры в эмиграции говорилось в докладах *Ф. Полякова* (Венский ун-т) «“Разоренные медведи” – историсофская тема в поэзии Вячеслава Лебедева и Антония Ладинского», *Я. Костицовой* (ун-т в Градец Кралове) «Вячеслав Лебедев и Николай Терлецкий – два автора на рубеже двух культур» и *Л.Г. Барсовой* (АТИ) «Общественно-эстетические проблемы в работах И.И. Лапшина периода эмиграции о музыкальном и литературном творчестве».

Проблемы евразийства частично снова затрагивались в содержательных докладах об участии русских эмигрантов в работе теперь всемирно известного Пражского лингвистического кружка – *Н. Савицкого* (СИ АН ЧР) «Русские ученые и Пражский лингвистический кружок» и *М. Бубениковой* (Карлов ун-т) «Альфред Бем – член Пражского лингвистического кружка». В докладе *В. Чермака* (СИ АН ЧР) «Русские и украинские ученые и исследования славянской пись-

менности на Подкарпатской Руси» был поднят вопрос о существенных различиях в интерпретации развития славянской письменности в указанном регионе в связи с национальной ориентацией авторов.

Следующий блок докладов носил смешанный характер. Роль русских психологов в истории эмиграции в ЧСР рассматривалась в докладе *Н.Ю. Масоликовой* (БФРЗ) «Психологи в истории русского научного зарубежья первой волны: выбор регионального профессионального сообщества», священнослужителей – в докладе *Н.К. Жаковой* (С.-Петербург) «Роль служителей православной церкви в жизни русской эмиграции в межвоенной Чехословакии», педагогов – в докладе *А. Кошицовой* «Взаимные отношения русских и чешских педагогов в межвоенной Чехословакии». В докладе *Й. Маха* (ун-т Масарика) «Деятельность русской интеллектуальной эмиграции на фоне работы Русского (свободного) университета в Праге», к сожалению, не были учтены результаты новейших исследований о последнем периоде существования университета в годы Второй мировой войны в форме Русской ученой академии.

В конце второго дня конференции состоялась презентация новых книг, посвященных истории русской эмиграции в межвоенной Чехословакии, вышедших в Чехии, России, Австрии, США и других странах.

10 октября 2008 г. заседание началось с блока докладов, посвященных развитию русской философской мысли в эмиграции. *В. Гонец* (ун-т Масарика) рассмотрел вопрос о мере влияния русской эмигрантской философии на чехословацкую, *Г. Никл* (СИ АН ЧР) – о расхождении и соприкосновении русской философии с чешской средой, *К. Сладек* (Карлов ун-т) – о духовном родстве последователей Николая Лосского, проявлявшемся в академических сферах Первой чехословацкой республики.

Проблемы изобразительного творчества русской эмиграции и киноискусства освещались в докладах *Д. Кишицовой* (ун-т Масарика) «Григорий Мусатов в Праге», *Р. Дачевой* (Лит. архив МНП) «Галерея славянского искусства (Караскова галерея)» и *Р. Янгирова* (Москва) «Прага.

Баррандов – русская съемочная площадка (1920–1930-е годы)».

Карьера исследователя применительно к историку и литературоведу *Н.Е. Андрееву* рассматривалась в докладе *А. Рогачевского* (ун-т Глазго). Судьбы русских правоведов-эмигрантов освещались в докладах *С. Гагена* (Екатеринбургский гум. ун-т) «М.В. Шахматов и наука истории русского права в Чехословакии» и *С.И. Михальченко* (Брянский ГУ) «Научная и преподавательская деятельность Е.В. Спекторского в Праге (1924–1928 гг.)».

Завершил конференцию блок докладов, посвященных участию русских эмигрантов в развитии библиотечного дела и библиографии в межвоенной Чехословакии: *Й. Вацека* (СБ) «Славянская библиотека и русская эмиграция: контакты и взаимоотношения», *Н.К. Леликовой* (РНБ) «Библиографические труды С.П. Постникова» и *О.Н. Ильиной* (РНБ) «Отдельные оттиски в системе научного общения эмиграции: на примере собрания оттисков из личной библиотеки А.Л. Бема».

К сожалению, насыщенность конференции интересными и разнообразными докладами не оставила времени для развертывания плодотворной дискуссии. Выступавшие в заключение благодарили организаторов (прежде всего группу по истории эмиграции *Л. Белошевой*) за образцовую организацию конференции. Отмечалось, что, с одной стороны, рассмотрение разносторонней профессиональной ориентации русских эмигрантов, несомненно, способствовало расширению кругозора участников конференции, позволило выявить и наметить типологические особенности развития эмигрантской научной мысли, но с другой – отдаленность профессий вела к уменьшению точек соприкосновения для общих дискуссий, что отчасти компенсировалось удачной блоковой систематизацией докладов. По материалам конференции чешская сторона планирует издать сборник статей.

В честь участников конференции Академия наук ЧР устроила торжественный прием на вилле Ланна.

К 90-ЛЕТИЮ ИВАНА ИВАНОВИЧА КОСТЮШКО

В июле 2009 г. исполняется 90 лет со дня рождения доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника Института славяноведения РАН, профессора Ивана Ивановича Костюшко.

Родился Иван Иванович в Белоруссии. Из подготовленного им труда по генеалогии своего рода можно узнать, что предком рода Костюшко-Хоболтовских был толмач (переводчик), землянин (лицо, владевшее землей на условиях вхождения в ополчение, службы в армии в случае войны, исполнения земских повинностей и оказания услуг при проезде короля, с 1569 г. приравнивался по статусу к шляхтичу), господарский (королевский) дворянин Ивашка. Вероятно, служба неслась исправно, так как уже его сыну Костюшко Ивашковичу польский король Александр в начале XVI в. пожаловал село Хоболтово в 10 км от Владимира-Волынского. После присоединения Восточной Белоруссии к России в 1772 г. его потомки присягнули на верность империи. В XVIII в. в связи с обращением за подтверждением дворянского звания Оршанский земский суд признал род Костюшко благородным дворянским с достойными знатными предками, однако уже в XIX в. это решение не было подтверждено из-за частичной продажи имения. А в то время одним из главных оснований для признания дворянства считалось владение землей. Но как бы там ни было, род Ивана Ивановича древний, а сам он еще раз доказал скрупулезность историка-исследователя, проследив по документам в подробностях свое происхождение с XVI в.!

Поколению Ивана Ивановича выпала нелегкая судьба. Учеба была прервана войной. Иван Иванович воевал в одном из польских соединений, сформированных на территории Союза ССР. За ратный подвиг был награжден медалями и орденами.

После войны он вернулся в Историко-архивный институт, который закончил в 1946 г. В 1951 г. в Институте славяноведения РАН он успешно защитил кандидатскую диссертацию «Развитие капитализма и кризис феодально-крепостнических отношений в польской деревне (Царство Польское в 30-х – начале 60-х гг. XIX в.)». Свидетельством серьезного интереса к социально-экономическим проблемам польской истории стала монография И.И. Костюшко «Крестьянская реформа 1864 г. в Царстве Польском» (1962), защищенная в 1963 г. в качестве докторской диссертации. За 60 лет научной работы список опубликованных трудов выглядит весьма солидным: монографии, статьи, сборники документов. В нескольких монографиях исследованы аграрные реформы в различных частях Польши, проведен их сопоставительный анализ. Комплексный подход к проблеме, основательность проработки – вот, пожалуй, отличительные черты его исследований. Труды Костюшко имеют широкую документальную базу и нашли признание у полонистов. Много сделано им для изучения польско-российских отношений, истории Польши в период между мировыми войнами. Увлеченность работой отличает Ивана Ивановича: я нередко встречаю его в архивах.

Иван Иванович подготовил многих специалистов по истории Польши, защитивших диссертации под его научным руководством. Он поддерживает связь с высшей школой: будучи студенткой исторического факультета МГУ я, например, слушала его спецкурс на кафедре истории южных и западных славян.

Много лет Иван Иванович возглавлял сектор в Институте славяноведения и балканистики РАН. Придя в аспирантуру в этот сектор, могу засвидетельствовать, что никогда не слышала, чтобы Иван Иванович повышал на кого-то голос, к молодежи был предельно внимателен, умел создать хорошую деловую атмосферу. Поражало, как он спокойно, «без нервов», всегда мог настоять на своем. И хотя был требователен к сотрудникам и аспирантам, его справедливость и

доброжелательность подкупали. Мне казалось тогда (да и теперь я не изменила своего мнения), что таким и должен быть руководитель. А когда мы собирались, чтобы что-то отметить, было празднично, душевно и интересно, так как «наши» мужчины были прекрасными рассказчиками.

Иван Иванович – «трудоголик», и ярче всего эта его черта проявилась на посту главного редактора журнала «Славяноведение», который он возглавлял с момента его создания в 1965 г. на протяжении более 20 лет. Достаточно сказать, что он лично читал все статьи и заметки в каждый номер, причем как маститых авторов, так и новичков в науке. Молодым авторам, которым обычно трудно публиковаться, предоставлял место на страницах журнала в первую очередь. Иван Иванович был ответственным редактором монографий, коллективных трудов, сборников статей. Он проделал огромную работу по подготовке к публикации документов и материалов: под его редакцией, с его вступлением и комментариями вышли несколько томов серии по истории советско-польских отношений, документы по советско-польской войне 1920 г., проблеме польского национального меньшинства, польских военнопленных в РСФСР, БССР, УССР, красноармейцев в польском плену и др.

Многokrатно И.И. Костюшко представлял отечественную историческую науку на международных форумах, участвовал в работе Международной комиссии по истории славистики при Международном комитете славистов. Он стоял у истоков создания совместной польско-российской комиссии историков, в работе которой принимает участие и теперь.

В последние годы он активно участвовал в разработке проектов программ ОИФН РАН. Под его редакцией в 2007 г. вышел сборник статей «Восточная Европа после Версаля». В 2008 г. в рамках нового проекта «Власть и общество» Иван Иванович опубликовал статью историко-правового характера – «От парламентской системы правления к авторитарной (Конституции Польши 1921 и 1935 гг.)».

Иван Иванович участвовал и участвует в написании энциклопедий, учебных пособий, обобщающих работ по истории Польши. Его многолетний научный труд не раз отмечался грамотами Президиума академии наук, почетными медалями, орденами.

В Институте славяноведения, наверное, нет ни одного человека, который бы не знал, не ценил и не уважал Ивана Ивановича, во всяком случае, на последнем юбилее зал не вмещал всех желающих поздравить именинника.

Отдел истории славянских народов периода мировых войн и я лично желаем нашему дорогому юбиляру бодрости, оптимизма и жизни в здравии! А в качестве подарка коллектив авторов подготовил в честь 90-летия И.И. Костюшко сборник научных статей, в создании которого приняли участие сотрудники отдела и коллеги-полонисты из России и Польши.

© 2009 г. *Е.П. Серапионова*

Дирекция и коллектив Института славяноведения РАН присоединяются к поздравлению и желают здоровья и еще раз здоровья старейшему сотруднику. Редколлегия и коллектив журнала «Славяноведение», кроме традиционных поздравлений, еще раз напоминает читателям, что они держат в руках журнал, у истоков которого стоял юбиляр, энергией, эрудицией, приверженностью к соблюдению научной этики заложивший основные принципы работы нашего издания.

Славяноведение, № 4

К 70-ЛЕТИЮ ВЛАДИСЛАВА ЯКИМОВИЧА ГРОСУЛА

В феврале 2009 г. отметил 70-летний юбилей крупный российский и молдавский историк – балканист и русист – Владислав Якимович Гросул, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института российской истории РАН.

В.Я. Гросул родился 11 февраля 1939 г. в Тирасполе. Его отец, известный молдавский историк чл.-корр. АН СССР Яким Сергеевич Гросул (1912–1976) на протяжении многих лет

возглавлял Институт истории АН Молдавской ССР. В 1961 г. он был избран первым президентом АН Молдавской ССР.

По окончании Кишиневского университета В. Гросул поступил в аспирантуру Института истории СССР АН СССР, где его научным руководителем был академик Н.М. Дружинин. На основе кандидатской диссертации, защищенной в 1964 г., была опубликована первая монография В.Я. Гросула «Реформы в Дунайских княжествах и Россия (20–30-е годы XIX в.» (М., 1966). По окончании аспирантуры В.Я. Гросул в течение ряда лет занимался проблемами российско-румынских отношений в XIX в. в Институте истории Академии наук Молдавской ССР, опубликовав в 1969 г. монографию «Россия и формирование румынского независимого государства» (совместно с Е.Е. Чертаном). В эти годы он стал также одним из инициаторов серийного кишиневского издания «Балканский исторический сборник». В 1960-е годы в круг его научных интересов входили также проблемы экономической истории первой половины XIX в..

С начала 1970-х годов В.Я. Гросул работает в Москве в Институте истории СССР АН СССР (с начала 1990-х годов – Институт российской истории РАН). Главной темой его исследований на долгие годы становятся российско-балканские общественно-политические связи второй половины XIX в. По этой тематике им была опубликована серия монографий: «Российские революционеры в Юго-Восточной Европе (1859–1974 гг.)» (Кишинев, 1973); «Революционная Россия и Балканы (1874–1883)» (М., 1980); «Российская революционная эмиграция на Балканах в 1883–1895 гг.» (М., 1988); статьи о восприятии российским общественным мнением событий на Балканах. В 1976 г. В.Я. Гросул защитил в Институте истории СССР докторскую диссертацию.

Освоение проблематики российско-балканских связей позволило В.Я. Гросулу позже перекинуть мостик к систематическому исследованию русского зарубежья XIX в. Большой резонанс в профессиональной среде получили его монографии «Международные связи российской политической эмиграции во 2-й половине XIX века» (М., 2001) и «Русское зарубежье в первой половине XIX века» (М., 2008), статьи об участии русских в европейских революциях 1848 г. и т.д. Ряд статей В.Я. Гросула посвящен польской эмиграции на Балканах.

Другая важнейшая сфера исследований В.Я. Гросула в 1990–2000-е годы – отношения власти и общества, формирование общественного мнения и зарождение политических движений в России XIX в. Вслед за многочисленными статьями и разделами в коллективных научных трудах (в том числе «Истории Москвы») последовала его фундаментальная монография «Русское общество XVIII–XIX веков. Традиции и новаторство» (М., 2003). Под редакцией В.Я. Гросула вышел коллективный труд ИРИ РАН «Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика» (М., 2000). В работах по истории Бессарабии и Левобережного Приднестровья в XIX в. В.Я. Гросул попытался, опираясь на большой фактический материал, проследить преломление общих принципов управления многонациональной державой в политике царизма на юго-западных национальных окраинах Российской империи.

Историк широкого кругозора, одинаково уверенно себя чувствующий в проблемах Новой истории России и Балкан, В.Я. Гросул в ряде статей и докладов обращался к выявлению общего и особенного в развитии монархий Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы, писал в сравнительно-историческом ключе о соотношении реформаторского и революционного начал в общественной жизни России и Балкан. Его перу принадлежат и статьи по проблемам периодизации всемирной и отечественной истории. С другой стороны, он отдал дань и локальной (не макро-, но микро-) истории, опубликовав монографию об истории своего фамильного села «Карагаш – минувший и нынешний. (История одного приднестровского села)» (М., 2001), «Очерки истории Тамани» (совместно с Н.Ф. Бугаем. М., 1996). Дискуссионным проблемам посвящена недавняя монография «Образование СССР. 1917–1924» (М., 2007), в которой автор пытается доказать, что образование СССР было в первую очередь предопределено принявшими большой размах и направленными на интеграцию общественными движениями на землях бывшей Российской империи, а не давлением центра (большевистского режима в Москве).

Начиная с 1970-х годов В.Я. Гросул неоднократно представлял СССР, а затем Россию на международных конференциях в рамках ассоциации по изучению Юго-Восточной Европы, немало сил отдал многолетней работе в двусторонней комиссии историков России и Румынии. Занимаясь долгие годы проблемами российско-румынских и российско-молдавских отношений, В.Я. Гросул уделял первостепенное внимание той части общего исторического наследия, которая не разделяла, а объединяла два соседних народа. Показательно его внимание к фигуре известного российского реформатора графа П.Д. Киселева, в честь которого названа одна из главных автомагистралей Бухареста (очерк в книге «Российские реформаторы, XIX – на-

чало XX в.». М., 1995). Выступая в жанре исторического портрета, В.Я. Гросул обращался и к другим ярким (и очень разным по духу) персоналиям трех столетий. Это и сын молдавского господаря, ученого-энциклопедиста Дмитрия Кантемира, успешный российский дипломат и первый русский светский поэт Антиох Кантемир, это и Христиан Раковский – болгарский революционер, крупный советский дипломат и один из основателей Украинской ССР.

В течение ряда десятилетий В.Я. Гросул участвовал в проектах Института славяноведения и балканистики АН СССР, позже Института славяноведения РАН (статьи в «Балканских исследованиях»; разделы в коллективных трудах «Социальная структура обществ в XIX в. Страны ЦЮВЕ». М., 1982), «Формирование национальных независимых государств на Балканах. Конец XVIII – 70-е годы XIX в. (М., 1986), «Век Екатерины II. Россия и Балканы» (М., 1998) и др. Ему принадлежит заслуга постановки серьезных научных проблем – например, о конституционалистских экспериментах российских реформаторов за пределами России и их влиянии на передовую общественную мысль и политическую практику в балканских странах (в том числе о влиянии реформ Киселева в Дунайских княжествах на болгарских реформаторов).

Научную работу профессор В.Я. Гросул сочетает с преподавательской и просветительской. Он много выступает в российской и молдавской прессе по проблемам национальных отношений, осуществляет научное руководство аспирантами. Как многолетний член диссертационного совета Института славяноведения РАН, эксперт ВАКа неизменно сочетает доброжелательность к начинающим ученым с высокой требовательностью и принципиальностью. Педагог, подготовивший немало специалистов, работающих сегодня не только в Москве, но также в Кишиневе и Тирасполе, В.Я. Гросул прилагает (зачастую в весьма неблагоприятных объективных условиях) большие, если не сказать подвижнические, усилия для сохранения и восстановления профессиональных связей историков, живущих на постсоветском пространстве.

© 2009 г. А.С. Стыкалин

Коллектив Института славяноведения РАН, с которым В.Я. Гросул сотрудничает около 40 лет, желает юбиляру здоровья и новых творческих свершений.

ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА МАРЬЯНА БРИТОВШЕКА (1923–2008)

Известный словенский историк Марьян Бритовшек родился 23 августа 1923 г. в Словенском Градце в Штирии в семье торговца. Окончил гимназию в Мариборе. В 1943–1945 гг. воевал в партизанских отрядах против фашистов. После войны Бритовшек окончил историческое отделение Философского факультета Люблянского университета. В 1949–1951 гг. проходил специализацию по истории международного рабочего движения в Институте общественных наук в Белграде. Он и потом активно сотрудничал с белградскими учеными: с Миленой Гецич и другими сотрудниками Института по изучению рабочего движения. Плодом этого сотрудничества стали четыре тома обширного труда «Материалы общей библиографической документации по изучению международного рабочего движения».

В 1960 г. Бритовшек защитил докторскую диссертацию «Разложение феодальной аграрной системы в Крайне», которая вышла в 1964 г. в Любляне отдельной книгой. Это фундаментальный труд, основанный на огромном архивном материале. В 1970 г. в Мариборе увидела свет другая книга Бритовшека по истории Словении «Антон Фюстер и революция 1848 г. в Австрии». Она посвящена словенскому радикальному деятелю, занимавшему самые левые позиции в революционном венском парламенте. В 1962 г. Бритовшек стал доцентом, а в 1975 – профессором Люблянского университета. Он читал лекции по социальной истории XIX–XX вв. В 1993 г. ушел на пенсию, в 1994 г. получил звание заслуженного профессора. Бритовшек написал несколько учебников для школ, дважды за свои труды получал награды фонда Бориса Кидрича.

В последние полвека в Словении не было историка, который бы уделял такое внимание истории нашего отечества, как Бритовшек. Он не только исследовал события, происходившие в СССР, но и принимал их близко к сердцу. В 70–80-е годы XX в. вышли в свет его монографии: «Борьба за ленинское наследие» (Любляна, 1976), «Борьба Ленина за создание революционной марксистской партии» (Любляна, 1979), «Царизм, революция, сталинизм» (Любляна, 1980), «Термидор Сталина» (Любляна, 1984) и др. О его интересе к рабочему, прежде всего социалистическому движению, свидетельствуют серии его статей о I, II и III Интернационалах, о Парижской Коммуне, о деятельности Маркса и Энгельса в период революции 1848 г.

Научные труды Бритовшека отличаются глубиной, критическим духом и фундаментальностью. Чтобы написать их, ему пришлось просмотреть материалы многих архивов Югославии и Европы, поработать во многих библиотеках. Как человек Бритовшек отличался неизменной доброжелательностью и вниманием к людям.

Бритовшек скончался 8 декабря 2008 г. в Любляне. Память о великом труженике науки и добром друге нашей страны навсегда сохранится в сердцах тех, кто его знал.

© 2009 г. *И.В. Чуркина, Л.А. Кирилина*

ПАМЯТИ МЕРЧИНА ФЁЛЬКЕЛЯ (1934–2007)

Исследователи часто задаются вопросом, как лужицким сербам удалось дожить до XXI в. Ведь все их соплеменники – полабско-балтийские славяне – были ассимилированы и сошли с исторической сцены. Среди множества причин, объясняющих этот феномен, хочется выделить так называемый человеческий фактор. На протяжении веков лужицкие сербы выделяли из своей среды деятелей, которые заботились о сохранении их идентичности. Усилия горстки сербо-

лужицких патриотов привели к концу первой половины XIX в. к объединению всех культурных сил и созданию Матицы Серболужицкой, которая стала центром интеллектуальной жизни народа и своеобразной кузницей национальных кадров. В разное время Матицу возглавляли Я.А. Смолер, М. Горник, А. Мука, заложившие основы новой отрасли гуманитарной науки – сорабистики. В 1991 г. председателем Матицы стал Мерчин Фэлькель, продолживший в новых исторических условиях дело своих предшественников по сохранению национальной самобытности лужицких сербов.

Мерчин Фэлькель родился в 1934 г. в Крошчицах в семье портного, окончил сельскую школу, а потом сербскую гимназию в Варнсдорфе в Чешской республике и созданную в 1953 г. Сербскую Высшую школу в Будишине. С 1954 до 1958 г. он изучал сорабистику и журналистику в Лейпцигском университете. Возвратившись в Будишин, стал работать в Молодежной сербской газете, затем заведующим культурным отделом известной сербской газеты «Nova doba». В 1960-х годах Фэлькель редактировал и участвовал в создании важнейшего для серболужицкого народа издания – «Сербского календаря», а в конце 1970-х работал в редакции сербского культурного журнала «Rozhľad». Высокая квалификация Фэлькеля весьма способствовала повышению качества серболужицкой журналистики. В 1982 г. М. Фэлькель стал научным сотрудником Института сербского народоведения в Будишине. В 1984 г. вышел из печати его труд «Сербские газеты и журналы в прошлом и настоящем», где дается обзор развития сербского газетного и журнального дела от 1766 г. до современности, т.е. за 200 лет. К истории сербской публицистики относится и его неопубликованная диссертация «Вклад журнала «Љуџица» в духовную и культурную жизнь сербов» (на немецком языке), за которую Мерчин Фэлькель в 1990 г. получил в Академии наук ГДР звание доктора философии.

В Институте сербского народоведения М. Фэлькель в качестве автора и редактора участвовал в создании фундаментального труда по истории сербской письменности, а к юбилею Сербской Матицы издал труд о ее истории «Траг дурби Serbstvo» (1997). С 1990-х годов М. Фэлькель активно исследовал сербско-славянские культурные связи и публиковал статьи о литературных и научных контактах. Так, он освещал вопрос о восприятии русской и советской литературы в Лужицах, переводы польской и болгарской прозы на сербский язык, о сербско-украинских и сербско-кашубских связях. Большое внимание в сочинениях М. Фэлькеля уделено творчеству отдельных писателей – А.С. Пушкина, И. Франко, Й. Крашевского и других, их значению для сербской культуры. Его работы опубликованы в сербских, немецких, русских, украинских, болгарских, польских, чешских, словацких и югославянских сборниках и журналах. М. Фэлькель участвовал в огромном числе научных конференций и симпозиумов, приезжал в Москву для участия в конференциях и работы в архивах. В период существования Советского Союза он являлся постоянным участником семинара сорабистики во Львове. На конференциях он всегда выступал с докладами, пропагандируя в них серболужицкую литературу и культуру.

В 1991 г. М. Фэлькель стал председателем Матицы Сербской, взяв на себя труд организовать деятельность этого старого культурного общества в соответствии с новыми условиями современности. Как знаток сербской истории он оживил традиции Я. Смолера, М. Горника и А. Муки. Он проводил линию на объединение всех сербов, не допускал раскола в их рядах и умело ликвидировал разногласия. При нем проходили массовые торжества, посвященные историческим датам в сербской культуре и жизни. Было широко отмечено 150-летие Матицы Сербской, столетие со дня смерти М. Горника (1894), обновлены памятники деятелям культуры XIX в. и поставлены новые. Председатель стремился установить связи с другими славянскими Матицами и особое внимание уделял отделению Матицы Сербской в Нижней Лужице. Его заслугой является привлечение в ряды этой организации многих славянских культурных деятелей, и особенно он стремился увеличить ее состав за счет молодежи.

Последней работой М. Фэлькеля был словарь для изучения сербской литературы (2005). Будучи в начале своей деятельности школьным учителем, председатель Матицы позаботился о привлечении к сербской литературе учащихся.

М. Фэлькель принадлежал к тем деятелям, которые несмотря на сложные перипетии событий в мире оставались сторонниками славянской взаимности в смысле дружбы и культурного лужицко-сербско-славянского сотрудничества. Большое удовлетворение доставил ему съезд всех славянских Матиц в Мартине в Словацкой республике в марте 2007 г., а в апреле того же года Матица Сербская в Будишине под его руководством отметила 160-летие своего существования.

Это было последнее его мероприятие. Председатель скончался 11 июля 2007 г. С его уходом лужицкие сербы утратили талантливого защитника их самобытности, продолжателя традиций классиков национального пробуждения, обеспечивших столь долгую жизнь малому славянскому народу.

CONTENTS

ARTICLES

<i>Vasyutin S.A., Pugachev A.Yu.</i> (Kemerovo). Turkish-Bulgarian, Byzantium and the Slavs at the End of VII–VIII Centuries: a Model of Military-Political Adaptation of Nomads in the Semi-Peripheral Area of Agricultural Civilization	3
<i>Antonov V.A.</i> (Moscow). «The Slavic Coat of Arms» as Understood by the Danes in XV–XVI Centuries	17
<i>Korzo M.A.</i> (Moscow). Some Sources of Simeon Polotsky' Catechisms	24
<i>Selyverstov S.V.</i> (Astana). N.S. Trubetskoy in the Eurasian Discourse of the beginning of 1930's.	40
<i>Vagapova N.M.</i> (Moscow). Nikolay Osipovich Massalytinov and the Bulgarian XX Century Theatre.....	55
<i>Anisimova D.Yu.</i> (Moscow). The Use of Indefinite Pronouns in the Slovak Expressive-Evaluative Functions	68
<i>Moloshnaya T.N.</i> (Moscow). Transposition of the Imperative Grammatical Forms in Modern Russian and Other Slavic Languages	81

COMMUNICATIONS

<i>Rossov V.A.</i> (Moscow). Writer G.D. Grebenshchikov in Constantinople.....	91
--	----

FROM THE HISTORY OF SLAVIC STUDIES

<i>Ivanov Vyach.Vs.</i> (Moscow). A Quarter of a Century in the Institute for Slavic Studies	102
--	-----

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<i>Manantchikova N.P.</i> А.Н. Горяинов. В России и эмиграции: очерки о славяноведении и славистах первой половины XX века.....	117
<i>Kosyk V.I.</i> Т. Puškadija-Ribkin. Emigranti iz Rusije u znanstvenom i kulturnom životu Zagreba	121
<i>Ilyina G.Ya.</i> Н.М. Вагапова. Русская театральная эмиграция в Центральной Европе и на Балканах	122
<i>Zamyatin D.N.</i> Ландшафты культуры. Славянский мир	126
<i>Ogrints K.</i> H. Jazbec. Nemške izposojenke pri Trubarju na primeru besedila Ena dolga predgovor	129

SCHOLARLY LIFE

<i>Dostal M.Yu.</i> International Conference «Russian Emigrant Culture and Humanities in the Interwar Czechoslovakia: Professional Cooperation»	134
---	-----

ANNIVERSARIES

<i>Serapionova E.P.</i> The 90 Anniversary of Ivan Ivanovich Kostyushko.....	137
<i>Stykalin A.S.</i> The 70 Anniversary of Vladislav Yakimovich Grosul.....	138

OBITUARIES

<i>Tchurkina I.V., Cyrilina L.A.</i> In Memoriam of Marian Britovshek (1923–2008).....	141
<i>Lapteva L.P.</i> In Memoriam of Mertschin Völkel (1934–2007)	141

Сдано в набор 01.04.2009 Подписано в печать 28.05.2009 Формат бумаги 70 × 100¹/₁₆
Цифровая печать. Усл.печ.л. 11,7 Усл.кр.-отт. 5,2 тыс. Уч.изд.л. 12,1 Бум.л. 4,5
Тираж 435 экз. Зак. 353

Учредители: Российская академия наук, Институт славяноведения РАН

Издатель: Академиздатцентр «Наука», 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 938-01-20
E-mail: jurslav@rambler.ru; zhurslav@mail.ru

Оригинал-макет подготовлен МАИК «Наука/Интерпериодика»
Отпечатано в ППП «Типография «Наука», 121099 Москва, Шубинский пер., 6

ПОДПИСКА-2010

ПЕРВОЕ ПОЛУГОДИЕ

ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ

1
ТОМ Российские и зарубежные газеты и журналы

2
ТОМ Книги и учебники

1 ТОМ
ПРЕС
РОС
И З
ГАЗ
И Ж

УВАЖАЕМЫЕ ПОДПИСЧИКИ!

Журналы Российской академии наук можно выписать в любом почтовом отделении России по объединенному Каталогу Федерального управления почтовой связи (ФУПС). Академические журналы объявлены в этом каталоге в разделе “АПР”